

100

ВЕЛИКИХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

100 великих (Вече)

Андрей Низовский

100 великих приключений

«ВЕЧЕ»

2006

Низовский А. Ю.

100 великих приключений / А. Ю. Низовский — «ВЕЧЕ»,
2006 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-4444-9132-4

Эта книга посвящена ста самым великим и невероятным приключениям во всемирной истории. С незапамятных времен людей манили дальние и загадочные страны, легенды о сказочных сокровищах, предания о «золотом веке», известия о счастливой и справедливой жизни «там, за горизонтом». Правители и полководцы издавна снаряжали экспедиции на поиски новых морских и сухопутных путей, отправляли армии на покорение племен и народов «земель неизвестных». Позднее коммерсанты и научные сообщества пытались раздвинуть границы известного мира, заглянуть в отдаленные уголки планеты. Отчаянные авантюристы-одиночки по своей воле или в силу жизненных обстоятельств оказывались в самых невероятных местах, их одиссеи проходили не только на земле и на воде, но и под землей, под водой, в небесах. Путешествия и приключения мореплавателей и землепроходцев, подвиги известных и малоизвестных героев обогащали новыми открытиями мировую науку либо демонстрировали возможности человека в схватках со стихиями.

ISBN 978-5-4444-9132-4

© Низовский А. Ю., 2006

© ВЕЧЕ, 2006

Содержание

Приключения, почти фантастические...	6
Вслед за аргонавтами	6
По следам Одиссея	9
Дорогой Энея	14
Через Атлантику со Святым Бренданом	20
Восьмое путешествие Синдбада	24
...И почти реальные	30
Станный отчет царевича Сатаспа	30
Плавание Ганнона к «Колеснице богов»	33
Путешествие Пифея-лжеца	37
Плавание Евдокса	40
Приключения на земле...	43
Необыкновенное странствие бродячего миннезингера	43
Путешествие монаха Юлиана в поисках «Великой Венгрии»	46
«Марко-миллионе»	52
Ибн Баттута: по заветам Корана и зову сердца	56
Скитания Иоганна Шильтбергера	63
Жильбер де Ланнуа: полвека в дороге	67
«Хождение за три моря»	71
Где ты, Эдьдорадо?	77
На поиски легендарной Сиволы	82
«Бедный белый человек...»	85
Шейх Иоганн	90
Тимбукту – таинственный город в песках	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

**Николай Николаевич Непомнящий,
Андрей Юрьевич Низовский
Сто великих приключений**

© Непомнящий Н.Н., Низовский А.Ю., 2006

© ООО «Издательство «Вече», 2006

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

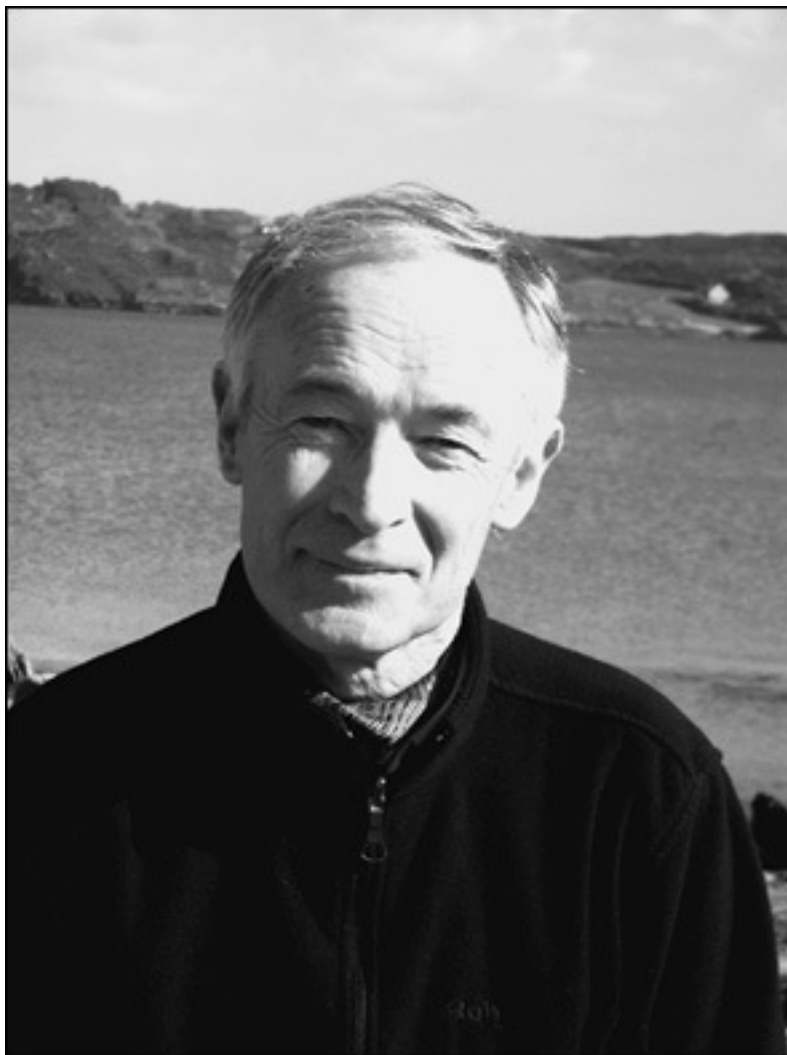
Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Приключения, почти фантастические...

Вслед за аргонавтами

На берегу морского залива в Фессалии царь Кретея построил город Иолк. Плодородие окрестных полей, торговля и мореплавание принесли городу большое богатство. После Кретея царем стал его сын Эсон, но его брат Пелий отнял у него власть, и Эсону пришлось стать простым гражданином. Вскоре у него родился сын Ясон. Боясь, что жестокий Пелий прикажет умертвить младенца, Эсон отдал мальчика на воспитание мудрому кентавру Хирону. Двадцать лет жил Ясон у Хирона в лесу, в пещере. Кентавр обучил ему всем премудростям, научил владеть копьем и мечом, стрелять из лука. Не было равного Ясону в ловкости, храбрости и силе. И наконец пришел час отправиться ему в Иолк и потребовать у Пелия, чтобы тот вернул власть законному наследнику царя...

Тим Северин

Ирландец Тим Северин многие годы занимался историческими реконструкциями древних морских путей различных народов. Одним из его предприятий стало путешествие в 1984–1985 гг. на точной копии древнегреческого судна по маршруту аргонавтов. Тим Северин назвал свой корабль «Арго» – точно так же, как назывался корабль Ясона и его друзей.

...В Иолке Ясон быстро завоевал поддержку множества граждан. Царь Пелий побоялся отказать в его законном требовании, однако поставил условие: Ясон должен был отправиться в далекую Колхиду и завладеть золотым руном. Это путешествие обещало быть очень опасным, и злобный Пелий в глубине души надеялся, что Ясон сгинет где-нибудь в пути. Но судьба распорядилась иначе.

Вокруг Ясона собралось множество героев – знаменитый Тесей, победитель Минотавра; неразлучные братья Кастор и Полидевк, легендарный охотник Мелеагр из Калидона, крылатые Калаид и Зет – сыновья бога ветров Борея, могучие богатыри Анкей, Адмет, Теламон, великий певец Орфей. Даже величайший из греческих героев, Геракл, согласился принять участие в походе. А опытный и умелый кораблестроитель Арг построил для Ясона и его спутников корабль. Сама богиня Афина помогала ему в этом деле. Она вделала в корму корабля кусок священного дуба из рощи оракула Зевса в Додоне. Корабль получил название «Арго», а герои, принявшие участие в походе, по его имени стали зваться аргонавтами.

Ясон и его товарищи отправились в путь. На пути к Колхиде они переплыли полное чудес море, посетили удивительные земли и преодолели множество препятствий. На побережье Малой Азии им встретились шестирукие великаны, бросавшие в корабль огромные камни, а для того чтобы попасть в Черное море, аргонавтам пришлось пройти через опасные скалы Симплегады. Они находились в постоянном движении – то расходились, то сходились вновь, ударяясь друг о друга со страшным грохотом. Море вокруг них клочкотало, при каждом новом столкновении скал целые столбы воды высоко взлетали в небо. Когда же скалы расходились, между ними проносились потоки воды, кружась в неистовом водовороте. Но «Арго» благополучно миновал и это препятствие, лишь конец руля раздробили сомкнувшиеся за его кормой скалы.

Но вот уже путь через моря остался позади и на горизонте появились берега Колхиды. «Арго» вошел в устье реки Фазис (Риони). Аргонавты на веслах поднялись вверх по течению и стали на якорь в заливе реки, заросшей густым камышом. Цель была достигнута. Однако как завладеть золотым руном, которое, как зеницу ока, берег царь Колхиды Ээт?

На помощь аргонавтам пришли богини Гера и Афина. Они сделали так, что Медея, дочь царя Ээта, влюбилась в Ясона. Царь же сразу возненавидел греков, но скрыл свои чувства от аргонавтов. Он даже притворно согласился отдать золотое руно Ясону. Но сначала тот должен был выполнить опасное задание: герою следовало запрячь в ярмо огнедышащих быков, вспахать на них поле, засеять его зубами дракона и победить немедленно вырастающих из земли воинов. С помощью волшебного искусства Медеи Ясон выполнил задание царя за один день. Но царь Колхиды не собирался так просто лишиться сокровища. Он решил внезапно напасть на аргонавтов, о чем предупредила их Медея. Она еще раз воспользовалась магией, чтобы помочь Ясону справиться с драконом, который стерег золотое руно. Завладев желанным сокровищем, аргонавты спешно покинули Колхиду с золотым руном и Медеей. Колдовство колхидской царевны помогло им избавиться от погони.

Назад они возвращались через Дунай, поднявшись вверх по течению великой реки и там по одному из ее рукавов спустившись в Адриатическое море. Огибая Балканский полуостров, аргонавты пережили еще немало приключений: побывали на острове волшебницы Цирцеи, благополучно прошли между Сциллой и Харибдой, миновали остров сирен, чары которых преодолел своей песней Орфей, проплыли через узкий пролив Планкты, под сводами огромных утесов, где волны кружились в исполинском водовороте, порой вздымаясь до верхушек скал. Когда вдали уже показались берега Пелопоннеса, «Арго» подхватил небывалой силы вихрь. Он

долго нес корабль по безбрежному морю и наконец выбросил его на пустынный берег залива, дно которого было сплошь покрыто водорослями. «Арго» глубоко завяз в тине.

Как оказалось, буря занесла «Арго» на берега жаркой Ливии (так в древности именовалось побережье Северной Африки к западу от Египта). Двенадцать дней на своих плечах несли аргонавты корабль через знойную Ливийскую пустыню, изнемогая от жары и жажды. Наконец они достигли страны гесперид, где когда-то побывал Геракл. Здесь герои наконец смогли утолить жажду. Они запаслись водой, провизией и через озеро Тритониду вышли в открытое море. Следующую остановку они рассчитывали сделать на Крите, но подойти к берегу им не позволил медный великан Талос, страж острова, подаренный критскому царю Миносу самим Зевсом. Медея своими чарами усыпила Талоса. Великан рухнул на землю, и от удара из него выпал медный гвоздь, замыкавший единственную жилу, по которой текла кровь Талоса. Кровь хлынула из медного тела, подобно расплавленному свинцу, и исполин умер. Аргонавты пристали к берегу, запаслись водой и снова подняли парус. Пережив жестокую бурю, они в итоге благополучно дошли до гавани Иолка...

Ученые уже давно рассматривают миф об аргонавтах как вполне достоверный рассказ о греческих путешественниках – скорее всего о тех, кто впервые вышел в Черное море. В текстах найденных в Микенах и других ахейских городах табличек с текстами, написанными так называемым линейным письмом «Б» (XIII в. до н. э.), неоднократно отмечаются посылки кораблей «на Север». Что в данном случае означает «на Север», мы можем только гадать. Не исключено, что речь идет о походах к Черному морю, с давних пор привлекавшему к себе внимание греческих мореходов.

С течением времени легенда о Ясоне обросла различными подробностями и претерпела множество трансформаций, в нее вплелись и мотивы, связанные со странствиями Одиссея, и сюжеты, повествующие о подвигах других мореплавателей древности, ходивших и к берегам Северной Африки, и в Адриатику. Таким образом, повесть об аргонавтах стала своеобразным сводом легенд о первых мореходах, отправившихся покорять далекие моря, а корабль Ясона «Арго» вплоть до конца античных времен считался «первым плавающим кораблем» в мире. Сегодня исследователи склоняются к мысли, что он принадлежал к типу 20-весельной эйкосоры. Это было быстроходное и довольно вместительное судно: кроме полусотни воинов (они же были и гребцами) корабли подобного типа были способны перевозить пассажиров, съестные припасы, оружие и даже жертвенных быков. Силуэты подобных кораблей сохранились на греческих вазах и стенах египетских гробниц.

Приспособленность эйкосоры к дальним плаваниям блестяще доказали аргонавты и уже в наши времена подтвердила экспедиция Тима Северина: его «Арго» с интернациональным экипажем продемонстрировал отличные мореходные данные и достиг берегов Колхиды – современной Грузии. Именно здесь, в бассейне реки Риони (Фазиса), в древности был распространен необычный метод промывки золота: бараны шкуры погружали в проточную воду, чтобы несомые течением крупинки золота застревали в густой шерсти. Из этого обычая, по-видимому, и родился миф о «золотом руне». И даже в кажущемся совсем уж фантастическим рассказе о пути, которым Ясон возвращался домой, очевидно, тоже есть доля истины. Чуть ли не со времен каменного века существовала торговая дорога, которая через Дунай, Саву, Грушевый лес вела к Адриатическому побережью. Тот, кто побывает в этих краях, может воочию увидеть остатки доисторического колесного волока на последнем отрезке пути – близ побережья Адриатики.

По следам Одиссея

...Десять лет простояло греческое войско под стенами Трои. Но вот город, наконец, пал, и греческие цари заспешили со своими дружинами домой. Одиссей, царь небольшого островка Итака в Ионическом море, тоже всем сердцем стремился на родину, к верной и любимой жене и подрастающему сыну. Но злой рок распорядился так, что еще долгих десять лет суждено ему было скитаться по бескрайнему океану, потерять всех своих спутников, вступить в противоборство с богами, чудовищами и стихиями...

Одиссей и Полифем

Знаменитая «Одиссея», созданная ок. VII в. до н. э., считается одним из первых приключенческих романов в истории человечества. Ее автор, слепой певец Гомер, не только имел дар стихосложения, но и прекрасно разбирался в кораблях и искусстве кораблевождения. Правда, некоторые исторические факты, приведенные в поэме, сомнительны, географические сведения – туманны. Тем не менее «Одиссея» является настоящей энциклопедией географических представлений древних греков. Ее главный герой Одиссей представляет собой яркий тип моряка и искателя приключений.

...После гибели Трои дружина Одиссея отправилась на родину. Ветер занес греков к берегам Фракии. Они захватили Измару, столицу народа киконов, и разграбили ее. Увлечшись грабежом и пьянством, участники похода забыли об осторожности. Воспользовавшись этим, местные жители напали на пришельцев и истребили множество греков. Уцелевшие воины поспешно покинули страну киконов и пустились в открытое море. Девять дней бушевала буря:

...Облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь,

Мчались суда, погружаясь в волны носами, ветрила
Трижды, четырежды были разорваны силою бури.

Ветер примчал корабли Одиссея к стране лотофагов (поедателей лотоса). Население встретило пришельцев миролюбиво, но другая беда ждала их: всякий, кто отведал сладко-медового лотоса, мгновенно забывал обо всем и желал лишь остаться в той стране навсегда. Одиссею пришлось силою притащить моряков на корабль и крепко привязать их к корабельным скамьям. Одиссей и его товарищи

Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные волны.

Вскоре корабли пристали к острову циклопов. Эта земля показалась Одиссею прекрасной, и он с двенадцатью спутниками отправился исследовать чудный остров. Другие остались на берегу сторожить корабль.

Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы;
Он не бесплоден; там все бы роскошно рождалось к сроку.
Сходят широкой отлогостью к морю луга там густые,
Влажные, мягкие; много б везде разрослось винограда.
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью, и жатва была бы на тучной земле изобильна.

Но этот благословенный остров населяли свирепые великаны-людоеды – циклопы. Одиссей и его спутники попали в лапы одноглазого циклопа Полифема. История о том, как они ослепили циклопа и бежали на корабль, широко известна.

Следующей остановкой стал остров Эола, повелителя ветров. Эол дал Одиссею кожаный мешок, стянутый серебряной нитью, в котором были заключены буреносные ветры. Корабли снова двинулись в путь, и вот уже вдали показались берега родного острова Итака. Но спутники Одиссея захотели посмотреть, что находится в кожаном мешке, подаренном Эолом, и нечаянно выпустили из него ветры. Поднялась буря и унесла корабли в неведомое море...

На этот раз греки попали в землю лестригонов. Жители этой страны тоже оказались людоедами. Здесь погибли все корабли Одиссея, а сам он едва спасся на последнем корабле, перерубив мечом канат, которым судно удерживалось у берега. Снова начались долгие скитания. Путешественники попали на остров волшебницы Цирцеи, которая превратила спутников Одиссея в свиней. Сам Одиссей, счастливо избежавший колдовства, добился, чтобы волшебница сняла чары с его товарищей. Затем он попал на край света, в мрачную область Аида, где жили тени героев.

Из Аида Одиссей опять вернулся на остров Цирцеи. Та научила Одиссея, как действовать во время дальнейшего пути. Эти советы оченьгодились герою. Так, когда корабль проходил мимо острова сирен, Одиссей, опасаясь, чтобы его спутники, зачарованные сладким пением сирен, не бросились в море, велел всем им заткнуть уши воском. Самого же Одиссея, уши которого остались открытыми, по его приказанию, крепко привязали к мачте. Моряки не слышали чудесного пения сирен, а Одиссей, хотевший броситься в море, не смог разорвать связывавшие его веревки.

После этого кораблю предстояло пройти между двумя страшными чудовищами – Сциллой и Харибдой. Сцилла похитила с корабля шесть моряков, а Харибда едва не потопила корабль, втянув его в свою утробу вместе с огромным водяным потоком. Наконец греки пристали к острову, где паслось священное стадо бога Гелиоса. Спутники Одиссея убили несколь-

ких быков и за это были наказаны: страшная буря потопила корабль. Одиссей был выброшен волнами на остров, где царствовала нимфа Калипсо. Целых семь лет пробыл он на этом острове и лишь на восьмом году, соорудив плот, отправился в дальнейшее плавание. Волны принесли плот в гостеприимную страну феаков. Одиссей скрыл было свое имя, но на пиру, когда певец запел о подвигах героев Троянской войны, невольно выдал себя. Радужные феаки доставили героя на родину. Так закончились долгие странствования Одиссея по неведомым морям и далеким землям...

Где побывал Одиссей во время своих странствований? Насколько реальны вообще мифы Троянского цикла? Ответить на эти вопросы отчасти позволило открытие Шлиманом Трои – точно в том месте, где указал слепой старец, живший спустя 6 столетий после Троянской войны. «Илиада» оказалась исторически достоверна на 100 процентов. Что же можно сказать об «Одиссее»?

Есть все основания предполагать, что в поэме описано реальное путешествие – одно или несколько – древних мореплавателей по Средиземному и Черному морям. Многие пытались вычертить его маршрут. Некоторые исследователи отправляют Одиссея в плавание вдоль берегов Греции или Италии, другие забрасывают его в Понт Эвксинский (Черное море), а кто-то даже заставляет доплыть до Норвегии. Знаменитый Страбон, автор написанной в начале I в. н. э. многотомной «Географии», утверждал: «Значительная часть путешествий Одиссея, конечно же, происходит в Атлантическом океане». К тому же самому выводу пришли многие современные исследователи, в том числе и Карл Бартоломеус, профессор из немецкого города Эссен. По его мнению, пролив между Сциллой и Харибдой – это Гибралтарский. Именно там, пишет он, находится единственное место в Средиземном море, где «разница в уровне воды, из-за близости Атлантического океана, достигает 4 м. А это и пугало древних мореходов». Бартоломеус намечает следующий маршрут: сначала Одиссей, по его мнению, вышел через Геркулесовы Столбы на просторы Атлантики, затем отправился к острову Гелиоса – одному из Канарских островов. Владения нимфы Калипсо – это Азорские острова. А далее, считает ученый, Одиссей попал на остров Гельголанд – именно там после бури нашла его Навсикая...

Версий много, однако все-таки никто не может вразумительно сказать, к каким реально существующим странам следует отнести похождения Одиссея, так как даже сам Гомер этого не знал. Лишь три места угадываются довольно точно: Сцилла и Харибда – это скорее всего богато украшенное фантазией описание Мессинского пролива между Италией и Сицилией. Эолы острова – по-видимому, Липарские острова. Страна лотофагов – возможно, часть Триполитанского берега Северной Африки, где туземцы употребляли в пищу один из видов лотоса.

Одной из наиболее разработанных и даже проверенных на собственном опыте является гипотеза известного ирландского путешественника и исследователя Тима Северина. Он пытался воспроизвести путешествие Одиссея, отправившись в плавание с командой из 13 человек на 18-метровой галере «Арго» – точной копии древнегреческого судна. По мнению Северина, Одиссей, отойдя от берега Малой Азии, повел свои корабли на северо-запад вдоль побережья Фракии. Беды начались за мысом Малей, юго-восточным «клыком» Пелопоннеса – это последняя точка, до которой можно проследить его путь, опираясь на географические реалии, содержащиеся в тексте Гомера. От Малей штормовые ветры помчали Одиссея на юг: «Девять дней гнали меня проклятые ветры через море, кишашее рыбой. Но на десятый день прибыли мы в страну лотофагов».

Местом обитания лотофагов большинство ученых считают, как было уже сказано, Северную Африку. Десять дней – вполне реальный срок для того, чтобы при скорости от 1,5 до 2 узлов в час добраться от Пелопоннеса до побережья Киренаики. Штормовые ветры сбили Одиссея с курса, но при этом солнце, звезды и волнение на море указывали опытным мореплавателям направление дрейфа. Как только улучшилась погода, они могли проследовать тем же

путем обратно до мыса Малей, как поступали позднее греческие мореплаватели, возвращаясь из Киренаики.

Их путь лежал через остров Крит. Где-то на его побережье Одиссей и его спутники встретились с циклопами: в местном фольклоре до сих пор важное место занимают истории о великанах-людоедах. Впрочем, привязка к Криту вовсе не окончательна: по свидетельству Тима Северина, во многих уголках Эгейского моря и даже у берегов моря Черного, местные жители, указывая на огромные валуны возле берега, говорили путешественнику: «Эти камни бросали циклопы в Одиссея». Но и в Дракотесе на Крите, которую легенды считают тем самым местом, где Одиссей встретился с одноглазым великаном, в воде у побережья тоже лежат каменные глыбы, будто бы брошенные разъяренным Полифемом...

В Сугие, на южном берегу Крита, Тиму Северину показывали пещеру, связанную с легендами о циклопах. Она так и называется – пещера Циклопов. По преданию, великаны держали в ее подземных залах свои стада, насчитывавшие тысячи овец. Сходство пещеры с описанной Гомером поразило путешественника: «Огромный скальный обломок почти прикрывал вход. Сводчатая крыша высоко над головой была закопчена дымом бесчисленных пастушьих костров. Свежая вода капала с потолка в емкость, выдолбленную из полена, здесь также был выложенный из грубых камней загон, где доили овец».

Следующая остановка Одиссея была на острове Эола, повелителя ветров. По мнению Тима Северина, гомеровскому описанию этого острова более всего соответствует остров Грабуза в северо-западной оконечности Крита. Скалы здесь будто сложены человеческими руками, а лучи заходящего в море солнца придают им такой характерный сочный красно-коричневый оттенок, что можно вспомнить о бронзовой стене, опоясывающей остров, которую описывал Гомер. Древние греки называли этот остров Корикосом, что в переводе означает «кожаный мешок» – напоминание о подаренном Эолом Одиссею кожаном мешке с запакованными в него бурями.

Если, отправляясь отсюда, Одиссей избрал кратчайший путь домой, то он мог пойти только на север. Взяв курс к северу от Грабузы, «Арго» Тима Северина отыскал «бухту лестригонов». Как повествует Гомер, она представляла собой залив, закрытый со всех сторон сплошным кольцом обрывистых скал, а «при входе стояли друг против друга два утеса, оставляя лишь узкий пролив». Невдалеке от полуострова Мани команда Тима Северина обнаружила удивительный залив Мехалос. «Два скальных массива закрывали вход в округлый водоем, достаточно обширный, чтобы там поместились галеры Одиссея. Утесы метров 30 высотой зловеще нависали над ним... В самой бухте, казалось, не хватало воздуха – она была замкнутой, воздух над ней – душным и каким-то безжизненным...»

Вывавшись из этой бухты, единственный корабль Одиссея, спасшийся от нападения лестригонов, достиг острова Эя, где обитала волшебница Цирцея. Ключом к разгадке тайны этого острова Северин считает эпизод, когда Цирцея посылает Одиссея и его товарищей в царство мертвых, к слепому прорицателю Тиресию. После дня плавания они попали в устье реки Ахерон. Там они высадились на берег и поднялись вверх по реке до ее слияния с реками Пирифлегетон – Рекой Пылающего Огня, и Коцитом – Рекой Плача. Здесь, у подножия огромной скалы, Одиссей совершил жертвоприношение и беседовал с тенью Тиресия.

Древнегреческий географ Павсаний, автор «Описания Эллады», отмечал, что местность, которую имел в виду Гомер, располагалась на материковой части Греции. Там находился Некромантеон – Оракул Мертвых. Здесь, в трех милях от побережья, в реку Ахерон, до сих пор носящую это название, впадают два потока. Один из них, Коцит, называется теперь Ваувосом. Другой, по описаниям местных жителей, раньше флуоресцировал, «грохотал и издавал эхо», как настоящая Река Пылающего Огня. Если исходить из предположения, что именно это место описано у Гомера, то Цирцея должна была жить на острове Паксос, на расстоянии одного дня

плавания. Это красивый, небольшой зеленый островок с единственным источником питьевой воды.

Цирцея указала Одиссею путь домой: вначале он должен был плыть до острова сирен, а затем либо идти через сходящиеся скалы, либо проскочить по узкому проливу между Сциллой и Харибдой. Говоря современным языком, волшебница давала указания Одиссею, как добраться до Итаки, минуя остров Лефкас, находящийся в 24 милях к югу от реки Ахерон. Первый вариант – плыть открытым морем мимо скалистого островка Сесула, который действительно напоминает сходящиеся скалы: он представляет собой утес, разделенный надвое вертикальной трещиной шириной примерно метра три, плоские стенки которой уходят под воду на глубину около 30 м. Второй вариант пути – пробираться по узкому проливу между островом Лефкас и материком, мимо мыса Сцилла. Над проливом возвышается гора Лемия, что в переводе означает «чудовище», в ней же есть упомянутая в поэме пещера. Харибдой же может быть отмель с выходом скальных пород на поверхность, окруженная пенящимися бурунами.

Но где же тогда обитали сирены? По мнению Тима Северина – на северной оконечности острова Лефкас, там, где сейчас стоит небольшой городок Гирапетра («Вращающиеся скалы»). На картах здесь обозначены три древних могильных холма, которые вполне можно ассоциировать со скопищем скелетов, описанным Гомером.

Далее Одиссей высадился на острове Тринакрия. Прототипом его мог послужить остров Меганизы: если приближаться к нему с севера, то можно увидеть три возвышенности, стоящие одна за другой. Где-то в этих местах корабль Одиссея разбило бурей, а самого путешественника через девять дней течение выбросило на остров Огигия, где семь лет он провел в плену у нимфы Калипсо. Но на современных картах тоже существует остров Огигия, и, как считает Северин, нет никаких оснований отказывать ему в праве считаться тем самым «гомеровским» островом!

Царством феакийцев, являющимся следующим пунктом путешествия Одиссея, традиционно считается остров Корфу, и здесь Тим Северин не видит никаких других вариантов. А вот царство Одиссея, по его мнению, находилось не на Итаке, а на юго-западном побережье острова Корфу. Со всеми этими выводами можно соглашаться или не соглашаться, но как бы то ни было, реконструкция Тима Северина не просто создана умом ученого или прочувствована сердцем романтика, но и пройдена физически в условиях, приближенных к тем, в которые был поставлен Одиссей...

Дорогой Энея

Средиземное море не знает ни отливов, ни приливов, ни сильных постоянных ветров. Это не значит, что здесь не бывает штормов. Но плохая погода непродолжительна, штормы быстро угасают, волнение преходяще. Солнце, встающее из-за Ливанских гор, лишь через два часа – так велико море – рассеивает ночной мрак у Геркулесовых Столбов. В древности это море называли Великим морем Заката. Именно оно стало колыбелью мореплавания – по крайней мере для народов, создавших величайшие цивилизации древности: крито-минойскую, египетскую, финикийскую, греческую, римскую... Мореходство здесь существует испокон веков. Мы можем только гадать, когда именно оно началось. В Греции 90–95 веков назад уже была хорошо известна профессия моряка. Крит, острова Эгейского моря и Мальту люди населяли с IX тысячелетия до н. э. Но ведь не посуху они туда добрались!

Со Средиземным морем связаны многие морские эпопеи древности, как полуфантастические, так и вполне реальные. Великое путешествие совершил и Эней, один из главных защитников Трои, легендарный родоначальник Рима, которому посвящена «Энеида» Вергилия.

Сон Энея

Вергилий начал свою «Энеиду» там, где Гомер закончил «Илиаду». В «Илиаде» Гомер называет Энея в числе славнейших троянских героев. Его матерью была богиня любви Афродита (в римском варианте – Венера), а отцом – троянец Анхис, потомок фригийского царя Дардана. Больше, чем Энея, ахейцы боялись только другого защитника Трои, легендарного Гектора. Царь Трои Приам отдал в жены Энею свою дочь Креусу, которая родила ему сына Аскания.

Когда греки ворвались в Трою, Эней решил сражаться до последнего вздоха, но боги приказали ему покинуть обреченный город, чтобы отправиться на поиски новой родины, где Энею суждено стать основателем нового великого государства. Эней подчинился воле богов и бежал из пылающей Трои, взяв с собой жену Креусу, малолетнего сына Аскания и унося на спине старого отца.

Избежав встречи с врагами, Эней выбрался за городскую стену, но тут увидел, что с ним нет Креусы. Эней спрятал старика и мальчика в овраге, а сам вернулся в Трою. Но напрасно звал он жену, бегая по улицам, полным вражеских воинов, – ее уже не было в живых...

Эней вернулся к своим родным, собрал несколько десятков уцелевших троянцев, спешно снарядил двадцать кораблей и вышел в открытое море, не забыв в суматохе прихватить священные реликвии Трои. Согласно римской традиции, это произошло в 1198 г. до н. э.

Трудно сказать, каким образом Энею удалось во время погрома Трои собрать и снарядить целый флот. Возможно, он уже заранее стоял где-то наготове, а может быть, беглецы из Трои воспользовались захваченными греческими кораблями. Вергилий в своей поэме описывает корабли Энея, и их сходство с описанными Гомером ахейскими кораблями очень подозрительно. Правда, Вергилий отмечает в основном черты, общие для всех кораблей той эпохи, и избегает какой-либо детализации. Упоминает Вергилий и некоторые другие детали, знакомые из Гомера: витые канаты, «шесты и багры с наконечником острым», расписную обшивку. Но есть у него и такие подробности, каких у Гомера нет. Так, в отличие от ахейских, корабли Энея были «синегрудыми».

...Итак, «синегрудые» корабли Энея вышли в море. Старый Анхис посоветовал сыну довериться воле судьбы и плыть туда, куда несет их попутный ветер. Через некоторое время корабли приплыли во Фракию. Троянцы сошли на берег, уверенные, что здесь им суждено поселиться. Эней заложил город и назвал его своим именем – Энеада. Желая принести жертву богам, он отправился на ближайший холм, чтобы наломать зеленых веток для украшения алтаря. Но едва он начал обламывать кустарник, как на изломах ветвей показались капли крови. Эней испугался. Из глубины холма послышался голос: «О, Эней! Не тревожь меня в моей могиле!»

Трепеща от страха, Эней спросил: «Кто ты?»

«Я – царевич Полидор, сын троянского царя Приама, – ответил голос. – Отец отослал меня во Фракию, чтобы уберечь от опасностей войны, но здешний царь польстился на золото, которое я привез с собой, и злодейски меня убил».

Эней вернулся к своим спутникам и рассказал им о том, что видел и слышал. Троянцы единодушно решили покинуть берег, где было совершено злодейское убийство, и искать другое место для поселения. Они почтили память Полидора, совершив положенные обряды, подняли паруса и снова отправились в плавание.

Во второй раз корабли троянцев остановились возле острова Делос, где находился оракул Аполлона. Эней обратился к оракулу с вопросом: «О, мудрый Аполлон! Куда нам плыть? Где обретем мы приют?» Из-под земли донесся грозный гул, стены храма дрогнули, и таинственный голос изрек:

...та, что впервые от племени предков
Вас породила земля, – изобилием радостным та же
Примет вернувшихся вас.

Но где же искать землю предков? Старый Анхис сказал: «Послушайте меня, благородные троянцы! Слышал я от своего деда, что наши далекие предки в те незапамятные времена, когда на месте Трои еще была пустынная долина, прибыли туда с острова Крит. Направим же на Крит наши корабли!»

Исполненные надежды троянцы пустились в путь. Кормчий Энеева корабля, Палинур, оказался весьма умелым мореходом: ведомые им корабли троянцев шли с прямо-таки рекордной для того времени скоростью, делая около 2,5 узлов в час. Переход от острова Делос к Криту (210 км) флот Энея завершил к рассвету третьего дня. Пристав к берегу, троянцы высадились на Крите. Казалось, они достигли цели своих странствий. Остров был красив, земля плодотворна.

родна. Троянцы построили город, распахали поля и засеяли их зерном. Но неожиданно наступила засуха, а потом началась чума. Иссохли едва взошедшие посевы, люди стали умирать от страшной болезни. Эней был в отчаянии. Он хотел вернуться на Делос и молить Аполлона об избавлении от бедствия, но тут во сне ему явились пенаты – боги его домашнего очага – и сказали: «Вы неверно поняли слова оракула. Твоя прародина, благородный Эней, не остров Крит, а Италийская земля, которую иначе называют Гесперией. Там родился твой далекий предок – сын Зевса Дардан». Столь ясное указание обрадовало Энея, и троянцы снова отправились в путь. Вскоре началась буря.

Вышли едва лишь суда в просторы морей, и нигде уж
Видно не стало земли – только небо и море повсюду, —
Как над моей головой сгустились синие тучи —
Тьму и ненастье суля, и вздыбились волны во мраке,
Вырвавшись, ветер взметнул валы высокие в небо,
Строй кораблей разбросав, и погнал по широкой пучине.
Тучи окутали день, и влажная ночь похищает
Небо, и молнии блеск облака разрывает все чаще.
Сбившись с пути, в темноте по волнам мы блуждаем вслепую.
Сам Палинур говорит, что ни дня, ни ночи не может
Он различить в небесах, что средь волн потерял он дорогу.
Солнца не видя, три дня мы блуждаем во мгле непроглядной,
Столько ж беззвездных ночей по бурному носимся морю.
Утром четвертого дня мы видим: земля показалась,
Горы встают вдалеке и дым поднимается к небу.
Тотчас спустив паруса, мы сильнее налегаем на весла,
Пену вздымая, гребцы разметают лазурные воды.

Впрочем, ветер оказался попутным, и спустя трое суток штормовое море принесло корабли Энея к берегам Строфадских островов, на которых обитали чудовищные гарпии – хищные птицы с женскими головами. Эней и его спутники сошли на берег, развели огонь и приготовили себе пищу. Но не успели они приняться за еду, как тучей налетели гарпии и сожрали все без остатка. Затем одна из гарпий уселась на выступ скалы и зловеще прокричала: «Когда вы доберетесь до благословенной Италии, то там вас постигнет такой голод, что вы изгрызете столы, на которых лежала пища».

Взмахнув крыльями, гарпия улетела, а у троянцев от ужаса кровь застыла в жилах. Пораженные мрачным пророчеством, они подняли паруса и поспешили покинуть Строфадские острова. Эней направил свои корабли к побережью Эпира, где жил мудрый прорицатель Гелен, и спросил у него: «Правда ли, что нам грозит небывалый голод?» Гелен ответил: «Этого боги мне не открыли. Но ведомо мне, что после многих испытаний ты достигнешь Италийской земли и обрешь там родину, счастье и славу».

Вдохновленные этим предсказанием, троянцы двинулись на запад. Во время остановки на Сицилии умер старый Анхис. От берегов Сицилии корабли Энея пошли к берегам Лация. Но тут по просьбе коварной богини Юноны (Геры) бог ветров Эол устроил на море ураган, унесший корабли Энея далеко на юг. Лишь помощь бога морей Нептуна спасла их от гибели. В итоге изрядно потрепанный флот троянцев оказался в гавани Карфагена. Из двадцати кораблей, вышедших из Трои, уцелело только семь.

В Карфагене правила прекрасная царица Дидона. Она была вдовой, но продолжала хранить верность умершему супругу. Эней и его спутники предстали перед царицей. И тут мать Энея, Венера, окружила его ярким сиянием и наделила такой блистающей красотой, что

Дидона, раз взглянув на него, уже не могла отвести глаз. Дидона пригласила троянцев в свой дворец, устроила для них роскошный пир и попросила Энея рассказать о его приключениях. Пока Эней вел свой рассказ, его сын, маленький Асканий, сидел на коленях у Дидоны. В руках у Аскания откуда-то взялась золотая стрела, и он, играя, уколол царицу против самого сердца. Это была стрела Амура, которую Венера незаметно подсунула ребенку, – и Дидона полюбила Энея.

Полгода провел Эней в Карфагене, наслаждаясь любовью прекрасной царицы. Дидона предложила ему стать ее мужем и царем Карфагена. Но тут боги прислали к Энею своего крылатого вестника Меркурия (Гермеса). Меркурий сказал: «Увы, Эней! Ты позабыл свое назначение. Но если ты готов отказаться от собственной славы, то подумай о своем сыне Аскании. Ему в наследство должен ты оставить итальянские земли, его потомкам суждено стать царями великого государства!»

Эней устыдился и начал собираться в дорогу. Дидона просила его повременить хоть немного, чтобы она могла свыкнуться с мыслью о разлуке, и мягкосердечный Эней уже готов был уступить, но боги укрепили его дух: как ветер не может сокрушить могучий дуб, так слезы Дидоны не смогли поколебать решимости Энея, и он продолжил сборы. Наконец настал день разлуки. Едва рассвело, троянцы отплыли от Карфагена. Возмущенная и оскорбленная Дидона прокляла Энея и его потомков (а ими стали римляне) и объявила им вечную войну.

Вы же, тирийцы, и род, и потомков его ненавидеть
Вечно должны: моему приношением праху да будет
Ненависть. Пусть ни союз, ни любовь не связуют народы!
О, приди же, восстань из праха нашего мститель,
Чтобы огнем и мечом теснить поселенцев дарданских
Ныне, впредь и всегда, едва появятся силы.
Берег пусть будет, молю, враждебен берегу, море —
Морю и меч – мечу; пусть и внуки мира не знают!

Затем убитая горем Дидона повелела сложить на берегу моря погребальный костер, взшла на него – и пронзила себя мечом. Эней увидел со своего корабля отблеск огня и черный дым, поднимающийся к небу... Много веков спустя, во время Пунических войн, римляне ссылались на то, что это царица Карфагена первая объявила им войну, да еще вечную.

Неизвестно, был ли реальным историческим лицом Эней, а вот Дидона вполне исторична. Все без исключения источники приписывают основание Карфагена финикийской царевне Дидоне (Элиссе), сестре тирского царя Пигмалиона. Она была супругой Ахерба, жреца бога Мелькарта. Во время междоусобиц, охвативших Тир, Ахерб был казнен, а Дидона вместе со своими сподвижниками Мицри и Битием бежали далеко на запад. Пристав к африканскому берегу, беглецы основали новый город – Карфаген (финикийск. Картхадашт – Новый город). Дидона стала его царицей. Это произошло около 825–823 гг. до н. э.

...Покинув Карфаген, троянцы благополучно достигли берегов Италии и остановились там, где в море впадает река Тибр. Они сошли на берег, расположились под высоким дубом и стали ужинать овощами и пшеничными лепешками. Чтобы есть было удобнее, троянцы положили овощи на лепешки, а съев овощи, закусили самими лепешками. Маленький Асканий воскликнул: «Смотрите! Мы съели столы, на которых лежала пища!» И всем стало ясно, что исполнилось пророчество и что троянцы наконец достигли своей новой родины.

Эней отправился к пророчице Сивилле, которая провела его в подземный мир. Там Эней встретил призрак отца, который явил ему будущее великое предназначение Рима как повелителя мира. Вскоре Эней вошел на веслах в устье Тибра, на берегах которого через несколько веков был построен Рим.

Италийскими землями в те времена правил сын бога лесов Фавна, царь по имени Латин. У него была дочь Лавиния. Однажды ночью Латину явился во сне его отец Фавн и повелел выдать Лавинию замуж за чужестранца, который вскоре прибудет на Италийскую землю. Этим чужестранцем оказался Эней. Латин выдал за него дочь, и Эней стал управлять Италией вместе с Латинном.

Наследником Энея стал его сын Асканий. Он основал город Альба-Лонга, ставший столицей Италии. Потомки Энея правили там на протяжении многих веков. Позже славу Альба-Лонги унаследовал великий Рим. Считалось, что некоторые из наиболее знатных римских родов происходили от троянцев, бежавших из Малой Азии на запад после разграбления Трои ахейцами.

Через Атлантику со Святым Бренданом

«Морское течение отнесло Ари в Страну белых людей – Хвитрамманнaland, которую многие называют Большой Ирландией. Эта страна находится в море на западе близ Славного Винланда. Сообщается, что она лежит в 6 днях плавания к западу от Ирландии. Из этой страны Ари не смог вернуться, и был там крещен». Так знаменитый исландский историк и поэт Снорри Стурлусон, автор «Круга земного», повествует о плавании викинга по имени Ари, сына Марса. Дальнейшая судьба этого мореплавателя осталась неизвестной, но известия о сделанном им открытии далеко перешагнули пределы Скандинавии и до сих пор доставляют головную боль историкам: что за страну открыл Ари?

Судно святого Брендана. Реконструкция Тима Северина

Впервые об этом рассказал в XI в. исландский мореплаватель Храфн, долгое время живший в Ирландии. О стране Хвитрамманнaland (Большой Ирландии) писали средневековые европейские и арабские авторы. О ней упоминает один из крупнейших арабских географов того времени Идриси. Сами ирландцы называли эту страну Тир-на-Фер-Финн – «Страна белых людей». О лежавшей далеко на западе Стране белых людей было известно в Исландии, на Оркнейских и Фарерских островах, в Гренландии. Одно время страной Хвитрамманнaland считали Азорские острова. Но эти острова вплоть до их открытия в 1432 г. были совершенно необитаемыми, и никаких белых людей там не было. И потом – почему земля Хвитрамманнaland носила название Большой Ирландии?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, вспомним, что ирландские монахи в VII–VIII вв. предприняли ряд дальних плаваний в поисках новых пустынных земель, где отшельники могли бы в уединении предаваться молитвам. Их вдохновлял пример аскетов Ближнего Востока, которые удалялись в пустыни, чтобы служить Всевышнему. Но ирландцам

некуда было уходить с их острова – вокруг было только море. И тогда на небольших кожаных суденышках-каррах они стали уплывать в океан...

Эти опасные плаванья становились для монахов своеобразным испытанием, зримым выражением веры в Бога и в промысел Божий. Если лодка погибала, то ее команда шла на дно с сознанием того, что умирает, служа Господу. Если лодку выбрасывало обратно на берег – что ж, значит не судьба, Бог не благословил плавание. Ну, а если, преодолев все трудности, карра причаливала к незнакомому берегу, то это воспринималось как награда, ниспосланная Богом за все перенесенные испытания. И еще большей наградой являлась возможность поселиться на этой земле.

Среди ирландских эпических сказаний о мореплавателях, совершавших далекие, полные приключений путешествия, наибольшую популярность приобрел рассказ о плавании Святого Брендана. Это повествование сложилось в VI–VII вв. и, как считают современные исследователи, основано на вполне реальных событиях, хотя и щедро расцвеченных фантазией. Вполне реален и его главный герой: Святой Брендан, аббат монастыря в Клонферте (Ирландия). Он родился в 484 г. в Ирландии, в графстве Керри; в юности много учился, овладел основами математики, астрономии и навигации. Став взрослым, Брендан решил посвятить себя Богу. Много лет спустя Брендан стал настоятелем большого монастыря, возглавив общину из 3000 монахов. Однажды его посетил монах Барринд и рассказал об отшельнике по имени Мернок, который предложил ему, Барринду, совершить морское путешествие к «земле обетованной». Плывая на запад, они прошли сквозь полосу густого тумана и достигли большой земли, изобилующей плодами и цветами. Пятнадцать дней бродили они по этой земле, пока не достигли реки, текущей с востока на запад. Здесь их встретил человек, который сказал, чтобы они возвращались домой. По словам «туземца», время на чудесной земле текло быстрее; оказалось, что Мернок и Барринд пробыли там целый год!..

Выслушав Барринда, Брендан сказал, что он страстно желает посетить «землю обетованную». Участвовать в путешествии Брендан пригласил еще 14 монахов своей общины. Они построили лодку, обтянув деревянный остов бычьими кожами, продубленными настоем дубовой коры, и промазав все швы жиром. Они установили мачту, натянули паруса, поставили руль, погрузили припасы на 40 дней, запасные кожи и жир для их смазки и отправились в далекое, полное опасностей путешествие.

Плавание было долгим и тяжелым. Первой встреченной ими землей стал маленький остров с «потоками воды, низвергающейся с обрывов». К этому описанию подходит остров Св. Килды из числа Гебридских островов (известно, что там было древнее ирландское монашеское поселение). Здесь странники нашли жилье и пищу.

Отправившись далее, они не раз встречали в море другие острова: на одном были «стада белоснежных овец и реки, полные рыбы», на другом – «трава и белые птицы». По мнению некоторых исследователей, эти детали дают основание полагать, что Брендан и его спутники достигли островов Стреме и Воге (Фарерские острова). На третьем острове, расположенном где-то в Северной Атлантике, они обнаружили монастырь с ирландскими монахами, давшими обет молчания: «...Три месяца они плыли, видя только море вокруг и небо над головой. Они так устали, что когда вновь увидели землю, то едва смогли выгresti против встречного ветра, чтобы добраться до нее... Здесь их встретил степенный седобородый старец и привел к монастырю, находившемуся в двухстах шагах от места их высадки. Одиннадцать монахов-молчальников, держа в руках кресты и святые дары, приветствовали путешественников пением гимнов».

Сильные штормы увлекли кожаную лодку Брендана на север, где он увидел «море, как скисшее молоко», и «огромный кристалл». По-видимому, путешественникам повстречались айсберги и битый лед. Вскоре судно пришло к «горам, извергающим пламя», и «красным скалам». Воздух там «дышал дымами». Несомненно, это была Исландия. Затем шторм занес море-

плавателей еще дальше, на пустынное побережье, где они жили некоторое время «во чреве кита», то есть, укрывшись за толстыми ребрами китового скелета (полагают, что этим побережьем, усеянным останками китов, была Гренландия). Наконец, после длительного плавания, пережив еще одну сильную бурю, отважные путешественники оказались «в стране с лесами и большой рекой, уходящей внутрь страны». Такой землей, лежащей где-то поблизости от Гренландии, могла быть только Америка, а точнее – побережье полуострова Лабрадор с рекой Св. Лаврентия...

Как считают ученые, путешествуя по северным водам в поисках обетованной земли, ирландские монахи открыли Оркнейские, Гебридские, Фарерские и Шетландские острова, Исландию, Гренландию и, возможно, достигли берегов Северной Америки. Во всяком случае, американский исследователь Л. Спайнс еще в 1925 г. доказал, что ирландские суда раннего средневековья имели достаточный тоннаж, чтобы успешно совершить путешествие от берегов Ирландии до полуострова Ньюфаундленд. Они были даже лучше приспособлены для дальнего плавания под парусами, чем каравеллы Колумба!

Открытие Исландии викингами произошло около 863 г. Но, придя на остров, они обнаружили, что уже до них здесь около ста лет жили ирландские монахи. Сообщения норманнских авторов о плаваниях ирландцев к берегам Исландии, первое из которых датируется 795 г. (хотя не исключено, что это было не первое плавание), позволяют поставить вопрос: что мешало этим же ирландцам в поисках новых земель уходить дальше к западу? Да ничего! И о том, что такие попытки предпринимались, свидетельствует ирландский монах Диквил: «...на расстоянии одного дня пути дальше к северу (от Исландии. – *Примеч. авт.*) они обнаружили замерзшее море».

Очевидно, что в своих устремлениях ирландцы отнюдь не ограничивались Исландией, а пытались продвинуться и далее. Но если путь на север преграждали льды, то путь на запад был открыт. А на западе от Исландии лежит Гренландия...

Викинги, попав из Исландии в Гренландию, и здесь обнаружили следы пребывания ирландских монахов: каменные жилища, фрагменты кожаных лодок и утварь. Но все же страна Хвитрамманналанд, она же Большая Ирландия – это не Гренландия. Легендарная «Страна Белых людей» все равно находится западнее. В «Саге об Эйрике Рыжем» об этой земле говорится так:

«Плывя из Винланда при южном ветре, они попали в Маркланд. Там они встретили пять скрелингов (т. е. эскимосов. – *Примеч. авт.*): одного бородатого мужчину, двух женщин и двух детей. Люди Карлсефни схватили мальчиков, остальные же скрелинги убежали и скрылись под землей. Мореплаватели увезли с собой обоих мальчиков, обучили своему языку и окрестили их. Мальчики... говорили, что против страны скрелингов лежит другая земля. Там жили люди, которые ходили в белых одеждах, громко кричали и носили шесты с привязанными к ним флагами. Полагали, что это была Страна белых людей, или Большая Ирландия».

Большая Ирландия, расположенная «против» Гренландии и населенная белыми людьми, которые ходят в белых одеждах, совершают процессии с флагами и громко кричат... Что это? Ответ может быть только один: это – сведения о первой христианской колонии в Америке, основанной монахами-ирландцами в VIII в. или ранее! Никакого другого объяснения быть не может.

Мысль о том, что в Америке какое-то время (по-видимому, непродолжительное) существовала ирландская христианская колония, обсуждается учеными вот уже более ста лет. Скорее всего страна Хвитрамманналанд располагалась на побережье Лабрадора или Ньюфаундленда. Известно, что в 1970-х гг. на побережье Ньюфаундленда, в бухте Сент-Лунэр, археологи обнаружили загадочные знаки, процарапанные металлическим предметом на валуне. Эти знаки напоминали буквы так называемого огамического письма, которым пользовались древние ирландцы.

Весомый вклад в разрешение загадки внес знаменитый ирландский путешественник Тим Северин. В 1975 г., совместно с конструктором Колином Муди, он спроектировал и построил в точном соответствии с кораблями древних ирландцев кожаную карру «Брендан», водоизмещением всего около 5 тонн. Предполагалось, что с такой лодкой легко управится экипаж из четырех-пяти человек. Паруса, как и в далеком прошлом, были изготовлены из льна. Управление осуществлялось широколопастным веслом, закрепленным по правому борту; узкие гребные весла достигали в длину 3,5 м. Планширы были изготовлены из дуба, стрингеры и мачты и шпангоуты – из ясеня, мачтовые опоры – из дуба. Остов лодки был связан кожаными ремнями без применения металлических гвоздей или деревянных шипов, а затем обтянут 49 кожами. Строго следуя старинным рецептам, кожи обработали дубовым экстрактом и пропитали животным воском, а ремни – тресковым жиром. Последние были к тому же вымочены в растворе квасцов. При сшивании кож применили льняные нитки; для такелажа использовали тросы из того же материала, и не ошиблись: лен прекрасно зарекомендовал себя в плавании.

В 1976 г. «Брендан» вышел в море. Даже специалисты кожевенного дела сомневались в прочности и долговечности бычьих кож при постоянном соприкосновении с морской водой. Однако кожаное судно отлично выдержало многодневное плавание в холодных водах Атлантики. Но сколько мужества, хладнокровия и находчивости пришлось проявить Тиму Северину и его товарищам! Сколько критических ситуаций встретилось мореплавателям на их пути!

Надо заметить, что подвиг Северина и его спутников был во многом и труднее, и значительнее, чем путешествие кельтских монахов. Современным людям было нелегко «вращать в шкуру» средневековых мореходов, закаленных и неприхотливых, как мало кто из землян XX в.! К тому же, согласно выводам ученых, гидрометеорологические условия во времена святого Брендана были более щадящими; климат – мягче и теплее. Паковых льдов в летние месяцы древние ирландцы наверняка не встречали. И прошли они маршрут от Ирландии до «Страны белых людей» за семь лет, переживая на суше непогоду; а экипаж «Брендана» преодолел тот же путь всего за два сезона!

Успешное плавание через Атлантику, предпринятое в 1976–1977 гг. Тимом Северином показало, что неказистым кожаными каррам было вполне по плечу преодолевать большие расстояния. Так что вполне возможно, что в VI в. ирландские монахи действительно высадились на побережье Северной Америки – за 900 с лишним лет до Колумба! А подспорьем для них в этом далеком и опасном путешествии стал кожаный мешок, натянутый на деревянный каркас...

Восьмое путешествие Синдбада

...Шквал налетел в сумерках – неожиданный и яростный, как удар ветвей пальмы, которую раскачал мощный ветер. Под таким порывом корабль резко наклонился в подветренную сторону. Море словно взорвалось, и вода, проникнув через желоба, окатила палубу. Все, что на корабле могло падать, попадало, и снизу донесся сильный грохот. Те, кто спал на стороне, испытавшей крен, полетели со своих банок. Другие на палубе цеплялись руками за веревки, чтобы удержаться при столь опасном наклоне.

Парусный корабль «Сохар»

«С черного неба, будто шрапнель, сыпались на нас острые стрелы молний. Я всматривался вперед, и при каждом ударе молнии видел искривленные гримасой лица членов экипажа, застывшие в напряжении руки, пальцы, вцепившиеся мертвой хваткой в веревки, ноги, охватившие для упора планшир. Люди в тюрбанах, выбравшись из своих кают, как черти, с криками прыгали по палубе, обгоняя друг друга. Но то была не паника, а всплеск сумасшедшей радости. В это, едва ли не ликующее, состояние их приводило ощущение опасности на море. Опытные руки с трудом повернули румпель, и нос корабля стал медленно выпрямляться в сторону ветра. Другие руки ослабили паруса на основной и кормовой мачтах. Среди раскатов волн, под свист ветра судно снова устремилось вперед, как хорошо тренированный акробат, увернувшийся от, казалось бы, неизбежного падения.

Часом позже корабль без всяких осложнений преодолел полосу шквалов и лег на свой прежний спокойный курс, который указывало ему звездное ночное небо. Над моей головой раздулись три характерных треугольных паруса, каждый со своим малиновым крестом: два из них составляли скрещенные боевые мечи, а один – изогнутые кинжалы. Посредине корабля висел фонарь. Там и собрались те, кто не нес вахту, чтобы перевести дух после шквала. Они больше были похожи на пиратскую команду. Несколько людей были в шортах, но большин-

ство предпочитали лишь набедренные повязки, и почти половина была в тюбанах. Цвет их кожи варьировался от черного до розового. Лишь несколько человек говорили на английском, для большинства же единственным языком был арабский. Все это очень напоминало сцену из «Тысячи и одной ночи», этой коллекции рассказов о приключениях и любовных историях, которые в течение столетий восхищали миллионы слушателей. Они же включали и морские путешествия Синдбада. Вот в этом-то и было все дело: мы плыли как раз на корабле Синдбада», – рассказывает ирландский путешественник и историк Тим Северин.

Плавание на парусном корабле «Сохар», построенном по образцу тех, на которых плавал легендарный арабский мореплаватель Синдбад, Тим Северин задумал почти сразу же после успешного похода на «Брендане». Известно, что средневековые арабские мореплаватели уходили в морские просторы примерно в ту же эпоху, что и современники святого Брендана. Экзотические страны и народы, встреченные Синдбадом, являли удивительное сходство с реально существовавшими землями, описанными арабскими географами.

Чем глубже проникался Тим Северин легендой о Синдбаде, тем больше убеждался, что он был не просто героем сказок. Несомненно, это собирательный образ арабских моряков и купцов, затевавших дерзкие, полные опасностей предприятия в VIII–XI столетиях, в пору золотого века арабского мореплавания. В ту эпоху арабские морские торговые пути охватывали значительную часть Индийского океана. Уже в VIII в. арабские купцы появились в Китае, на Яве, на восточном берегу Африки, на Мадагаскаре. Несколько позже параллельно со знаменитым сухопутным «шелковым путем», связывающим Ближний и Дальний Восток, арабами был проложен и морской «шелковый путь» от Персидского залива до Южного Китая. Историки полагают, что плавания по этому второму «шелковому пути» нашли отражения в сказках «Тысячи и одной ночи», составной частью которых являются сказки о семи путешествиях Синдбада. Эти семь путешествий в мифологизированной форме отразили реальные плавания, которые совершали арабские мореходы. Их манили сокровища Востока: камфара и корица, перец и амбра, шелк и алоэ, драгоценные камни, фарфор, сандаловое дерево. При внимательном чтении «Тысячи и одной ночи» в стране Серендиб угадывается остров Шри Ланка, в стране Забаг – остров Суматра, в Чампе – побережье Вьетнама, в островах Михраджан – Малайский архипелаг. Названия Хинд и Син обозначали Индию и Китай.

«Путешествия Синдбада», основанные на рассказах арабских моряков и купцов, существовали самостоятельно, до того как вошли в состав «Тысячи и одной ночи». Академик И.Ю. Крачковский отмечает, что рассматривать «Путешествия Синдбада» только как волшебную сказку, действие которой развивается вне времени и пространства, нельзя. Разделяя это мнение, Тим Северин нашел глубокие связи сказок о Синдбаде с реальными событиями, происходившими тысячелетие назад. «И, мечтая воссоздать путешествие Синдбада, я решил построить копию арабского торгового судна тех времен и пуститься на нем по маршруту, который был высшим достижением арабского мореходства – по маршруту длиной шесть тысяч миль из Омана к берегам Китая, – пишет Северин. – Я надеялся, что этот опыт – шаг в прошлое на тысячу лет назад – поможет нам понять, как древние арабы строили свои корабли и плавали на них, как они ориентировались в море и как возникли сказки о приключениях Синдбада».

Для того чтобы повторить плавание Синдбада, Тиму Северину предстояло построить копию арабского купеческого судна того времени и проплыть на нем по 10 000-километровому пути по морю, идя по следам Синдбада от берегов Аравии через Индию, Цейлон, Суматру и Малайзию. Завершить маршрут предполагалось в китайском городе Гуанчжоу, в устье реки Сицзян.

Арабские корабели не использовали никаких рисунков или планов. Они строили суда исключительно «на глазок», руководствуясь лишь вековым опытом. В распоряжении Тима Северина имелись только рисунки арабских кораблей, приведенные на португальской морской карте Индийского океана, датированной 1521 г. Детали и подробности о размерах и мощности,

скорости и особенностях конструкции можно было уточнить с помощью средневековых арабских текстов.

В поисках дальнейших сведений об арабском судостроении Тим Северин посетил султанат Оман. Расположенный у входа в Персидский залив, Оман имеет богатые морские традиции. Считается, что сам легендарный Синдбад был оманцем. Он родился в городе Сохар, некогда оживленном порту на берегу Аравийского полуострова. Здесь, на побережье и в портах Омана, Тим Северин встретил нужные ему виды традиционных арабских кораблей и познакомился с местной судостроительной техникой. Очень доброжелательно отнеслись к его проекту сами оманцы, министерство национального наследия и культуры даже выступило в роли спонсора экспедиции.

Строить корабль Северин решил в городе Сур, на самом острове восточной оконечности Омана. Здесь в течение столетий арабские корабли изготавливали купеческие суда, которые плавали от Занзибара на юге до Индии и Шри-Ланки на востоке в поисках древесины, специй и слоновой кости. Судно, названное «Сохар», – в честь города, где родился Синдбад, было заложено 1 января 1980 г. Длину корпуса определили в 26,5 м. Двухмачтовый корабль с латинским парусным вооружением должен был нести три паруса: грот, бизань и кливер.

Найти стройматериалы для корабля оказалось поистине непосильной задачей. На Аравийском полуострове никакой корабельной древесины никогда не было. В Средние века арабы для постройки судов импортировали тик с Малабарского побережья Индии. Однако в 1979 г. индийское правительство запретило экспорт тикового сырья. Пришлось заменить его очень схожей древесиной под названием айни – тоже индийского происхождения. Тим Северин семь раз побывал в лесах Западной Индии, организовывая заготовку подходящих деревьев. Бревна были доставлены из джунглей на слонах и по морю отправлены в Сур.

Средневековые арабские суда сооружались без единого гвоздя – считалось, что гвозди и вообще железные крепления применять нельзя, потому что на морском дне якобы находятся огромные магниты, вытягивающие все железо из проходящих кораблей. Поэтому арабские судостроители сшивали доски тонкими канатами из волокна кокосовой пальмы. Еще совсем недавно в Омани встречались небольшие суда, построенные подобным образом, но технология их строительства была почти утрачена. Северину нужны были мастера, которые знали бы это древнее ремесло. Они нашлись лишь на острове Агатти, в отдаленном Лаккадивском архипелаге, примерно в 400 км от юго-западного побережья Индии. Их пригласили в Сур. На том же острове Северин закупил и 600 км кокосового волокна. Примечательно, что арабы в средние века тоже плавали на Лаккадивские острова за кокосовыми веревками.

Кроме специалистов по веревочному ремеслу в Суре собрались и дюжина оманских корабелов, и группа индийских плотников с Малабарского побережья. Оманцы работали острыми, как бритва, топорами, вытесывая шпангоуты. Индийцы предпочитали стамески из мягкого железа, которыми они вырезали замысловато изогнутые доски, а также делали сложные сцепки в огромных брусках. Из единого ствола дерева они изготовили 20-метровую грот-мачту, и она выглядела так, словно была выточена на гигантском станке. Чтобы «сшить» корабль, потребовалось вручную просверлить около 20 тыс. отверстий, через которые должны были пройти кокосовые веревки, связующие в единое целое все судно. Изнутри дыры были заделаны скорлупой кокосовых орехов, а снаружи – смесью извести с сырым каучуком. Наконец, внутри корпус корабля был обработан швабрами, смоченными в растительном масле, чтобы предохранить от гниения кокосовое волокно и древесину. Оманские мастера заявили, что если регулярно пропитывать маслом корабль, то срок его службы может продлиться до 100 лет. А судно, построенное на гвоздях, через каждые десять лет должно проходить капитальный ремонт с заменой каждого гвоздя. Для лучшей сохранности в морской воде корпус ниже ватерлинии обрабатывался известью против корабельного червя, а также пропитывался рыбьим жиром.

Корабль был построен за 165 дней. В состав его экипажа вошли восемь оманцев, повар-белудж и десять европейцев. 23 ноября 1980 г. «Сохар» поднял паруса и вышел в открытое море, держа курс на юго-восток.

«Обычно в дальних морских плаваниях первые несколько дней – наиболее тяжелые, – пишет Тим Северин. – Это то время, когда непроверенные веревки рвутся, слабо затянутые узлы развязываются или запутываются вконец, снаряжение ломается, и целые часы теряются на поиски предметов, которые в последнюю минуту при отплытии были куда-то в спешке брошены. Так было и с «Сохаром». Но по мере того как мы входили в полосу северо-восточных муссонов, дующих из Индии, и плыли на юг по Аравийскому морю со скоростью четыре узла, постепенно восстанавливался порядок, и жизнь на борту обретала свой определенный ритм».

Управлять парусником оказалось очень легко, и корабль буквально летел по волнам, проходя более 100 км в день. В середине декабря мореплаватели впервые высадились на берег – на крошечном острове Четлат в Лаккадивском архипелаге. Рождество моряки встретили в Каликуте – древнем центре торговли пряностями, а уже 21 января приблизились к гостеприимному берегу Шри-Ланки, или Серендибу, как называли этот остров арабы. Шри-Ланка может вполне считаться землей, описанной в седьмом путешествии Синдбада, когда он попал в кораблекрушение, был захвачен пиратами и продан в рабство торговцу слоновой костью. Хозяин заставлял Синдбада каждый день ходить в лес и убивать слона ради его бивней. Со временем слоны показали нашему герою свое тайное кладбище, и он смог получать кость, не убивая животных.

Согласно сказкам «Тысячи и одной ночи», Синдбад дважды посещал Серендиб. Вот что рассказывал он об этом острове, повествуя о своем втором путешествии: «И мы шли до тех пор, пока не пришли в сад на большом и прекрасном острове, и в саду росли камфарные деревья, под каждым из которых могли найти тень сто человек... А на этом острове есть одна порода животных, которых называют аль-каркаданн... Это большие звери, и у них один толстый рог посередине головы длиной в десять локтей, и на нем изображение человека... Зверь, называемый аль-каркаданн, носит на своем роге большого слона и пасется с ним на острове, и жир его течет от солнечного зноя на голову аль-каркаданна и попадает ему в глаза, и аль-каркаданн слепнет... Я видел на этом острове много животных из породы буйволов, подобных которым у нас нет; и в этой долине много алмазных камней...» А во время седьмого путешествия Синдбад видел, как здешнего короля сопровождала величественная процессия, а сам он восседал на огромном слоне. До сих пор, как смогли увидеть члены команды «Сохара», на Шри-Ланке сохраняется ежегодная традиция проведения пышных парадов, когда циркачи и танцоры с факелами проходят по улицам. Шествие слонов, затянутых в парчу, становится кульминацией всего представления. А одного из мальчиков одевают в сказочную одежду Синдбада.

Остров Шри-Ланка был известен также своей долиной алмазов и драгоценных камней. Во время второго путешествия Синдбаду удалось избежать целого клубка змей, охранявших эту долину, и набить карманы драгоценностями. Хотя никаких алмазов на Шри-Ланке сейчас нет, местные драгоценные и полудрагоценные камни знают во всем мире – рубины, топазы, сапфиры. Как и во времена Синдбада, драгоценные камни добывают в речных отложениях. Интересно, что торговля драгоценными камнями по-прежнему находится в руках мусульман, а на здешних мусульманских кладбищах встречаются могилы арабских моряков, принесших эту религию на Шри-Ланку в VII столетии.

Спустя несколько дней «Сохар» двинулся дальше. Необходимо было поймать юго-западный муссон, который доставил бы путешественников к восточному побережью Суматры. Но муссон был уже на исходе, и это грозило всяческими неприятностями: спустя три недели «Сохар» от Суматры еще отделяли 1000 км! Запасы пресной воды подходили к концу. Однако в первую неделю марта мореходам повезло – прошел ливень, и, расстелив брезент, им удалось собрать пресную воду и слить ее в баки.

5 апреля, спустя два месяца после того, как «Сохар» покинул Шри-Ланку, штиль наконец ослабил свою мертвую хватку. Первые же порывы юго-западного муссона натянули паруса «Сохара», и корабль начал ощутимо продвигаться к Суматре. Однако утром следующего дня ветер резко изменил направление. Сильный порыв прижал 25-метровую грот-рею к мачте. Рее треснула, и огромный парус повис, как перебитое крыло. «Сохар» был выведен из строя.

«При свете серого, гнетущего рассвета начали устранять поломку, – вспоминает Тим Северин. – Отрезав зазубренный конец большей части, получили исправленную оснастку. Запасной парус был прикреплен к укороченной балке и поднят наверх. Скорость “Сохара” при этом уменьшилась на треть. 15 апреля мы достигли северных подходов Малаккского пролива. “Сохар” благополучно миновал пролив. Через три дня мы сделали остановку в порту Сабанг, на острове у северной оконечности Суматры. Мы пробыли в море 55 дней, и Сабанг казался нам таким же прекрасным, как и нашим предшественникам в далеком прошлом».

Остров Суматра была издавна известен как Страна Золота. По слухам, ее правитель был столь богат, что каждое утро бросал по золотому слитку в дворцовый бассейн в доказательство своего могущества. Несмотря на красоту Страны Золота, древние арабы боялись ее и считали населяющих ее жителей свирепыми людоедами. Даже Синдбад стал их жертвой. Это случилось во время его четвертого путешествия, когда он вместе с командой потерпел кораблекрушение у острова. Туземцы привели несчастных к своему королю и предложили им еду. Увидев, как его товарищи после трапезы впали в какое-то оцепенение, Синдбад заподозрил что-то неладное и отказался от пищи. Дни шли за днями. Синдбад по-прежнему отказывался от угощения, в то время как его команда пировала и люди становились более тучными, а его спутников просто-напросто откармливали. Вскоре Синдбад догадался, что туземцы питаются человеческой плотью... В ужасе он бежал из каннибальской деревни. Проходя по полю, он заметил своих людей, стоящих на четвереньках и щиплющих траву под присмотром пастуха. Возможно, источником всех этих странных небылиц, так же как и рассказов о людоедских племенах, послужил гашиш, используемый в Северной Суматре как приправа к пище.

Другой эпизод из пятого путешествия Синдбада также дает основания полагать, что это случилось на Суматре. Синдбад был схвачен в лесу сутулым стариком с грубой черной кожей, «в плаще из древесных листьев». «И я подошел к старику, и поднял его на плечи, и пришел к тому месту, которое он мне указал, а потом я сказал ему: “Сходи не торопясь”; но он не сошел с моих плеч и обвил мою шею ногами. И посмотрел я на его ноги и увидел, что они черные и жесткие, как буйволова кожа. И я испугался и хотел сбросить старика с плеч, но он уцепился за мою шею ногами и стал меня душить». Злой старик оказался «шейхом моря». Вероятнее же всего, это был «большой лесной человек Суматры» – обезьяна-орангутан или же мифический оранг Пендек, местный «снежный человек».

На Суматре команда Тима Северина смогла наконец починить корабль, изготовив новую рею взамен сломанной. В первой половине мая «Сохар» двинулся дальше по Малаккскому проливу, держа курс на Сингапур. Когда парусник торжественно входил в Сингапур, толпа, собравшаяся в порту, приветствовала его китайскими и малайскими песнями и танцами. Впереди был завершающий этап плавания – переход от Сингапура через Южно-Китайское море до порта Гуанчжоу (Кантона) в Китае.

«Я хотел извлечь выгоду из сезона ветров по всему этому пути, воспользоваться вначале северо-восточным, а затем и юго-западным муссонами и пересечь Южно-Китайское море перед наступлением тайфунов, – пишет Тим Северин. – Теперь же, в связи с долгой задержкой юго-западного муссона, мы выбивались из намеченного графика. Хотя обычно сезон тайфунов начинается в июле, Южно-Китайское море известно своими майскими штормами. А шла уже первая неделя июня».

Покинув Сингапур, «Сохар» отправился в моря, известные арабским путешественникам как море Кундранг и море Канхай. Из семи морей на пути к Китаю, как писалось в старых

книгах, эти были наиболее опасными. Первые четыре дня по выходе из Сингапура были спокойными. А перед рассветом пятого дня внезапно налетел шквал, быстро превратившийся в настоящий шторм. Оснастка «Сохара» скрипела под сильным ветром, и опасный треск раздавался по всему кораблю. С грохотом рухнул основной парус. В какой-то момент морякам показалось, что корабль может перевернуться. А с запада уже надвигалась стена грозных штормовых облаков, клубящихся, как дым огромного пожара. Это было местное явление, известное под названием «сводовый шквал»...

Три раза шквал обрушивался на «Сохар». Корабль потерял еще три паруса – один основной и два кливера, – которые были разорваны на куски. Однако, несмотря на тяжелые испытания, команда держалась стойко. «В следующие пять дней мой вахтенный журнал запечатлел удручающие сведения: еще два шквала 16 июня, три – 17-го, четыре – 18-го, два – 19-го, один – 20-го. Наш путь был буквально вышит бедами. Часами мы сидели на палубе, сшивая порванные паруса, чтобы пробиться на север», – вспоминает Тим Северин.

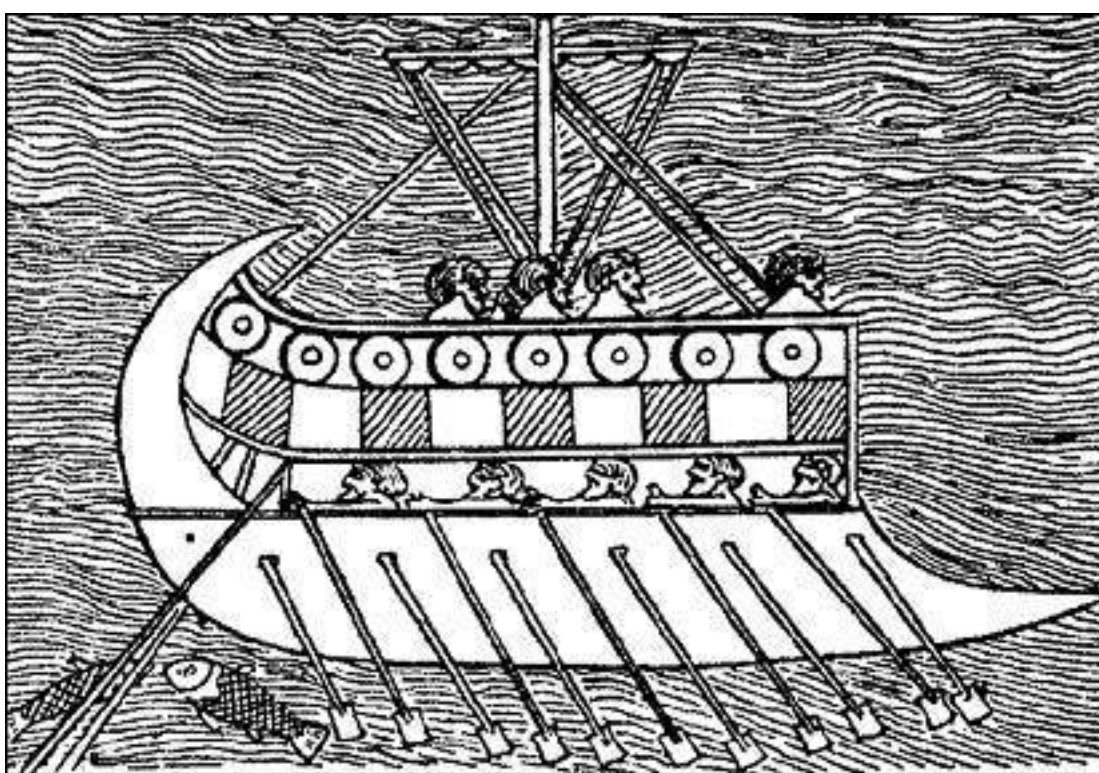
В течение целой недели на борту «Сохара» не отыскалось бы даже относительно сухого места. Наконец, 25 июня, пройдя под «сводовым шквалом», корабль вышел к проходу между Парасельскими островами и банкой Маклсфилд в Тонкинском заливе. До устья Жемчужной реки, ведущей к порту Гуанчжоу, оставалось всего 500 км. Через два дня на горизонте показался китайский берег. Вход в устье Жемчужной реки (Сицзян) отмечала гора Дауаншан. Столетиями эта вершина служила арабам маяком на пути к большому речному порту, известному ныне как Гуанчжоу, а раньше называемому арабами Ханфу. Арабы и другие чужестранцы прибывали сюда за фарфором и шелком в таком количестве, что китайцы вынуждены были для присмотра за ними назначать специальных таможенных чиновников.

11 июля 1981 г. «Сохар», поднявшись по Жемчужной реке, бросил якорь в порту Гуанчжоу. Плавание, длившееся семь с половиной месяцев, закончилось. За кормой «Сохара» осталось 6000 миль. «Мы опередили первый тайфун этого сезона всего лишь на 48 часов, – рассказывает Тим Северин. – Китайцы оценили судно, сделанное нашими руками, – известно, что они вообще высоко ставят ручную работу. А еще они были благодарны нам за возрождение древних исторических связей Китая с арабским миром – тех связей, которые отразились в путешествиях Синдбада. “Сохар” выполнил предназначенную ему миссию. Теперь наше плавание, как и семь путешествий Синдбада, станет еще одной морской историей. Не бесславной».

...И почти реальные

Странный отчет царевича Сатаспа

Во второй половине XX столетия исследователи все чаще начали прибегать к историческому моделированию, то есть, опираясь на имеющиеся данные, пытаться реконструировать древние орудия труда, объекты и технологии. Это неоднократно делали Т. Хейердал и Т. Северин, этим занимались многие другие энтузиасты. А два французских путешественника – Анри Жиль Артаньян и Рене де Торлак – построили 24-метровое судно-реконструкцию финикийской парусной галеры. И повторили на нем плавание, которое, как полагают, было совершено еще в VI в. до н. э...

Корабль древних финикийцев

«Сатасп овладел насильно дочерью Зомира, за какое преступление Ксеркс решил было распять его, однако мать Сатаспа, сестра Дария, испросила ему помилование и обещала сама наложить на него кару... Именно он обязан будет объехать кругом Ливию, пока не войдет в Аравийский залив. На таком условии Ксеркс сделал уступку...»

Вокруг этого рассказа Геродота разразилась целая буря.

Уже в приказе, данном Сатаспу, содержится сенсационная информация: ему велели объехать по морю вокруг Ливии – так тогда называли Африку – и прийти в «Аравийский залив». Откуда мог знать Ксеркс о возможности подобного плавания? Но самое сенсационное – это то, что Сатасп, по крайней мере частично, выполнил данное ему поручение!

«Сатасп прибыл в Египет, получил здесь корабль и египетских матросов и поплыл к Геракловым Столбам». Современные противники путешествия Сатаспа оспаривают утверждение Геродота: Гибралтарский пролив в те годы был блокирован карфагенянами, и путь в Атлан-

тику закрыт. Один из крупнейших специалистов по истории географических открытий древности, доктор Р. Хенниг, считает «совершенно невероятным, что не искушенный в мореплавании перс, ни в коей мере не обладавший качествами отважного искателя приключений», прошел через блокированный пролив. Но, возражает другой исследователь, А.Клотц, гибралтарская «улица» была закрыта только для торговых судов, являвшихся конкурентами Карфагену, но никак не для одиночного судна, посланного, кроме того, по приказу самого Ксеркса, имевшего среди карфагенян большое влияние: именно он помог им в борьбе против Греции. Пролит был закрыт для греков, для Сатаспа же – открыт...

«Выплыв на другую сторону, он обогнул оконечность Ливии по имени Солоент (мыс Кантен в современном Марокко) и направился дальше на юг. Там в течение многих месяцев он проплыл значительную часть моря, но, так как предстояло проплыть еще больше, он повернул назад и приплыл в Египет». Вернувшись, Сатасп рассказал царю Ксерксу удивительные вещи: они прошли очень далеко вдоль африканского побережья, им пришлось плыть мимо страны, населенной людьми маленького роста, прикрывавшими наготу пальмовыми листьями, и каждый раз, когда египтяне приближались на корабле к берегу, маленькие люди покидали свои города и убегали в горы... Однако путешественникам не удалось обойти кругом всю «Ливию»: судно не могло идти дальше, так как на пути его появились мели.

Царь Ксеркс не поверил путешественнику: он счел, что Сатасп просто уклонился от исполнения данного ему поручения, понапридумывав разных небылиц, и велел казнить его.

Между тем в рассказе Сатаспа нет ничего необычного, за исключением даты его путешествия. «Маленькие люди» в одежде из пальмовых листьев – это, несомненно, пигмеи. Они живут в Экваториальной Африке, а если говорить о западной части континента – то никак не севернее Гвинейского залива. Но могли ли мореплаватели VI в. до н. э. забираться так далеко?

В рассказе Сатаспа речь идет о многомесечном плавании, так что за это время судно могло уйти далеко на юг, возможно, даже до берегов современного Камеруна. И пигмеи в древности занимали территорию гораздо большую, чем теперь, лишь в нашем тысячелетии под давлением соседей они начали постепенно смещаться к югу континента. Удивляет, правда, то обстоятельство, что Сатасп видел пигмеев с корабля: по его словам, «маленькие люди» якобы даже жили в каких-то «городах» на побережье. Р. Хенниг утверждает, что это невозможно: «пигмеи Западной Африки живут в дебрях девственных лесов и настолько боязливы, что были обнаружены впервые лишь в 1867 г., хотя европейцы, начиная с 1471 г., постоянно плавали вдоль побережья Гвинейского залива». И уж, конечно, пигмеи не строили никогда никаких «городов»! Может быть, Сатаспу рассказали о пигмеях карфагеняне, которым, несомненно, было кое-что известно об обитателях лесов Западной Африки? И царевич счел это вполне убедительным аргументом, с помощью которого он сможет заморочить головы слушателям по возвращении домой?

Кстати – а что за мель заставила его повернуть свой корабль? По мнению Р. Хеннига, эта мель могла встретиться Сатаспу только у мыса Бохадор в Марокко, и следовательно, царевич не пересек в своем плавании даже Северный тропик, не говоря уж об экваторе. А если пересек? Тогда он мог бы дойти как минимум до побережья Намибии, до легендарного Берега Скелетов...

Но есть ли веские аргументы в пользу плавания Сатаспа? Здесь нам надо отправиться в Древний Египет.

Около 596–594 гг. до н. э. фараон Нехо, пытавшийся поднять утраченный престиж страны, приказал финикийским мореходам, находящимся у него на службе, обогнуть Африку с юга. Это было крупнейшим географическим предприятием древности. «Ливия, оказывается, кругом омывается водою, за исключением той части, где граничит с Азией. Первым доказал это, насколько мы знаем, египетский царь Нехо. Приостановив рытье канала из Нила в Аравийский залив, он отправил финикийян на судах в море с приказанием приплыть обратно через

Геркулесовы Столбы... Финикияне отплыли из Эритрейского моря и вошли в Южное море. При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии ни высаживались, засевали землю и дожидались жатвы. После уборки хлеба плыли дальше. Так прошло в плавании два года, и только на третий год они обогнули Геркулесовы Столбы и вернулись в Египет. Рассказывали также – чему я не верю, – что во время плавания вокруг Ливии финикияне имели солнце с правой стороны».

Так рассказывает Геродот об этом удивительном плавании вокруг Африки, совершенном в VI в. до н. э. Но «отец истории» записал все это спустя полтора века, да и то со слов древнеегипетских жрецов. Больше о плавании не упоминал никто. Сообщение Геродота вызывало сомнения в истинности изложенного еще в греко-римскую эпоху. Античные авторы оспаривали его, так как, по их убеждению, Африка смыкалась где-то на юге с Азией. Кроме того, они считали наименее вероятной именно ту часть рассказа, которую современные исследователи считают доказательством подлинности плавания. Имеется в виду сообщение о том, что путешественники, плывущие на запад, видели солнце справа, то есть на севере. Придумать такое нельзя – следовательно, корабли Нехо зашли далеко на юг. Некоторых исследователей, правда, смущало пройденное финикийскими кораблями расстояние – чтобы обогнуть Африку по морю, надо преодолеть 25 тыс. км. Но почему бы не предположить, что суда постоянно держались вблизи берегов? К этому можно добавить, что плавание протекало в целом в благоприятных для судоходства водах, чего, не скажешь, например, о плаваниях полинезийцев, преодолевавших в своих каноэ огромные пространства открытого океана, который по чистому недоразумению называется Тихим.

Попытаемся приблизительно восстановить маршрут финикийских моряков. Они могли отплыть осенью из района современного Суэца. Вскоре они достигли мыса Гвардафуй. Течения и ветры этого района африканского побережья помогли мореходам – им даже не понадобились весла. Ветер ударил в паруса и погнал корабли на юг. Приближаясь к экватору, они некоторое время сопротивлялись северо-восточному пассату, а потом их подхватило Мозамбикское течение и донесло до юга Африки. К большому удивлению моряков, солнце здесь было видно справа, то есть на севере. Поздней весной они прибыли в район бухты Святой Елены и первый раз за много месяцев ступили на твердую землю. Вырастив урожай пшеницы (в субтропическом климате этих мест он созрел к ноябрю), они отплыли от берега и тут же попали в Бенгальское течение, которое донесло корабли до устья Нигера в Гвинейском заливе. В конце марта в районе этой реки они вновь увидели в зените полуденное солнце. Работая веслами – здесь им встретилось противотечение, – путешественники обогнули мыс Пальмас (современная Либерия). Следующий этап пути был нелегким, так как пришлось бороться с пассатом и Канарским течением. Но солнце, сиявшее так, как оно светило на родине, вселяло в путешественников надежду на скорый конец плавания. В ноябре они достигли берегов Марокко и здесь снова сделали долгую остановку, чтобы посеять хлеб и запастись провизией. В июне следующего года урожай был собран, и корабли двинулись дальше на север. Вскоре они миновали Гибралтарский пролив и вошли в Средиземное море. Экспедиция вернулась в Египет, когда Нехо уже не было в живых и некому было оставить на стене храма традиционную надпись, повествующую о содеянном... Но весть о том, что «Ливию» можно обогнуть морем, все же дошла до Ксеркса и Сатаспа.

Если бы известие о том, что «Африка на юге закругляется с востока на запад», распространилось в Древнем мире, то, наверное, можно было бы избежать загадок и заблуждений более поздних времен. Но понадобилось еще два тысячелетия, прежде чем португальский флот Бартоломеу Диаша вновь «открыл» морской путь через южную оконечность Африки.

Именно этим путем на восстановленном по историческим данным финикийском судне и прошли французские путешественники.

Плавание Ганнона к «Колеснице богов»

«Карфаген должен быть разрушен»... Руководствуясь этой максимой, римские легионеры буквально стерли с лица земли огромный город, столицу великой морской державы, корабли которой на протяжении веков бороздили воды Средиземного моря и отваживались выходить далеко в Атлантический океан. В огне пожара погиб и храм Баал-Хаммона, в котором хранились удивительные трофеи – шкуры горилл, привезенные карфагенским мореплавателем Ганноном откуда-то с побережья Экваториальной Африки, а также каменная стела с текстом «Перипла Ганнона», где описывалось одно из самых захватывающих путешествий, совершенных древними мореплавателями.

Гориллы

В отличие от Карфагена текст «Перипла Ганнона» не погиб. Он дошел до нас в греческом переводе, сделанном, по-видимому, еще в V в. до н. э. Этот памятник сильно отличается от обычных греческих периплов. Начинаясь как довольно сухой, прозаический отчет, он постепенно превращается в яркое художественное повествование, напоминающее авантурный роман. Здесь нет точных географических координат, и он почти бесполезен для идентификации мест, где побывали карфагенские моряки, но зато «Перипл» содержит массу живописных, порой даже устрашающих подробностей...

«Перипл царя карфагенян Ганнона о Ливийских землях, лежащих по ту сторону Геракловых Столбов... И решили карфагеняне послать Ганнона в плавание за Столбы Геракла, чтобы основать ливийско-финикийские поселения. И он отправился в сопровождении шестидесяти пятидесятивесельных кораблей, с 30 000 мужчин и женщин, съестными и прочими припасами».

Тридцать тысяч человек на шестидесяти кораблях – какие гигантские масштабы! И пусть эта цифра, как считают некоторые исследователи, преувеличена; все равно нельзя отрицать того, что экспедиция Ганнона действительно была выдающимся предприятием. Она преследовала прежде всего политическую цель: укрепиться на океанском побережье Африки. Для этого Ганнону было поручено основать колонии по ту сторону Геракловых Столбов. Карфагеняне стремились опередить своих конкурентов на море. В те времена главным соперником Карфагена в Западном Средиземноморье являлась Массалия (ныне Марсель), греческая колония на южном побережье современной Франции. Незадолго до плавания Ганнона массалиотский мореплаватель Эвтимен прошел вдоль Атлантического побережья Африки и достиг большой реки, кишасей крокодилами, которую он принял за исток Нила (как полагают современные исследователи, речь идет о реке Сенегал). Теперь Ганнону предстояло не только побить рекорд соперника, но и закрепить за Карфагеном право контроля над морскими путями вдоль Западной Африки. В разных точках побережья Ганнон основывал новые колонии, и в каждой оставлял часть людей и кораблей, так что, когда он дошел до крайней южной точки своего пути, число тех и других значительно уменьшилось.

Побережье Африки за Геракловыми Столбами было карфагенянам хорошо известно на протяжении нескольких сот километров. Выйдя в Атлантику, они через два дня пути основали на берегу первый город – Тимиатерий (там, где ныне находится марокканский город Мехдия). Затем двинулись дальше и в районе мыса Кантен (Гир) построили храм божеству моря. Обходя мыс, карфагеняне увидели на берегу большое озеро, расположенное недалеко от моря и густо заросшее тростником. Здесь паслись слоны и множество других животных. Озеро тянулось вдоль берега моря на целый день пути. Миновав его, Ганнон основал на побережье еще пять колоний, и, наконец, достиг реки Ликсус (Уэд-Дра), где путешественников встретили дружелюбно настроенные племена ликситов. Пробыв у них некоторое время «как друзья» и взяв с собой на борт нескольких проводников, карфагеняне снова двинулись на юг, вдоль пустынных берегов Сахары.

В устье большой реки, которую местные жители называли Хрета, располагалось большое озеро с островами. Возле его южной оконечности высились горы, населенные дикими людьми, одетыми в звериные шкуры. Высадиться здесь не удалось: дикари, бросая камни, отгоняли карфагенян от берега. Далее на пути кораблей Ганнона лежала еще одна большая река, большая и широкая, кишася крокодилами и гиппопотамами (несомненно, речь идет о Сенегале). Отсюда карфагеняне шли по морю двенадцать дней, огибая материк, пока не прибыли в землю «эфиопов» (т. е. негров), язык которых был непонятен даже проводникам-ликситам. «Эфиопы» оказались очень боязливы. Завидев корабли, они убегали в леса. Карфагеняне высадились у подножия больших лесистых гор, с интересом рассматривая диковинные деревья с душистыми стволами. Вновь подняв якоря, экспедиция спустя два дня оказалась в огромном заливе с плоскими равнинными берегами. Ночью с кораблей были видны огни на обоих берегах. Запасшись здесь пресной водой, Ганнон повел свои корабли дальше.

Через пять дней экспедиция достигла большого залива. Проводники объяснили, что он называется Западный Рог. В этом заливе было несколько островов, и на каждом – соленые озера. Острова густо поросли лесом, и увидеть что-либо в этой чаще днем было невозможно. Однако когда спустилась ночь, джунгли озарились десятками огней. Откуда-то раздались звуки флейт, кимвалов и тимпанов, и громкие крики. Возможно, это просто было какое-то африканское празднество, однако обилие огней и странная музыка в ночи напугали карфагенян; они немедленно оставили остров.

Далее их путь лежал мимо страны, изобилующей благовониями. Однако высадиться здесь не было никакой возможности: стояла страшная жара, берег полыхал огнем, огромные огненные потоки изливались прямо в море. Зрелище огненной стихии повергло карфагенян в трепет. Спустя четыре дня они попали в настоящий ад: ночью с кораблей увидели пылающую

землю. Над бушующими языками пламени поднимался высокий огненный столб – казалось, что он достигает звезд...

Когда рассвело, огненные призраки отступили, и то, что ночью выглядело огненным столбом, при свете дня оказалось высочайшей горой, изрыгающей пламя и дым. Проводники-ликситы пояснили, что она называется Феон-Охема – «Колесница богов».

Через три дня корабли Ганнона прибыли в залив, называемый Южным Рогом. В его губине был остров, населенный дикими людьми, с телами, покрытыми шерстью. Проводники называли их гориллами. Карфагенянам удалось поймать трех «женщин»-горилл, но они отчаянно кусались и царапались, так что доставить их на корабли не было никакой возможности. Пришлось их убить. С них сняли шкуры – позже участники экспедиции с триумфом демонстрировали их в Карфагене. От берегов острова горилл Ганнон повернул назад: «Дальше мы не плавали. У нас не хватило припасов», – заключает он.

«Перипл Ганнона» вызвал в современной науке обширную дискуссию, в том числе и об его подлинности. Говорили, что перипл представляет собой не подлинный отчет карфагенского мореплавателя, а фальшивку, сочиненную – правда, еще в древности – неким греческим автором, использовавшим для своего чисто литературного сочинения имя таинственного Ганнона. Сторонники этой теории считали, что язык перипла слишком правилен и поэтичен, он выдает руку эллинского писателя. Кроме того, нет никаких реальных археологических свидетельств проникновения карфагенян на побережье Африки южнее острова Могодор, говорили они, и Ганнон попросту не мог вернуться назад из-за мыса Бохадор, так как преодолеть встречные ветры без соответствующих мореходных инструментов и при наличии прямого «латинского» паруса было в то время невозможно. Однако эти возражения оказались несостоятельными. Известно, что для дальних заморских экспедиций карфагеняне пользовались пентеконтерами – большими 50-весельными кораблями, построенными из дерева и изнутри обшитыми листами свинца. Эти корабли были гребными и, следовательно, не зависели (или зависели в очень небольшой степени) от направления ветров. На них можно было плыть вдоль побережья Африки сколь угодно долго и в любом направлении: и на юг, и на север. А филологический анализ текста «Перипла» показал, что многие «греческие» обороты оказались всего-навсего переводом с финикийского (пунического). Сведения «Перипла Ганнона» о флоре и фауне африканского побережья в целом соответствуют реальным условиям и отличаются от обычных греческих представлений о невозможности жизни в этих районах Африки.

Другой спорный вопрос – дата плаванья Ганнона. Некоторые исследователи полагали, что это произошло во второй половине VI в., или даже в конце VII – начале V вв. Однако современные данные археологии свидетельствуют, что первые следы карфагенского присутствия в Северо-Западной Африке появляются на рубеже VI–V вв., и трудно не связать это с деятельностью Ганнона.

Самый дискуссионный вопрос: пределы плаванья Ганнона. Сам мореплаватель в своем отчете после довольно четкого описания начального этапа пути о дальнейшем путешествии рассказывает довольно неясно – кажется, даже нарочито неясно, указывая только, что достиг горы, называемой «Колесница богов», и залива Южный Рог. «Колесницу богов» связывали и с Зеленым Мысом, и с горой Какулима в Гвинее, и с вулканом Камерун. Как бы то ни было, все эти пункты находятся южнее устья Сенегала, достигнутого ранее массалиотским моряком Эвтименом. По-видимому, этим и объясняется ясность первой части перипла: так как путь до устья Сенегала был уже известен, скрывать его не было необходимости. А вот дальнейший путь – очень даже имело!

Не вызывает сомнений и историчность самого Ганнона: он был одним из представителей правящей в Карфагене династии Магонидов, возможно – старшим из братьев – внуков легендарного Магона, которым в первой половине V в. принадлежала власть в Карфагене. Именно поэтому «Перипл» называет его «царем карфагенян». И конечно, лишь очень высокопостав-

ленное лицо могло встать во главе столь масштабного предприятия, в котором участвовало 30 тысяч человек. Фактически, это было целое переселение части карфагенских граждан!

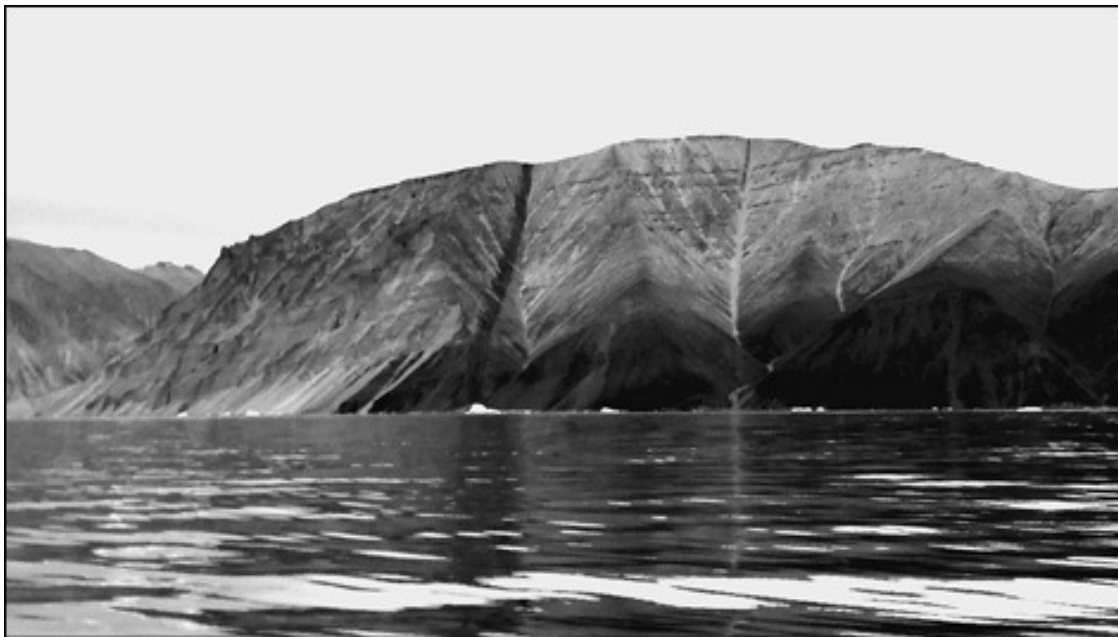
Доверие к рассказу Ганнона росло по мере того, как в распоряжении ученых накапливалось все больше сведений о Западной Африке. В середине XIX в. в Габоне был обнаружен неизвестный до сих пор вид человекообразных обезьян – гориллы. Но ведь именно о них рассказывает карфагенский моряк, дошедший, судя по всему, до Гвинейского залива (Южного Рога)! А на роль «Колесницы богов» вполне может претендовать вулкан Камерун (его высота – 4 км). Долгое время он считался потухшим, однако когда в 1909 г. его жерло неожиданно разверзлось и все побережье запылало огнем, многие ученые безоговорочно приняли «показания» Ганнона. Следующее извержение Камеруна в 1922 г. было еще более грандиозным.

Если эта версия верна, то Ганнона следует признать одним из величайших мореплавателей древности. Он стал первым представителем средиземноморских народов, который проник в тропическую Африку с запада. Можно предположить, что, пройдя в глубь Гвинейского залива и увидев, что берег поворачивает на юг, руководитель экспедиции решил завершить маршрут и возвращаться: Африканский континент оказался значительно более обширным, чем он предполагал...

Спустя два тысячелетия португальские моряки преодолевали путь, пройденный Ганноном, на протяжении целых 70 лет!

Путешествие Пифея-лжеца

Две тысячи триста лет Пифей ждал признания правдивости своих рассказов. Современники не верили ему. Лишь в наше время ученые, тщательно изучив обрывки записей Пифея, сохранившиеся в пересказах других авторов, заключили, что нет оснований сомневаться в их правдивости.

Туле – край земли

«Варвары показали нам то место, где Солнце отправляется на покой. Ибо случилось как раз, что ночь в этих областях была очень короткой и продолжалась в некоторых местах два, в других – три часа, так что через очень короткое время после захода солнце снова поднималось...»

«Самой далекой из всех известных земель является Туле, где во время солнцеворота нет ночей, но очень мало дневного света в зимнее время... это продолжается без перерыва 6 месяцев подряд... Наиболее северная область Британии, лежащая около Туле, составляет последний предел обитаемой земли. Севернее Британии лежат еще другие острова: Скандия, Думна, Берги и величайших из всех Беррике, с которого обычно плавают на Туле. На расстоянии одного дня морского пути от Туле находится застывшее море, называемое Кронийским».

«Германское племя гуйонов обитает на отмели моря, называемого Метуонис... Отсюда один день плавания на парусниках до острова Абалус. На этот остров волны весной выбрасывают янтарь. Жители применяют его в качестве топлива вместо дров и продают соседним им тевтонам...»

Путешествие Пифея поражает куда сильнее, чем «Одиссея» Гомера. Сохранись до наших дней его книга «Об океане», она бы считалась классикой приключенческого жанра. Утрату этой книги, в которой Пифей рассказал о своем долгом путешествии, известный историк Р. Хенниг назвал «самой тяжелой из всех утрат, понесенной географической литературой древности». Плавание Пифея стало самым значительным достижением моряков античности. Оно настолько переворачивало все представления жителей Средиземноморья об окружающем их мире, что позднейшие греческие и римские авторы попросту отказались верить путешественнику. В античную литературу Пифей вошел с клеймом «лжеца», а почти все собранные им

сведения были единодушно сочтены «вымыслом». Сегодня же Пифея называют «ученым в самом высоком значении этого слова».

Пифей жил в IV в. до н. э. в Массалии (ныне Марсель, Франция). Некоторые авторы даже называют точную дату его рождения: 315 г. до н. э. Массалия тех лет была одним из крупнейших торговых городов Западного Средиземноморья. Его основали около 600 г. до н. э. греки – выходцы из малоазийского города Фокеи. Фокейцы были одним из наиболее отважных народов-колонизаторов древности. «Жители этой Фокеи, – сообщает Геродот, – первыми среди эллинов пустились в далекие морские путешествия. Они открыли Адриатическое море, Тирсению, Иберию и Тартесс». Вероятно, от своих фокейских предков Пифей унаследовал их беспокойный характер и неистребимую тягу к дальним путешествиям.

Пифей не был купцом. Он был ученым и располагал весьма скромными средствами. В неведомые земли он отправился скорее всего при поддержке крупных массалиотских купцов, наживших огромные состояния на торговле оловом и стремившихся получить надежные сведения о лежащих на севере странах. Олово было необходимо жителям Средиземноморья для выплавки бронзы, а основным поставщиком олова в те времена служил полуостров Корнуолл (Британия). Путь туда лежал либо по морю, в обход Пиренейского полуострова, либо – что было более безопасно и удобно – по суше, через Галлию. Этот последний путь и контролировала богатая Массалия. И именно этим путем отправился в страны олова и янтаря «лжец» Пифей...

Историки и географы античности оставили достаточное количество свидетельств, чтобы восстановить его маршрут: от нынешнего Марселя вверх по реке Рона, далее по Сене или Луаре – к побережью Атлантики, оттуда морем в Британию. Это была древнейшая дорога через континент, пройти которую можно было за 30 дней (на всем протяжении этого «Оловянного пути» археологи находят слитки олова, вывезенные из английских рудников). В устье Луары лежал кельтский торговый город Корбилон, разбогатевший на торговле оловом (позднее он исчез без следа, и ученые вот уже более двухсот лет безуспешно пытаются отыскать его). Отправившись отсюда на корабле, через три дня Пифей достиг острова Уэссан – важного перевалочного пункта на «Великом оловянном пути». Далее ему предстояло идти к Британским островам. В те времена жителям Средиземноморья был известен только крайний юг Британии, да и то поверхностно, и, по-видимому, массалиотские торговцы поставили перед Пифеем задачу исследовать эту землю, столь богатую оловом, выяснить, является ли она частью материка или только островом, и, конечно, в полной мере оценить ее коммерческие перспективы.

На корабле, нанятом в Корбилоне, Пифей отправился в долгий путь вокруг Британии. Сорок дней понадобилось ему на то, чтобы обойти весь остров. Он высаживался на берег, встречался и разговаривал с местными жителями. В Корнуолле он изучал залегание слоев оловянной руды и способ прокладки штолен в пустой породе, разделяющей рудные жилы, наблюдал, как туземцы плавят руду и отливают ее в слитки. В своих записях Пифей отмечал, что рудокопы дружелюбны, приветливы и умны, потому что им постоянно приходится соприкасаться с другими народами (эти, как и другие сведения, дошли до нас только со слов других авторов). Описывая свою поездку в глубь Британии, Пифей говорит, что эта страна населена земледельцами, живущими по большей части в мире друг с другом.

Пифей был внимательным наблюдателем и хорошим астрономом. Он обнаружил, что Полярная звезда находится не точно в полюсе мира. Он наблюдал приливы в северных морях и впоследствии рассказал о них. Британию Пифей описал в виде треугольного острова и приблизительно подсчитал размеры каждой стороны треугольника. При этом он значительно преувеличил размеры острова, но определил правильные пропорции.

В одном месте Пифей уверяет, что во время бури видел волны высотой в 60 локтей, то есть 27 м! Многим это казалось баснословным. Однако есть все основания полагать, что Пифей был свидетелем бури в проливе Пентленд-Ферс, у северной оконечности Шотландии.

Здесь, когда шторм совпадает с приливом, образуются волны высотой до 18 м, а столбы брызг поднимаются еще выше.

В Шотландии Пифею рассказали, что в шести днях пути к северу от Британии находится остров Туле. Его название вошло в литературу как символ крайней точки известного мира, и с тех пор «ульtima туле» означает «край света». Одни географы думают, что этим именем называлась Исландия, другие – что это часть Норвегии, третьи – что речь идет о Гренландии. Весьма интересен факт, что уже в те отдаленные времена существовало морское сообщение между Британией и далекими землями, лежащими на севере.

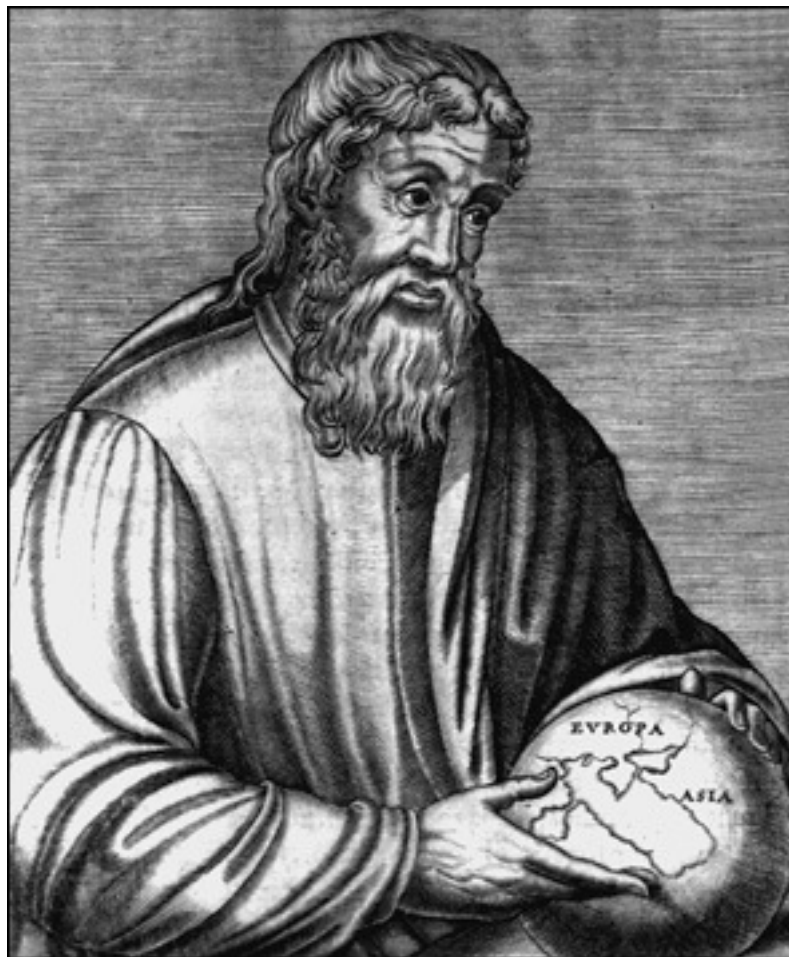
Во время своего плавания Пифей зашел на север дальше, чем кто-бы то ни было до него – за 60° с. ш. (сегодня его иногда называют «первым полярным исследователем») и в поисках легендарной страны Туле, возможно, достиг побережья Норвегии в районе Тронхейма.

Пифей не удовольствовался плаванием вокруг Британии. Он вторично пересек Ла-Манш и направился на северо-восток вдоль берега Европы, «за реку Рейн в Скифию». Он побывал в устье Эльбы, где слышал рассказы про остров, богатый янтарем, – возможно, Гельголанд. В Балтийское море Пифей не попал: скорее всего он достиг лишь западного побережья современной Дании, откуда повернул в обратный путь. Из дальних странствий он привез с собой книгу, полную удивительных, даже «диких» – с точки зрения его современников – сведений: о замерзающих морях и густых туманах, о том, что приливы и отливы связаны с луной, о том, что обитаемые земли простираются далеко на север, туда, где лежат снега и холодное зимнее солнце встает над горизонтом всего на два-три часа...

Пифею не поверили. Для просвещенного жителя античного Средиземноморья не было сомнений в том, что человек не может жить в сумрачной и нестерпимо холодной северной стране. Маститые ученые Полибий и Страбон приводили в своих трудах сообщения Пифея лишь для того, чтобы высмеять их как вымысел, лишенный какого бы то ни было правдоподобия. «Лжец» – с этим клеймом Пифей вошел в историю античной науки. И смыто это клеймо было лишь спустя две тысячи лет. Когда описаниями Полибия и Страбона заинтересовались ученые нашего времени, оказалось, что как раз те факты из сообщений Пифея, которые казались древним географам наиболее неправдоподобными, и являются самыми достоверными! Они неоспоримо свидетельствуют о том, что отважный массалиот на самом деле побывал в далеких северных морях, достигнув «ульtima туле» – края земли...

Плавание Евдокса

«Некто Евдокс во времена наших дедов бежал от египетского царя Сатира и добрался до Аравийского залива через море до Гадеса».

Страбон не верил рассказу Евдокса, но пересказал его целиком

Римский писатель Помпонию Мелу уместил всю захватывающую историю о путешествиях Евдокса в две строчки. Его соотечественник, географ и историк Страбон, был более словоохотлив. Правда, Страбон страдал необъективностью в описании дел своих предшественников, обвиняя всех (кроме себя) в недостоверности, лжи, выдумках и тому подобных грехах. Не поверил он и рассказу о плавании Евдокса. Но тем не менее он привел его целиком – со ссылкой на рассказ другого ученого античности, Посидония, известного своей сдержанностью и взвешенностью в оценках.

Евдокс был родом из малоазийского города Кизика. Он появился в Египте около 116–115 гг. до н. э., в годы царствования царя Птолемея Эвергета. Египтяне отметили, что пришлый грек, вероятно, опытный моряк, или, во всяком случае, «не без сведений в этом предмете». Спустя некоторое время к царскому двору был доставлен некий загадочный человек, которого стража полумертвым подобрала на берегу Красного моря. Царь распорядился обучить пришельца греческому языку, и когда тот уже смог связно разговаривать, с интересом выслушал его историю. Человек оказался индийцем; по его словам, он и его товарищи плыли на корабле из Индии, однако заблудились в море. Припасы на борту закончились. Все его спут-

ники умерли от голода, и лишь его судьба пощадила, выбросив на египетский берег вместе с полуразвалившимся кораблем. В благодарность за свое спасение индеец брался показать слугам царя дорогу в богатую Индию...

Предложение выглядело заманчивым, и царь поручил это опасное предприятие Евдоксу. К удивлению всех, грек блестяще справился с заданием. Он вернулся из Индии с грузом благовоний и драгоценных камней, а также с завораживающими рассказами о богатстве далеких земель и том, как индусы добывают самоцветы: одни из них приносятся реками вместе с обычной галькой, а другие выкапывают из земли, так как они «затвердели из жидкого состояния подобно нашим кристаллам». Однако надежды Евдокса на заслуженную награду не оправдались, потому что царь Эвергет отнял у него все товары.

После смерти Птолемея Эвергета власть наследовала его супруга Клеопатра. Она вновь отправила Евдокса в Индию. При возвращении корабль отнесло ветрами в некую «страну, находящуюся выше Эфиопии» (речь идет о побережье Восточной Африки). Евдокс – как, по-видимому, и его спутники – впервые оказался в этих водах. Идя вдоль берега на юг, он бросал якорь в разных местах, и везде старался завязать дружеские отношения с местными жителями. Моряки оделяли туземцев хлебом, вином, сушеным инжиром, а взамен получали пресную воду и проводников. С помощью последних Евдокс даже составил небольшой список слов местного наречия.

Однажды, высадившись на берег, моряки сделали совершенно неожиданную находку: деревянный обломок носа какого-то погибшего корабля с вырезанным на нем изображением коня. Откуда взялся этот странный предмет? Ведь никто из местных жителей не строит подобные корабли и не плавают на них! Расспрашивая туземцев, Евдокс узнал, что однажды возле этих берегов потерпело крушение большое судно с незнакомыми людьми. Но более всего грека поразило то, что, по словам аборигенов, это судно пришло... с запада!

Неужели Ливию (Африку) можно обойти с запада? Эта мысль не давала Евдоксу покоя вплоть до возвращения к родным берегам. В Египте его встретили, как и в прошлый раз, непристально: обобрав путешественника до нитки, царские слуги отправили его восвояси. Евдокс, прихватив с собой найденный на далеком африканском берегу обломок корабельного носа, отправился в гавань. Здесь, переходя от лавки к лавке и от таверны к таверне и расспрашивая купцов и моряков, он наконец смог установить принадлежность находки: опытные люди опознали в ней фрагмент гадитанского корабля. Только жители Гадеса украшают свои суда подобными деревянными конями. Богатые гадитанские купцы снаряжают большие корабли, бедные же посылают маленькие суда, которые так и называются – «конями», по изображению на носах кораблей. На таких «конях» гадитанцы ходят на рыбную ловлю у берегов Западной Африки вплоть до реки Ликс.

Гадес (ныне Кадис) – древняя финикийская колония на юго-западном, Атлантическом побережье Испании, основанная в незапамятные времена. Как, каким образом моряки из Гадеса могли оказаться на восточном берегу Африки? Одним-единственным путем: обогнув континент с запада. Ведь рассказывали же туземцы, что загадочный корабль пришел с запада...

Собрав пожитки, Евдокс сел на первое же попутное судно и отправился на запад Средиземноморья. Его путь лежал через Дикеархию и Массалию в Гадес. Добравшись до желанной цели, он рассказал гадитанским купцам о своей находке, из которой следовал неоспоримый вывод: Африку можно обогнуть по морю! А если от побережья Эфиопии взять курс на восток, то можно дойти и до сказочно богатой Индии, куда он, Евдокс, дважды самолично водил корабли египетского царя... Трудно избавиться от ощущения, что именно из этих рассказов много лет спустя родилась уверенность в том, что в Индию можно попасть, обогнув Африканский континент. Во всяком случае, в эпоху Великих географических открытий португальские моряки будут упорно стремиться сделать именно это!

Но этих событий придется ждать еще полторы тысячи лет. А пока Евдокс, получивший полную поддержку гадитанцев, снаряжает большой корабль, готовясь пройти морским путем вдоль побережья «Ливии». Вместе с ним в море должны были выйти и две большие лодки, «похожие на пиратские». Экспедиция затевалась многолюдная: помимо экипажей кораблей в ее состав входили разного рода ремесленники, врачи и даже музыканты. Возможно, речь даже шла о предстоящей колонизации новооткрытых земель. Несомненно, что конечной целью экспедиции должна была стать Индия – рассказывая об отплытии, Посидоний неожиданно обмолвился: по его словам, Евдокс «поплыл в открытое Индийское море, сопровождаемый попутным ветром». Но из Гадеса при всем желании нельзя сразу попасть в «Индийское море» – только в Атлантический океан, или, на худой конец, в море Средиземное. Так что «Индийское море», по-видимому, являлось лишь отдаленной целью Евдокса...

Корабль и лодки шли вдоль побережья «Ливии» до тех пор, пока экипажи и пассажиры не выбились из сил. Все чувствовали себя крайне утомленными, и Евдокс распорядился причалить к берегу, чтобы люди после долгого плавания смогли наконец отдохнуть и почувствовать твердую землю под ногами. Однако при подходе к берегу корабль неожиданно сел на мель. Впрочем, катастрофы не произошло, берег был близко, и морякам удалось сперва перегрузить с него все запасы и товары, а затем и разобрать корпус на бревна и доски. Из них путешественники построили другое судно – «почти равное по силе пятидесятивесельному кораблю» (корабли подобного рода использовались карфагенянами для дальних плаваний). На этом судне Евдокс и его спутники снова вышли в море.

После долгих дней плавания Евдокс встретил где-то на побережье «Ливии» людей, говоривших на знакомом ему наречии: словарик именно этого языка он наскоро составил во время своего давнего путешествия к берегам Восточной Африки! Как оказалось, «живущие здесь люди принадлежат к одному племени с эфиопами».

Далее Посидоний (рассказ которого приводит Страбон) произносит совсем удивительную фразу: «Окончивши путь в Индию, он возвратился домой». Неужели от берегов «страны эфиопов» Евдокс прямехонько отправился в Индию? И достиг ее? И благополучно вернулся домой, на Пиренейский полуостров? И сделал это за 1700 лет до Васко да Гамы?

Не верится. Но как тогда можно толковать слова Посидония? То, что «страна эфиопов» – не Индия, Евдокс прекрасно знал. Следовательно, не здесь окончился его путь. И не отсюда он возвращался домой...

«На обратном пути он увидел остров, пустынный, хорошо снабженный водой, покрытый деревьями, и заметил его положение» (речь идет о Мадагаскаре?). Благополучно достигнув северо-западного побережья Африки, Евдокс продал свои корабли и отправился ко двору местного царька Бага. Он предложил африканцам предпринять морскую экспедицию, однако придворные отговорили царя от этой затеи. Тогда Евдокс бежал в римские владения, а оттуда вновь перебрался в Иберию. Здесь он построил два больших корабля, взял на борт земледельческие орудия, семена и плотников и опять вышел в море, по уже знакомому маршруту. В случае задержки в пути он намеревался высадиться на открытом им острове (Мадагаскаре?), посеять семена, собрать урожай, а на следующий год отплыть отсюда к берегам Индии...

«До этого момента известна мне история Евдокса, – заключает Посидоний, – что случилось с ним после, то, вероятно, знают жители Гадеса и Иберии». О человеке, который «проделал путь из Испании в Эфиопию», действительно, упоминает ряд античных авторов. «Не следует отвергать теоретическую возможность того, что после экспедиции фараона Нехо еще одно средиземноморское судно дошло до мыса Доброй Надежды и обогнуло Африку, – считает Р. Хенниг. – Однако никаких достоверных доказательств того, что нечто подобное действительно было, совершенно не сохранилось».

Приключения на земле...

Необыкновенное странствие бродячего миннезингера

...Рассказывают, что, когда апостолы, следуя повелению Христа нести евангельскую весть во все концы земли, разошлись каждый в свою сторону, апостол Фома направил свои стопы в далекую Индию. После долгих странствий, проповедуя везде учение Христово, он в 52 г. достиг этой полусказочной страны и навсегда остался там. Стараниями Фомы в Индии возникла община христиан, которых так и называли – фомистами. И хотя на протяжении многих веков индийские христиане почти не имели никаких связей со своими братьями на Западе, до Европы время от времени доходили слухи о «епископе Великой Индии» и руководимой им общине, о большом монастыре с храмом, где покоятся останки апостола Фомы, и где ежегодно случается чудо нисхождения самовозгорающегося и неугасимого огня...

Миннезингер Генрих фон Морунген

Генрих фон Морунген родился ок. 1150 г. в Тюрингии, в замке Морунген под Зангер-хаузенем. Его род имел рыцарское достоинство, но был небогат. Как воин Генрих ничем не проявил себя, да это ему было и ни к чему: Бог одарил его другими способностями. Он был поэтом и музыкантом – миннезингером, трубадуром. Маркграф Дитрих Мейсенский высоко ценил его талант. Несколько лет прослужил Генрих фон Морунген при дворе, пока маркграф Дитрих не взял его с собой в поход в Святую землю: тюрингские и саксонские рыцари шли на помощь своим собратьям-крестоносцам, теснимым сарацинами.

Они выступили в январе 1197 г. Однако графу пришлось возвращаться домой с полпути: умер его тесть Генрих Тюрингский, и сразу появилась куча проблем, которые надо было решать. Но Генрих фон Морунген вместе с маркграфом на родину не вернулся – его ждал Восток...

Оказаться христианину-одиночке на мусульманском Востоке времен крестовых походов в 99,9 % случаев означало неминуемую смерть, в самом лучшем случае – рабство. Генрих фон Морунген чудесным образом избежал и того и другого. Его неудержимо манила к себе далекая Индия. Он знал, что где-то там живут христиане, предки которых были обращены в истинную веру самим апостолом Фомой. Генрих с молодых лет истово чтит этого святого. Он выделял его среди других святых и не отказывал ни одному нищему в подавании, если тот просил его именем апостола Фомы. Путь миннезингера через далекие восточные страны был полон трудностей и лишений. Точный маршрут его странствий не известен. По-видимому, сперва он побывал в Эдессе (юго-восточное побережье современной Турции), где молва указывала могилу св. Фомы. Убедившись, что это не так, Морунген продолжил свой путь. По древнему караванному пути через Сирийскую пустыню он добрался до Ктесифона – древнего города на реке Тигр, в 30 км от Багдада. Спустившись вниз по реке до самого устья, он сел в Басре на корабль, идущий в Индию.

«Землей Святого Фомы» в те времена называли побережье Индии между Бомбеем и Мадрасом. Позднейшие европейские путешественники – Марко Поло, Джованни Монтекорвино, Одорико, Мариньоли и другие – отмечают здесь наличие процветающих общин христиан-последователей св. Фомы. Общины «фомистов» существовали и на Цейлоне (Шри-Ланке) – даже в XII в. в числе советников здешнего короля было четыре христианина.

Индийский город Майлапур – современный Мадрас – считался городом св. Фомы. По преданию, в его окрестностях апостол принял смерть от копья какого-то брахмана. Португальские моряки, приплывшие 23 декабря 1500 г. в индийский порт Кочин, были чрезвычайно удивлены, встретив здесь многочисленных братьев по вере. Те рассказали, что «тело Святого Фомы покоится на расстоянии 150 часов пути от Кочина, на берегу моря, в городе Майлапур, в котором очень мало жителей. С могилы святого берут землю, и там случается много чудес, поэтому туда приходят многие христиане от всех этих народов...».

По-видимому, именно Майлапур-Мадрас и являлся целью Генриха фон Морунгена. Он прибыл сюда в 1200 или 1201 гг. То, что Морунген побывал в Индии, – несомненно. Но как он вернулся назад, не знает никто. Позже жители Лейпцига сложили легенду о том, что сам дьявол поднял миннезингера в воздух и меньше чем за ночь перенес его из Индии в Германию. На рассвете Морунген уже оказался на собственном дворе... По другой версии, злой дух доставил миннезингера в Лейпциг вместе со львом, с которым Морунген подружился в Индии. Изображение миннезингера со львом позже было высечено из камня в лейпцигской церкви Св. Фомы.

Как бы то ни было, спустя пять (по другой версии – семь) лет отсутствия Генрих фон Морунген объявился в Лейпциге. Его появление произвело настоящую сенсацию и стало предметом длительного обсуждения. Из дальних странствий миннезингер привез реликвии св. Фомы и разные удивительные вещи. Специально для их хранения и в память о необыкновенном путешествии маркграф Дитрих основал в Лейпциге августинский монастырь Св. Фомы. Вплоть до Второй мировой войны здесь хранились некоторые привезенные Морунге-

ном реликвии: «часть ризы Св. Фомы, круглый прозрачный камень, на котором изображена голова женщины, кусочек жемчужной раковины, свинцовое зеркальце с двумя стеклами». Три последних предмета вряд ли могли иметь какое-либо отношение к апостолу Фоме, но несомненно, что принадлежали самому миннезингеру. Интересно, что после путешествия Морунгена за Лейпцигом на долгие годы закрепилось название «город кантора (т. е. певца. – *Авт.*) Святого Фомы».

После своего возвращения Морунген получил от маркграфа Дитриха большой денежный подарок и два имения. В 1217 г. миннезингер пожертвовал их лейпцигскому монастырю Св. Фомы в обмен на предоставление ему права дожить свои дни в этой обители, где Морунген и умер пять лет спустя. Настоятель монастыря Георг Хорн записал по памяти все, что знал об удивительном путешествии миннезингера в далекую Индию. Эти записки были опубликованы только в 1934 г., и имя Генриха фон Морунгена впервые за долгие столетия всплыло из небытия, вызвав неподдельный интерес специалистов.

Генрих фон Морунген славился как миннезингер, отличавшийся весьма своеобразным стилем. Из его творческого наследия до нас дошли тексты 35 песен. Морунген – очень тонкий лирик, для него характерны светлые образы – солнце, луна, вечерняя звезда, золото, драгоценные камни, зеркало... Любовь в его стихах обладает поистине волшебной, даже фатальной властью, она переживается поэтом как религиозный и мистический опыт. Исследователи ищут и находят источники вдохновения Морунгена на Востоке – в поэзии мистиков-суфиев, гимнах средневековых индийских поэтов, в арабо-андалузской традиции... А в 1993 г. немецкий музыкант и композитор Питер Паннк, много путешествовавший по восточным странам, собрал группу музыкантов из тех стран Европы и Азии, где, возможно, побывал Генрих фон Морунген. Цель этого оригинального проекта состояла в том, чтобы переложить тексты миннезингера-путешественника на музыку, созданную в традициях европейской и восточной культуры – так, как, возможно, звучали когда-то его песни под сводами замка маркграфа Дитриха Мейсенского...

Путешествие монаха Юлиана в поисках «Великой Венгрии»

«Боже, спаси нас от венгров!» Эта молитва без малого полвека звучала под сводами соборов и церквей Европы. Конные воины кочевого народа, пришедшего из предгорий Урала, подобно вихрю налетали на европейские города, замки и аббатства, сметая все на своем пути.

Семь венгерских (мадьярских) племен пришли в Карпатский бассейн во главе со своим вождем Арпадом в 896 г., став одной из последних волн Великого переселения народов. На протяжении нескольких десятилетий они держали в страхе всю Центральную Европу. Их дальнейшее продвижение было остановлено в битве под Аугсбургом, и венгры осели на землях Паннонии и Трансильвании, время от времени совершая набеги на соседей.

Венгерский воин

Князь Геза, потомок Арпада (ум. в 997 г.), первым начал процесс интеграции венгров в семью европейских народов. Его сын Иштван Святой (997—1038) обратил венгров в христианство. За три сотни лет правления династии Арпадов Венгерское королевство вполне усвоило социальную модель и систему ценностей, принятые в средневековой Западной Европе. Кочевой народ, пришедший из степей Приуралья, в сравнительно короткие сроки перешел от отгонного скотоводства к оседлой жизни и возделыванию земли. С каждым годом страна все более и более преуспевала. Но в памяти венгров, поселившихся на Дунае, жило предание о том, что где-то далеко-далеко на востоке остались жить их соплеменники. Эту историческую прародину венгерские средневековые хронисты называли «Великой Венгрией» – *Hungaria Magna*. В эпоху становления независимого государства перед венграми стояли другие задачи, но когда в стране наступил мир, многие вновь вспомнили о своих оставшихся на востоке родичах...

...В 1234 г. из дальнего, опасного путешествия в венгерскую столицу Эстергом вернулся крайне изможденный, больной человек. Он был уже при смерти. Его тело было покрыто ранами, лицо иссечено ветрами и обожжено горячим солнцем степей. Лишь немногие опознали в этом человеке брата Отто – монаха-доминиканца, три года назад вместе с тремя другими братьями отправившегося на поиски *Hungaria Magna*. Брат Отто прожил еще около недели. Перед смертью он успел рассказать, что встретил на далекой Волге людей, говорящих по-венгерски. Но сама Великая Венгрия лежала где-то дальше на востоке...

Молодой доминиканец Юлиан давно мечтал о путешествиях. Еще в детстве он любил слушать предания о неведомых далеких землях, откуда пришли на Дунай венгры. Став монахом, он прочитал в старых книгах о том, что на востоке действительно существует какая-то другая Венгрия. Из этой Венгрии некогда вышли со своими родами семь мадьярских вождей, потому что их земля из-за многолюдства уже не могла вместить всех жителей. Бесконечно длинным оказался их поход, пока не достигли они той страны на Дунае, что ныне зовется Венгрией...

Но где искать прародину венгров? Старые хроники давали только одно указание: на востоке. За годы, проведенные в монастыре, Юлиан освоил греческий, арабский и немецкий языки. Знал он и наречие печенегов – степных кочевников. И неудивительно, что именно ему была поручена эта сложнейшая, практически невыполнимая миссия: отправиться на восток по следам брата Отто и найти «Великую Венгрию».

Майским утром 1235 г. из ворот Эстергома выехали четыре всадника. Прохожие с удивлением взирали на бородатые лица путников и их длинные, непривычного вида одеяния. Может быть, это послы какого-то степного царька? Или купцы из далеких земель? Узнать в этом «языческом» облике доминиканских монахов Юлиана, Герарда, Иоанна и Якова мог только очень опытный глаз.

Юлиан возглавил маленькую экспедицию. Помимо охранной грамоты короля Белы IV и тяжелого кошель с серебряными монетами он получил два задания, каждое из которых имело государственную важность. Первое – найти «Великую Венгрию». Второе – узнать как можно больше о загадочных монголах, пришедших из глубин Азии. По слухам, сила их была ужасна: теснимые ими половцы (куманы) уже покинули свои кочевья и подались на запад, прося венгерского короля Белу принять их под свое покровительство. Четыре безоружных монаха отправлялись прямо в пасть монгольского льва, в бескрайние степи, населенные воинственными кочевниками...

Переправившись через Дунай, монахи вошли в пределы Болгарского царства. Остались позади многолюдные города Ниш, Средец, Филиппополь, Адрианополь. В Константинополе, за тридцать лет до того разоренном крестоносцами, несколько недель пришлось ждать попутный корабль. Наконец, пришла венецианская галера, направлявшаяся в Боспор. Вечером того же дня Юлиан и его спутники уже были на корабле.

Галера шла на восток вдоль малоазийского берега: в те времена редко кто отваживался пересекать Черное море напрямик. Лишь спустя тридцать три дня галера добралась до земли черкесов. Расположенный на Таманском полуострове город Матрика (жившие здесь русские называли его Тьмутаракань) населял разноязыкий народ, в основном потомки сарматов-иранцев. Город славился своим торгом, однако на этот раз он оказался на удивление малолюдным и бедным. Купцы сокрушенно разводили руками: никто не пригоняет из степей табуны, не привозит товары. Говорят, появились какие-то новые орды, нарушили торговлю...

Так Юлиан получил первые известия о монголах.

В Матрике бесплодно просидели почти два месяца. Деньги таяли с каждым днем. Найти проводника было невозможно: никто не соглашался идти в опасный путь через степи. Наконец, счастливый случай свел Юлиана с одной из жен местного правителя, и при ее содействии монахи нашли лошадей и все необходимое. 21 августа небольшой караван из пяти всадников и двух выючных лошадей вышел из Матрики.

Проводник вел монахов вдоль высокого правого берега Кубани. Стояла жара, путники страдали от зноя и жажды. Степь была уныла и безлюдна. Тишину нарушали лишь топот лошадей да стрекотание кузнечиков в жесткой сухой траве. Орлы, распластав крылья, медленно кружили в горячем небе. На курганах то тут, то там в горячем мареве вырисовывались силуэты загадочных каменных баб. Сложив кривые руки на огромных животах, истуканы незряче пялились вдаль пустыми глазницами.

На тринадцатый день пути караван добрался до границы земли аланов. Здесь жили и христиане, и язычники, но Юлиану показалось, что эта земля населена только одними язычниками. Везде их принимали с истинно кавказским гостеприимством, но путешествовать по этой стране можно было только по воскресным дням. Аланы настолько почитали воскресенье, что любой человек, как бы много зла он ни сделал и сколько бы врагов ни имел, мог в этот день безопасно ходить по дорогам и даже заходить в селения, где жили родственники убитых им людей. Во все остальные дни в стране аланов шла война: все воевали против всех. Даже во время пахоты люди выходили в поля вооруженными. Простая заготовка дров превращалась в настоящую военную экспедицию. Жили аланы в домах, обнесенных высокими стенами, где все окна выходили во двор. Многие семьи кроме домов имели каменные башни, чтобы укрываться от врагов.

Монахи совершали переходы только по воскресеньям, а в будни отдыхали в домах аланов. Юлиан очень обрадовался, когда они наконец миновали эту гостеприимную страну. Далее их путь лежал через обширную полупустыню, которая тянулась до самой реки Итиль (Волги). Пропыленная равнина, покрытая редкими кустиками полыни, пучками ковыля и серовато-серебристыми разводами соли, постепенно понижалась к северо-востоку, где лежало единственное в этих местах большое озеро Маныч, наполненное солоноватой водой. Ночные ветры уже приносили дыхание холода. А впереди лежал еще немыслимо далекий путь...

Неподалеку от устья реки Итиль, на краю пустыни, лежал город Торчикан – горсть глиняных кубиков, рассыпанных по желто-бурой равнине. Приземистые дома с плоскими крышами то вытягивались в кривые улицы, то кучками лепились друг к другу. Войлочных юрт здесь было больше, чем домов. Блеяние овец, ржание низкорослых лохматых коней, хриплые вопли верблюдов, мычание волов, резкие скрипы тележных колес, перестук молотков в мастерских ремесленников и разноязыкий гомон торга... Юлиан и его спутники затерялись в пестрой толпе. Никто не обращал на монахов внимания, никто не спрашивал, кто они и откуда. Торчикан был открыт для всех людей без различия веры и звания.

Юлиану и его спутникам удалось найти пристанище у грека Никифора. Приближалась зима. Юлиан целыми днями бродил по городу, заходил в караван-сарай, где собирались купцы, искал людей, которые согласились бы идти вместе с ним за реку Итиль. Но страх перед монголами удерживал от этого предприятия даже самых алчных. В городе оказалось немало людей,

которые или сами встречались с монголами, или слышали о них от очевидцев. Они рассказывали тревожные новости: бесчисленные орды монголов скапливались между Яиком и Итилем, и каждый день, по слухам, к ним из глубин Азии подходили все новые и новые отряды...

Наступила зима. Холодные злые ветры бились в саманные стены домов, стучали обледеневшими пологам юрт. Колючий снег пополам с песком хлестал по лицу. К мукам холода прибавились муки голода – деньги подошли к концу. Брат Герард вырезал из дерева ложки, Юлиан ходил ими торговать. Иоанн и Яков собирали на улицах сухой навоз для очага. Монахи оголодали до того, что Юлиан решил продать Иоанна и Якова в рабство. Однако сделка не состоялась: купцы ждали весны. Весной начнется война, и тогда рабов можно будет покупать за бесценок. К тому же Иоанн и Яков совсем ослабли от голода и едва держались на ногах. Кому такие нужны? Тогда Юлиан велел им возвращаться обратно в Венгрию. Больше о них никто ничего не слышал...

Двоим прокормиться легче, чем четверым. В середине марта сошел снег и с первым же караваном монахи покинули Торчикан.

Однажды в пути Юлиан нечаянно выронил из сумы королевскую грамоту. Блеснула позолоченная печать. Ого, эти нищие «дервиши», оказывается, прячут золото! Караванщики набросились на монахов, скрутили им руки, принялись рыться в суме. Не обнаружив ничего ценного, они жестоко избили монахов и бросили их в степи. Отлежавшись и перевязав раны, Юлиан и Герард пошли дальше – пешком, одни. Весна неумолимо вступала в свои права. Трава от зноя желтела буквально на глазах. Вода из редких колодцев была соленой, невкусной. Спустя 37 дней, окончательно обессиленные Юлиан и Герард добрались до страны, которую местные жители называли Вела (где-то между реками Яиком и Эмбой). Встретили их здесь крайне недружелюбно. Монахи вынуждены были ночевать в заброшенном шалаше из дырявых шкур. Герард слабел с каждым днем. Юлиан оставлял больного спутника в шалаше, а сам отправлялся просить милостыню. Подавали мало, неохотно. Наконец, Герард немного окреп, и заявил, что сможет продолжать путь. Однако в дороге ему стало совсем плохо. Он метался в горячке, бредил... Герард умер на руках Юлиана. Похоронив товарища, Юлиан остался один.

Ему повезло: он случайно встретил какого-то муллу («сарацинского священника»), направлявшегося в Волжскую Булгарию. Мулла долго расспрашивал Юлиана, кто он и откуда, и неожиданно предложил стать его слугой. И снова путь по диким степям. Безлюдье, зной... Небольшой караван двигался неторопливо, но без остановок. Скрипели телеги, шуршала под колесами сухая трава. Везде валялись ржавые обломки оружия – следы недавней войны. Белели лошадиные кости, страшно скалились человеческие черепа...

Здесь Юлиан впервые увидел монголов: плоские широкие лица, одежда из вывороченных мехом наружу звериных шкур, войлочные колпаки, кривые сабли и луки за спиной. Всадники крепко сидели в седлах и могли стрелять из луков прямо на скаку, не держась за уздечки. Несколько раз эти дикие наездники с воинственными криками и устрашающим воем бросались на караван, но всякий раз мулла вытаскивал из-за пазухи небольшую медную дощечку с непонятными письменами, и монголы расступались, пропуская телеги. Юлиан узнал, что эта дощечка называлась «пайцза» и давала право безопасного проезда через монгольские владения.

20 мая караван достиг пределов Волжской Булгарии. Здесь в большом болгарском городе Юлиан расстался с муллой. Город был многолюдным – болгары утверждали, что при необходимости он может выставить 50 тысяч воинов. Но все равно здесь было тревожно: все готовились к нашествию. По дорогам тянулись обозы с запасами на случай осады. Оружейники работали день и ночь, а вот купцы уже сворачивали торговлю.

Юлиан бродил по улицам, смотрел, слушал. И вдруг... услышал в толпе венгерскую речь! Расталкивая людей, он бросился через толпу. Неподалеку возле прилавка стояла женщина в длинном широком платье, украшенном цветными лентами, в кожаной безрукавке. Она по-вен-

герски называла лежащие на прилавке товары, и тут же переводила смысл слов стоящему рядом чернобородому тучному мужчине – по-видимому, мужу. Юлиан приветствовал женщину по-венгерски. Удивленная женщина ответила на его родном языке. И тогда Юлиан, не стеснясь слез, заплакал от счастья...

Женщина оказалась мадьяркой из «Великой Венгрии», выданной замуж за болгарского купца. Она рассказала Юлиану, что земля ее народа лежит всего в двух днях пути отсюда, возле реки Этиль (по-башкирски – Ак-Идель, Белая). Правда, как выяснилось, речь шла о двух днях конного пути, а пешему Юлиану пришлось добираться до нее больше недели. Но эти дни стали самыми счастливыми в его жизни.

Дорога оказалась легкой и приятной. Она шла через лиственные леса с быстрыми прозрачными речками. Потом леса поредели, и на смену им пришла холмистая равнина, покрытая ярким разнотравьем. Чистый сухой воздух, напоенный ароматом трав, кружил голову. Здесь, у края степи, Юлиан увидел первое селение венгров – несколько деревянных домов с плоскими крышами в окружении круглых, покрытых бурым войлоком юрт. Навстречу Юлиану вышли невозмутимые, спокойные люди – рослые, смуглолицые, с длинными черными волосами, свисавшими почти до плеч. Оружия ни у кого не было, лишь короткие, витые из ремней плетки висели на поясах. Высокий старик, отличавшийся от остальных нарядной суконной шапкой с опушкой из бобрового меха, обратился к Юлиану по-венгерски:

– Кто ты, добрый человек?

У Юлиана перехватило дыхание.

– Я ваш брат, такой же венгр, как и вы! – срывающимся голосом прокричал он и достал из-за пазухи королевскую грамоту...

Венгров убедила не грамота, а то, что пришелец из далеких земель говорит на их родном языке. Они помнили, что много лет назад часть их народа ушла на запад. Радость Юлиана была неописуема. Странника водили из дома в дом, из селения в селение, и всюду Юлиан находил щедрое гостеприимство и благодарных слушателей. Соотечественники жадно внимали его рассказам о Венгерском королевстве на Дунае, об обычаях и занятиях венгров-христиан. Сами же поволжские венгры, как писал Юлиан, «...язычники, но не почитают и идолов, а живут, как звери. Земли не возделывают, едят мясо конское, волчье и тому подобное, пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием, и весьма отважны в войнах».

Венграм, живущим на реке Белой, уже приходилось сталкиваться с монголами, и Юлиан получил от них много важных сведений о грозных завоевателях. Ничего не подозревающие народы Европы даже не представляли себе масштабов нависшей опасности! Юлиан понимал, что обязан предупредить и короля, и всех, кто может оказаться на пути монголов. Если он не сделает этого, это не сделает никто. Пора было возвращаться...

Юлиан покинул «Великую Венгрию» 21 июня 1236 г. Венгры отдали его под покровительство болгарского купца, ладья которого шла вниз по Белой, и строго наказали ему доставить гостя до земли руссов со всей бережностью:

– Если с нашим гостем случится что-либо худое, мы узнаем и убьем тебя. Ты проезжаешь по реке каждое лето, куда тебе спрятаться от нашей мести?

Плавание по рекам Белой и Каме, а затем вверх по Волге продолжалось около месяца. Неподалеку от устья Камы ладья присоединилась к большому торговому каравану. В предзвездном сумраке миновали Нижний Новгород, большой и сильно укрепленный русский город, стоявший на высоком берегу возле впадения в Волгу реки Оки. Пройдя по Оке, ладьи вошли в Клязьму, протекавшую по землям Северо-Восточной Руси. На исходе августа караван дошел до Владимира.

Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович (спустя год он будет убит татарами) принял Юлиана без торжественности, по-домашнему. Он рассказал плохие новости: монгольский хан отправил своих послов к венгерскому королю Беле IV, но владимирцы задержали их.

Грамоту, отобранную у послов, князь передал Юлиану с тем, чтобы монах доставил ее венгерскому королю. В ней хан недвусмысленно угрожал королю Беле за то, что тот принял под свою руку половцев: «Я, хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся и подавлять противящихся, удивляюсь тебе, король венгерский! Рабов моих куманов, бежавших от моего гнева, ты держишь под своим покровительством. Приказываю впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, потому что они кочуют без домов, в шатрах. Ты же имеешь замки и города, как тебе избежать руки моей?»

Юлиан покинул Владимир верхом, в сопровождении княжеских дружинников. 15 сентября он проехал Рязань, 22 октября – Чернигов, 5 ноября – Галич. 27 декабря Юлиан перешел Карпаты, а 8 января 1237 г. уже был в Эстергоме. Король получил грозное предупреждение монгольского хана, переданное через владимирского князя.

Весной 1237 г. Юлиан побывал в Италии: привезенные им сведения оказались настолько важны, что их пожелали выслушать весьма высокопоставленные лица в папской курии. А осенью того же года Юлиан снова отправился в степь...

Казалось, в ту осень люди шли только на запад. Пыль, поднятая ногами тысяч беженцев и бесконечными стадами, заволочла горизонт. Монголы уже перешли Дон. На своем пути Юлиан встречал половцев, аланов, болгар... Бегущие от нашествия люди рассказывали ужасные вещи. Спутники Юлиана настойчиво предлагали вернуться. И вот последний привал на берегу Северского Донца. Всю ночь – скрип тележных колес и ржание коней. Мимо на запад шли и шли беженцы, ища спасения в чужих краях...

Это второе путешествие Юлиана оказалось коротким, но чрезвычайно важным. Его «Письмо о жизни татар» (*«Epistula de vita Tartarorum»*) содержит подробнейшую информацию о монголо-татарах и их завоеваниях. Юлиан узнал главное, то, ради чего король Бела послал его навстречу «желтому урагану»: куда будет направлен первый, самый страшный удар монгольского войска и сколько воинов ведет в поход предводитель монголов Бату-хан:

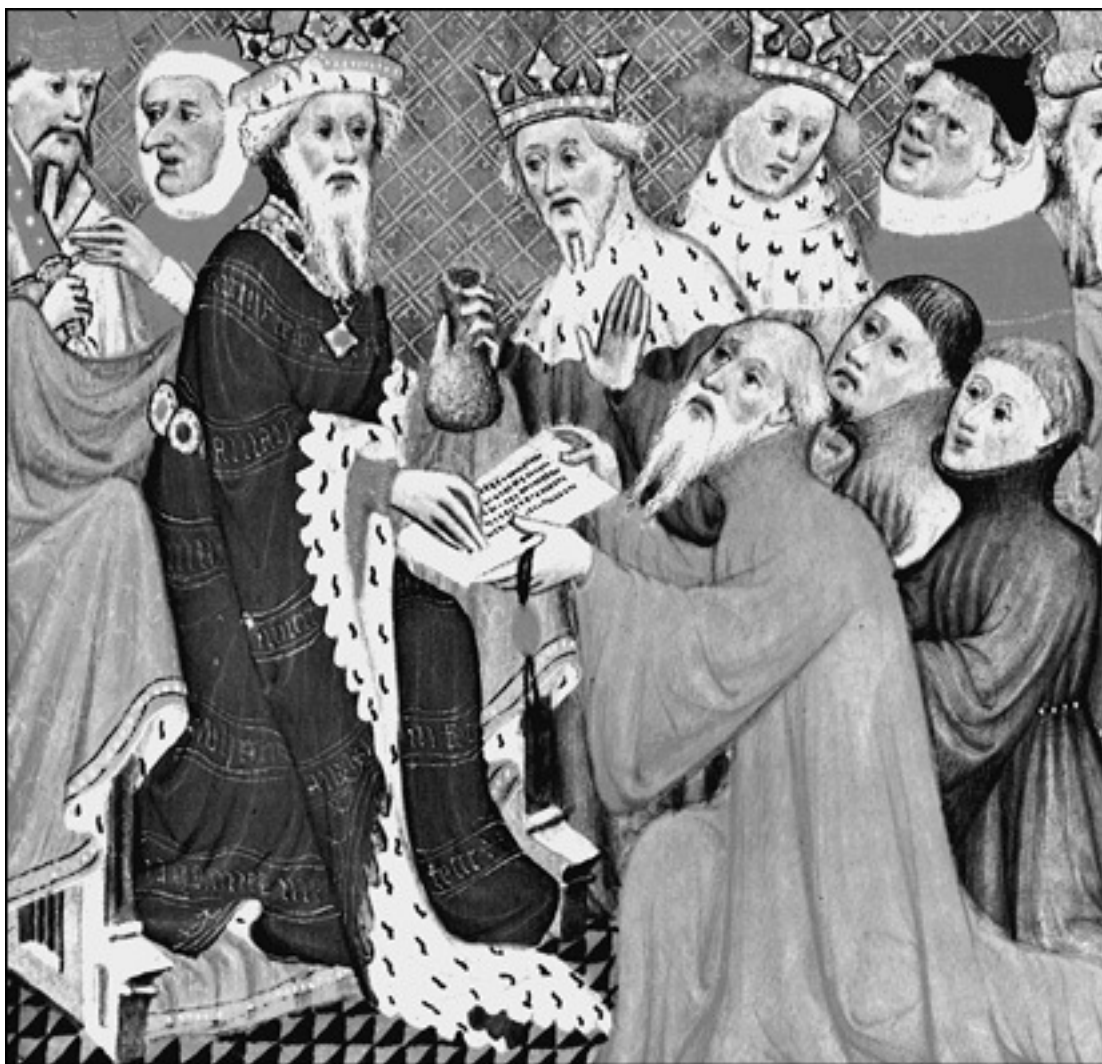
«...Находясь у пределов Руси, мы узнали действительную правду о том, что монголы, идущие в страны запада, уже готовятся к походу на русских. Одна часть монгольского войска у реки Итиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в южном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж, тоже княжества русских. Монголы ждут только того, чтобы земля, реки и болота с наступлением зимы замерзли, после чего всему множеству монголов легче проникнуть в землю русских... В войске у монголов с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших воинов их закона в строю...»

Юлиан вовремя предупредил Европу об опасности. И не его вина в том, что добытые им знания не пошли на пользу его современникам. Весной 1241 г. монголы ворвались в пределы Венгрии, Польши и Чехии, но ни король Бела, ни правители других стран не смогли организовать отпор завоевателям.

Доминиканец Юлиан вошел в историю как самый известный венгерский путешественник. Достоверность его сведений не вызывает у ученых никаких сомнений. Однако до сих пор открытым остается вопрос: куда исчезла «Великая Венгрия»?

«Марко-миллионе»

Завоевания монголов проложили европейцам дорогу в далекий Китай, и западные купцы не замедлили этим воспользоваться. В XIII – начале XIV вв. торговля с Востоком из рук персов и арабов переходит к итальянским городам-республикам, и в первую очередь к Венеции. В то время торговые пути были не спокойны. В морских просторах рыскали пираты, на караванных дорогах – разбойничьи шайки. От тогдашних купцов требовалась не только торговая смекалка, но и умение владеть оружием.

Прибытие Марко Поло ко двору Хубилая

Среди смелых и предприимчивых венецианских купцов, которые вели торговые дела с Востоком, были два брата Поло – Маттео и Никколо. В 1254 г. они нагрузили товарами галеру и отплыли в Константинополь. Оттуда братья отправились в Крым, потом на Волгу, а с Волги в Бухару. В Бухаре они прожили три года, а потом поехали в Китай и достигли Ханбалыка – столицы монгольского императора Хубилая.

Братья Поло были приняты Хубилаем и преподнесли ему богатые подарки. Они сумели завоевать расположение хана и оказаться полезными при его дворе. В Китае братья Поло пробыли несколько лет. Они выгодно распродали свои товары, накупили китайских изделий,

чтобы еще прибыльнее сбыть их в Венеции, и пустились в обратный путь. Когда они уезжали из ханской столицы, Хубилай дал им письмо к папе римскому. В этом письме он просил прислать в Китай ученых людей, сведущих в науках и в христианском учении.

После многих лет странствий, в 1269 г., венецианцы опять увидели дворцы и каналы родного города, откуда уехали пятнадцать лет назад. Прожив дома три года и закупив новые товары, Никколо и Маттео вновь отправились в далекий Китай. На этот раз они взяли с собой семнадцатилетнего Марко, сына Никколо. Долгое путешествие через равнины, горы и пустыни Азии заняло три с половиной года.

Сперва братья Поло направились в сторону Персидского залива, где они думали сесть на корабль. Но местные суда показались им ненадежными. «...Сколочены они не железными гвоздями, – рассказывал впоследствии Марко Поло, – а сшиты веревками из коры индийских орехов... У судов одна мачта, один парус и одно весло; они без крыши [палубы]. Нагрузят суда и сверху товары прикроют кожей, а на это поставят лошадей, которых везут на продажу в Индию... Плавать в таких судах опасно, бури в Индийском море часты, и много их гибнет»...

Венецианцы предпочли путешествие по суше. Они повернули на северо-восток, прошли через Персию, Памир, спустились в пределы Синьцзяна. Караван шел через огромные пустынные пространства от одного оазиса к другому и на тридцатый день пути достиг границ Китая.

Хан Хубилай хорошо принял купцов, которые еще в первый свой приезд богатыми подарками и своей сметливостью сумели расположить к себе хана. Трое венецианцев 17 лет пробыли на службе у китайского императора. Марко Поло быстро освоился в новой для него стране, научился говорить на чужих языках и благодаря природной смекалке и живому уму вскоре приобрел покровительство и доверие самого Хубилая. Хан давал ему важные поручения, требовавшие разъездов по обширной стране. Марко Поло оказался вполне достойным этого доверия, так как отличался выдающимися способностями. Китайские летописи династии Юань в записях, относящихся к 1277 г., сообщают, что Поло был назначен комиссаром тайного совета. Выполняя поручения императора, Марко Поло смог постепенно объехать почти все провинции Китая. В течение трех лет он был даже губернатором одной из южных областей. Таким образом, Марко Поло получил возможность глубоко ознакомиться с жизнью Китая. По всей вероятности, он не был связан никакими дипломатическими или религиозными поручениями светских и духовных властей Италии, а интересы торгового дома Поло побуждали его к возможно более широкому изучению экономики, путей сообщения и внутреннего рынка Китая.

Марко Поло восхищались мощные дороги, великолепные дворцы. Порой в нем чувствовался купец. Так, говоря о портовом городе Зайтун, он отмечает: «Приходят туда суда из Индии с разными дорогими камнями, с крупным и отличным жемчугом... И приходят сюда и вывозятся отсюда множество товаров и камней. Смотришь и удивляешься. Отсюда, из этого города и с этой пристани, они расходятся по всей области Манчи. На каждое судно с перцем, что приходит в Александрию или в другое место для христианских земель, в эту пристань Зайтун, скажу вам, прибывает сто. Это, знаете, один из самых больших в мире портов; товаров приходит сюда всего больше».

Но любознательность Марко Поло простиралась гораздо дальше. Его интересовали не только вопросы, связанные с торговлей, но и география Китая, его природные богатства, государственное устройство, быт китайцев. Он столкнулся здесь с невиданной для Европы системой бумажных денег, увидел, как отапливают очаги «черным камнем» (то есть каменным углем), дававшим пламя более сильное, чем дрова: «По всей стране Катай есть черные камни; выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, нежели от дров. Если вечером, скажу вам, развести хорошенько огонь, он продержится всю ночь, до утра. Жгут эти камни, знаете, по всей стране Катай. Дров у них много, но жгут они камни, потому что и дешевле, да и деревья сберегаются». Подобные рассказы вызывали у просвещенных европейцев – современников Марко Поло – лишь снисходительную улыбку...

Марко Поло рассказывал и о диких животных. На юге Китая, по его словам, водятся «большие ужи и превеликие змеи. Всякий, глядя на них, дивится, и препротивно на них смотреть. Вот они какие, толстые да жирные; иной, поистине, в длину десять шагов, а в обхват десять пядей; то самые большие. Спереди, у головы, у них две ноги, лапы нет, а есть только когти, как у сокола или как у льва. Голова превеликая, а глаза побольше булки. Пасть такая большая, сразу человека может проглотить. Зубы у него большие, и так они велики да крепки, нет ни человека, ни зверя, чтобы их не боялся».

Что это за странный зверь? Фантастический дракон? Речь идет, по-видимому, о крокодиле. Некоторые преувеличения и художественные образы – не в счет. Хотя создается впечатление, что все-таки не обошлось без влияния на воображение Марко Поло изображений китайских драконов. А вот описание грифа, заставляющее вспомнить сказки «Тысячи и одной ночи»: «Те, кто его видел, рассказывают, что он совсем как орел, но только, говорят, чрезвычайно большой... Схватит слона и высоко-высоко унесет его вверх на воздух, а потом бросит его на землю, и слон разобьется; гриф тут клюет его, жрет и упитывается им». Судя по всему, сам Марко Поло грифа не видел, а источник, из которого он черпал свои сведения, видимо, был довольно сомнительным...

В 1295 г. Марко Поло, его отец и дядя возвратились в Венецию, но не сухим путем, как отправлялись в Китай, а морем, обогнув Юго-Восточную Азию. Венецианцы миновали острова пряностей, побывали на острове Суматра, который, как отметил Марко, «простирается так далеко на юг, что Полярная звезда совсем невидима, ни мало, ни много». И тут он не солгал, ибо побывал у самого экватора.

Пройдя через полмира, братья Поло и Марко вернулись в Венецию. Рассказывают, что когда три путника в странных и татарских одеждах, обветренные и загорелые, подошли к родовому дому Поло, их поначалу отказались принять. Давно уже прошел слух, что они погибли на чужбине...

Во время этого путешествия не было открыто ни одной неизвестной страны. Был пройден только тот путь, которым десятки раз уже пользовались как безымянные, так и известные по имени купцы и послы. Если это путешествие, затянувшееся более чем на 24 года, все же было поистине выдающимся событием, то этому способствовала замечательная книга Марко Поло. Эта книга своим великолепным описанием различных стран и народов открыла людям того времени широкие географические горизонты, показав им дотоле закрытый для них мир.

...Вернувшись после многолетнего отсутствия на родину, Марко Поло, по причинам, до сих пор окончательно не выясненным, был в Генуе заключен в тюрьму. Предполагают, что он участвовал на стороне Венеции в одном из морских сражений с генуэзцами и был захвачен ими в плен. Его товарищем по заключению был некий Рустичиано, который и записал рассказы Марко Поло о его путешествии в Китай, о приключениях, пережитых им, обо всем, что он видел в Китае и других азиатских странах. Рассказ этот занял целую книгу, впоследствии ставшую знаменитой.

«Государи, императоры, короли, герцоги и маркизы, графы и граждане, и все, кому желательно узнать о разных народах, о разнообразии стран света, возьмите эту книгу и заставьте почитать ее себе: вы найдете тут необычайные всякие диковины...» Так начиналась эта книга, занявшая исключительное место среди других произведений средневековых путешественников. Благодаря «диковинам» и интересным приключениям, о которых так много и так живо рассказывается в сочинении Марко Поло, его «Книга» имела колоссальный успех у средневековых читателей. Ее не раз переиздавали и переводили на многие языки. Но долгая жизнь «Книги» Марко Поло и ее значение для науки объясняются не диковинами и приключениями, о которых в ней рассказывается, а тем, что она намного расширила представления европейцев о Китае и о тех странах Азии, где Марко Поло удалось побывать.

Современники с недоверием отнеслись к восторженным рассказам Марко Поло о необычайных богатствах Китая, о пышности и роскоши императорского двора. Существование людей с песьими головами не вызывало у них сомнений, зато описание богатств Хубилая казалось им выдумкой и вздором. За эти рассказы о миллионных доходах китайского императора соотечественники дали Марко Поло насмешливое прозвище – «Марко-миллионе». Даже когда путешественник уже лежал на смертном ложе, его осаждали друзья, настаивавшие, чтобы он для облегчения совести отрекся от многих «обманов», содержащихся в его книге. Над Марко Поло продолжали издеваться и после его смерти. На венецианских карнавалах неизменно присутствовала маска, изображавшая Марко Поло и забавлявшая толпу рассказами о «небылицах». Что ж, как сказал один умный человек, «чем чище твоя правда, тем больше будут подозревать тебя во лжи; но чем искуснее ты лжешь, тем больше верит тебе весь мир»...

Сегодня Марко Поло называют «Колумбом Востока». После него в Китае побывали и другие европейцы, купцы и миссионеры. Одни из них оставили после себя письма о своем путешествии без описания стран и народов, виденных ими, другие интересовались только торговыми сделками или же миссионерской деятельностью. Но лишь Марко Поло создал книгу, которая до сих пор интересна для читателей и в то же время представляет собой важный труд по истории Китая.

Ибн Баттута: по заветам Корана и зову сердца

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного...» – мертвую тишину Сахары пронизывает певучий голос имама. Вдоль прочерченной на песке линии стоят неровным строем мужчины и юноши, обратившиеся лицом в сторону Мекки. «Направь нас по верной дороге, которой идут благословенные тобой... и не дай сбиться с пути», – заканчивает имам молитву словами из Корана. Люди опускаются на колени, кланяются, вдавливая лбы в песок. В утренней прохладе караван вытягивается в цепочку. Верблюды, связанные в линию, ждут сигнала к движению. Вот предводитель держит за недоуздок главного верблюда, и караван длиной в полмили, раскачиваясь, будто с неохотой, выступает в путь...

Ибн Батутта

Особые чувства охватывают сегодняшнего человека, идущего с караваном верблюдов к пустынному горизонту, соединяющему пески и небо. Здесь все осталось так, как во времена странствий великого путешественника Ибн Баттута. За 29 лет своих скитаний Баттута – пилигрим, дипломат, придворный, юрист – пересек два континента, прошел 75 тысяч миль (втрое больше, чем Марко Поло!) по территории 44 современных стран. Его дневники, проникнутые духом своего времени, повествуют о трудностях пути, обычаях далеких стран и опасных приключениях. А началось все еще в Марокко, когда ему было всего лишь 21 год...

«Я вышел из Танжера, где родился, 13 июня 1325 г. с намерением совершить паломничество в Мекку. Я отправился в одиночестве, без товарища, дружба которого развлекала бы

меня в пути, без каравана, которому мог был присоединиться, меня побуждала решимость, и сильное стремление души, и страстное желание увидеть благородные святыни. Я твердо решил расстаться с друзьями – мужчинами и женщинами, покинуть родину, как птица покидает свое гнездо. Родители мои были тогда еще в узлах жизни, и я, так же как и они, перенес много скорби, покинув их...» Так начинаются записки Ибн Баттуты «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий».

Его отец, известный человек в Танжере, шейх и судья, дал сыну прекрасное по тем временам образование. Ибн Баттута знал наизусть Коран, в совершенстве овладел искусством каллиграфии, провел годы учебы в медресе, где преподавалась грамматика, риторика, стихосложение, логика и право, принимал участие в богословских диспутах, ночами просиживал над рукописями мудрейших мужей. Отец видел его уже облаченным в черное платье кади – судьи. Но судьба распорядилась иначе.

В своих записках Ибн Баттута признается, что какое-то сверхъестественное чувство звало его в дорогу. Учеба уже подходила к концу, когда он решил отправиться в 3000-мильный путь в Мекку через Северную Африку. Пройдя с караванами за десять месяцев Алжир, Тунис и Ливию, он достиг Александрии. На пути к Тунису Ибн Баттуту свалил приступ лихорадки. К счастью, о нем заботились попутчики. Уже по прибытии в Тунис, он постепенно оправился от болезни. Своими познаниями молодой марроканец привлек к себе внимание известных богословов. Диспуты с ними затягивались до утра, а при расставании они раскланивались с ним, как с шейхом.

Куда бы ни попадал Ибн Баттута, он везде искал образованных и набожных мусульман, которые одаривали его гостеприимством. Он же в свою очередь рассказывал им о заморских странах, делился знаниями, почерпнутыми из Корана. В деревне Фуна, расположенной в Нильской долине, путешественник остановился в доме известного аскета и мистика, суфийского шейха Абу Абдаллы аль-Муршиди. И вот однажды, отдыхая ночью на кожаном мате на крыше скромной хижины, он увидел свое будущее. «Мне снилось, что я лечу на крыльях огромной птицы, – пишет Ибн Баттута, – которая несет меня к Мекке, потом поворачивает к Йемену, наконец направляется на восток и доставляет в сказочную зеленую страну».

На следующий день Ибн Баттута был поражен тем, что хозяин... сам рассказал ему о его сне! Шейх объяснил ему, что приснившееся означает путешествие на Восток, и снабдил его в дорогу едой и деньгами. Все это Ибн Баттута расценил как чудо: до этой встречи он и не помышлял о странствиях в далекие земли.

Путь от Александрии до Каира показался Ибн Баттуте нескончаемым рынком – люди жили вдоль оросительных каналов тесно и скученно. Каир был сказочно богат. «Кто не видел Каира, тот не видел мира», – говорили в те времена. Ибн Баттута пишет о толпах народа, «двигающихся по узким улочкам Каира, как морские волны», о «12 тысячах разносчиков воды», «30 тысячах грузчиков», «36 тысячах лодок, бороздящих воды Нила», а также «бесплатной больнице, распределяющей лекарства, с каждодневными пожертвованиями в тысячу динаров».

На такой же фелуке, какие сейчас под треугольными парусами перевозят глиняные горшки и известняк вдоль нильских берегов, Ибн Баттута отправился в Верхний Египет, пересек пустыню и вышел к Красному морю. Но пересечь его и попасть в Мекку не удалось: началось восстание. Разочарованный, он вернулся в Каир. Вспомнилась арабская пословица: «Если нет того, чего желаешь, желай то, что есть». Пришлось присоединиться к каравану паломников, идущему в Дамаск. Баттута пересек Синай и вошел в Палестину, в лежащую у моря Газу. «Это обширное и заселенное людьми место, с прекрасными площадями и многими мечетями. Причем никакие стены не защищают оазис», – пишет путешественник об этом городе.

Описание Палестины в записках Ибн Баттуты выглядит как настоящий путеводитель для паломников: «Я посетил Вифлеем, где родился Иисус. В Хеброне осмотрел могилы Авраама, Исаака и Иакова, святых пророков для мусульман, христиан и иудеев». В Иерусалиме он опи-

сывает Оливковую гору и церковь, где, по преданию, похоронена Святая Дева. Помолится Ибн Баттута и в мечети Харам Аш-Шариф, а те времена крупнейшей в мире, построенной на развалинах храма Соломона. Позолоченный купол мечети, ныне ставший символом Иерусалима, покорила путешественника, записавшего, что он «будто сам излучает свет и отбрасывает вспышки молний».

Далее его маршрут пролегал через Акру и Тир. О Бейруте он пишет как о «небольшом городке с изобильными базарами. Из Триполи Баттута повернул на восток и пошел в Хаму, один из прекраснейших городов Сирии, «окруженный садами и огородами, которые орошались с помощью водяных колес». Эти древние водоподъемные устройства работают до сих пор, со скрипом поднимая воду на 25 м от реки Оронт... Полюбовавшись здешним пейзажем, Ибн Баттута соглашается со своими предшественниками, которые сравнивали эти места с женщиной, «сияющей, как невеста». Затем он проследовал через Латакию и Ливанские горы, чтобы присоединиться в Дамаске к каравану, идущему в Мекку.

За 55 дней караван миновал Аравийскую пустыню, лишь на несколько дней остановившись передохнуть у полуразрушенного замка крестоносцев Аль-Карак («Вороний замок»). Жажда и банды разбойников были главными опасностями на этом пути. Из-за нехватки воды паломников не могли сопровождать вооруженные наездники, обычно охранявшие караваны. Баттута полагался только на милость Божию: «Если Бог решит отнять у меня жизнь, то я умру на пути в Мекку и с лицом, обращенным к ней». До сих пор остатки караван-сараев и сухие резервуары для воды напоминают о том изнурительном и трудном маршруте паломников.

Пустыню Нефуд, по которой проходил Ибн Баттута, арабы называют «Бахр била ма» – «безводное море». Песок пышет жаром, от вязкого воздуха трудно дышать, пересыхают нос, горло, рот. В таких местах, как писал Ибн Баттута, «теряет дорогу проводник и товарищ забывает о товарище». Одно спасение – вода. Можно только представить себе радость караванщиков, когда их в пути встречали водоносы, вышедшие от ближайшего оазиса...

Наконец Ибн Баттута добрался до священной Мекки. «Мы тотчас пришли к святыне Аллаха, – пишет он, – и нашим взорам открылась Кааба, окруженная людьми, пришедшими засвидетельствовать свое благоговение... Мы семь раз обошли вокруг него, поцеловали Священный камень, выпили воды из Священного колодца Земзем и только потом поселились в доме неподалеку от ворот Авраама».

В Священном городе Баттута встретил людей со всего мира и был заворожен их рассказами о диковинных странах. Вспомнив старинную арабскую поговорку «Кто отправляется в путешествие ради знаний, тому Бог облегчит путь в рай», он внезапно услышал властный зов дороги. Паломничество закончилось. Начинались странствия...

«По милости Аллаха, я осуществил свою цель в жизни, и эта цель – путешествия по земле, и в этом я достиг того, чего не удалось достигнуть никому, кроме меня», – писал Ибн Баттута на склоне лет. В этих словах – весь смысл его жизни. До него в странствия отправлялись лишь купцы и миссионеры. Баттута же поставил перед собой задачу познания мира. Во время путешествий ему пришлось играть роль то купца, то шейха, то дервиша. Но душой он всегда оставался путешественником, которого влекли дальние горизонты.

В Мекке Ибн Баттута присоединился к каравану, возвращавшемуся из хаджа в Багдад. На берегах Евфрата он встретил суфийских дервишей. В одной из их обителей ему довелось наблюдать странный обряд: к разложенному костру подтащили мешки, полные ядовитых змей, найденных в пойменных зарослях. Раздались громкие удары в барабаны, и факиры, мерно покачиваясь, стали входить в огонь. Одни валились на горящие угли, объятые пламенем, другие захватывали огненные струи ртом, отскакивали в безопасное место и с шумом их выдыхали. Пахло палеными волосами. Но вот, наконец, наступил кульминационный момент ритуального представления. Один из факиров достал из мешка извивающуюся змею, поднес ее голову ко

рту и под восторженные крики откусил ее. Обезглавленная змея полетела в огонь, а к мешку подошел следующий факир...

С караваном путешественник расстался на южных подходах к Ираку, в Неджефе, священном городе шиитов. Отсюда его путь лежал в Басру, Исфахан, Багдад – все эти города посетил Ибн Баттута, прежде чем вновь вернулся в Мекку. На этот раз он прожил там два года. Отсюда Баттута отправился в свое первое длительное морское путешествие – в Йемен и вдоль побережья Восточной Африки. Он дошел до самой Великой Килвы, расположенной на 600 миль южнее экватора (ныне это территория Танзании). Возвращаться пришлось вновь через Мекку, но теперь уже другим путем, через Персидский залив, побывав в Омане и на Бахрейне.

Рассказы индийских паломников, приходящих в Мекку, давно разжигали его воображение. Плохо перенося морские путешествия, Ибн Баттута решил отправиться в Индию по суше, через Анатолийское плоскогорье и степи Центральной Азии...

Свое путешествие по Анатолии Ибн Баттута подытожил арабской поговоркой того времени: «Благословенны рабы, но турки добрее». «Где бы мы ни останавливались на этой земле, в ночлежках или частных домах, наши соседи, мужчины и женщины (которые ходили без паранджи), приходили и спрашивали нас, не нуждаемся ли мы в чем-нибудь», – пишет он. Время не играло существенной роли для Ибн Баттуты, предпочитавшего неторопливые путешествия по суше рискованным морским плаваниям. 51 день прождал он корабль и попутный ветер в черноморской крепости Синоп. А потом, уже в море, пережил такой кошмар, что ему с попутчиками пришлось молиться о лучшей участи и вспоминать турецкую поговорку: «Чем прибыль на море, лучше безопасность на суше».

В Крыму он побывал в генуэзских городах-колониях. Находясь в небольшой мечети, окруженной церквями, Баттута вспоминает, как неуютно себя почувствовал: «Мы услышали звуки колоколов со всех сторон, и, никогда прежде их не слышавший, я был охвачен тревогой и попросил своего напарника подняться на минарет и прочитать Коран». Отправившись из Крыма через степные просторы, Ибн Баттута дошел до Золотой Орды. Передвигался путешественник на огромной четырехколесной арбе с войлочной кибиткой, которую тянули три верблюда. Это средство передвижения оказалось очень удобным: Баттута пишет, что каждый может устроиться на ней, как того пожелает; на ходу можно спать, есть, читать или писать.

В Беш-Даге (нынешнем Пятигорске) путешественник был поражен ставкой хана, представлявшей собой «обширный город на колесах... с мечетями и базарами в нем; дым кухонь поднимался в воздух (еду готовили прямо на ходу)». Золотоордынская знать в летнее время предпочитала отдыхать от жарких степей Приволжья у прохладных гор и целебных источников. «В этих пяти горах, – сообщает Ибн Баттута, – источники горячей воды, которой турки моются... Они утверждают, что всякий, кто вымылся в ней, исцеляется от болезней...»

Со многими непривычными обычаями столкнулся Ибн Баттута в Золотой Орде. Но он всегда имел терпение не спешить с выводами и не равнять все народы под привычный ему аршин. И помнил, что тот, кто быстро говорит, как правило, медленно думает.

Ибн Баттута познакомился с одной из жен хана Узбека – дочерью византийского императора Андроника III. Когда та изъявила желание совершить поездку домой, в Константинополь, он решил сопровождать ее, хотя это и вынуждало его сделать дополнительный крюк в 2500 миль. Здесь опять сыграла роль его природная любознательность и тяга, как бы мы сейчас сказали, к перемене мест. Это было не голое любопытство, а страсть к познанию. Попасть мусульманину в христианский Константинополь без особого приглашения было не так-то просто, и Ибн Баттута едва ли представился бы когда-нибудь лучший шанс побывать там.

Он получил аудиенцию императора Андроника и через еврея-переводчика рассказал ему о своей поездке в Вифлеем и Иерусалим. Довольный встречей, император пожаловал путешественнику царские одеяния и лошадь, а также организовал поездку по столице. Знаменитый

храм Св. Софии Ибн Баттута увидел только снаружи. Естественно, как мусульманин, он отказался войти внутрь.

После пяти недель пребывания в византийской столице Ибн Баттута возвратился в скотные морозом степи, в ставку Узбек-хана в Новом Сарае. Пересекая замерзшую Волгу, он колот лед, чтобы растопить его и совершить традиционное омовение перед молитвой. Суровая зима оказалась для него, марроканца, непростым испытанием. «Бывало, одевал по три шубы и по двое штанов, – вспоминает Баттута, – на ногах были валенки, а сверху еще и сапоги из стеганых полосок материи, поверх которых вдобавок надевались сапоги для верховой езды из медвежьей шкуры». «Упакованный» таким образом, он не мог сам, без посторонней помощи взобраться на лошадь. Впрочем, Ибн Баттута никогда не жалел, что в своем стремлении к Индии он пошел таким круглым путем – через Сирию, Анатолию и волжские степи и Центральную Азию. Открывая эти страны для себя, он открывал их и для всего мира.

На повозке за 40 дней Ибн Баттута добрался от Волги до богатого Хорезма. Еще 18 дней потребовалось ему, чтобы верхом на верблюде пересечь пустыни и попасть в сказочные Бухару и Самарканд. Бухара еще не оправилась тогда от опустошительных набегов татаро-монгольских орд. Ибн Баттута восхищается ее садами, но при этом замечает, что «мечети, медресе и базары все еще лежат в руинах».

Из Самарканда Баттута повернул на юг и двинулся к главной цели своего путешествия – Индии. Но, как обычно, он выбрал круглой путь – на этот раз через Мешхед, Нишапур и пустынные плато Северного Афганистана. В Кундузе он задержался на шесть недель, чтобы дать возможность лошадям и верблюдам отдохнуть на пастбищах перед снежными перевалами Гиндукуша и пустынями Синда, что лежали за этими горами.

Через Синд (Пакистан) Баттута путешествовал с комфортом – в компании с несколькими знатными персами, их семьями, рабами и двадцатью поварами. Но это не уберегло их от опасностей. «На открытом месте на нас напали гяуры – восемьдесят пеших и двое конных... но сражались мы стойко... убив одного из всадников и около двадцати пеших солдат... Одна стрела попала в меня, а другая – в мою лошадь, но великодушный Аллах хранил меня. Стрелы неверных не имеют силы. Мы повезли головы убитых до замка Абу Бакар... и вывесили их на стенах».

В Индии Ибн Баттуте довелось увидеть ритуал добровольного самосожжения овдовевших женщин. Их провожала торжественная процессия, а они, позвякивая серебряными побрякушками, смеялись и улыбались. «Вместе с ними мы проехали около трех миль и добрались до тенистого места, где было много воды и деревьев. Там были разбиты четыре палатки, в каждой из них – горка камней, а между палатками – бак с водой. Солнце не проникало сквозь густые кроны, и казалось, что мы находимся в аду. Подъехав к этому месту, женщины залезли в бак и там, под водой, сняли с себя одежды, которые тут же были розданы нищим. Из воды они вышли в грубых холщовых рубищах, подвязанных у талии. Неподалеку от бака в низине был разожжен костер. Чтобы пламя было выше, в него лили кориандровое масло. Вокруг стояли пятнадцать мужчин с вязанками хвороста и еще около десяти человек с сухими поленьями. В ожидании женщин у костра собрались трубачи и барабанщики. Несколько мужчин прикрывали огонь белым полотнищем, чтобы женщин не смущал его вид. Одна из них приблизилась к костру и резким движением вырвала полотнище из их рук. Затем она сложила руки за голову и бросилась в огонь. В тот же миг грохнули барабаны, запели трубы, и мужчины стали подбрасывать в костер вязанки хвороста. Поднялся страшный крик». Глядя на все это, Ибн Баттута чуть было не упал с коня. Спутники побрызгали его водой и привели в чувство.

В Дели Ибн Баттута удостоился аудиенции у султана Мухаммеда Ибн Туглака в его дворце Джеханпаннахе, в зале «тысячи колонн». Путешественник описывает капризного султана как человека набожного, щедрого, смелого, но непредсказуемого: «...Из всех встреченных мной людей этот монарх больше всего любит делать подарки и проливать кровь. У своих

ворот он никогда не оставляет без внимания бедняков и осыпает их дарами, но тут же может и казнить человека».

Ибн Баттута провел семь лет при дворе Ибн Туглака. Знакомство с местными суфиями чуть не стоило ему жизни. Встречи Ибн Баттуты с дервишами до того разгневали султана, что он приказал посадить путешественника под домашний арест. «Я был заперт в течение пяти дней и каждый день без конца повторял Коран от корки до корки», – рассказывает путешественник. Дервиша, которого он посещал, казнили, а Ибн Баттута был освобожден. В благодарность Аллаху он роздал все, что имел, поделившись с нищими даже своей одеждой торговца, и стал вести жизнь религиозного отшельника.

Но как переменчива судьба! Вскоре султан назначает его послом в Китай. Ибн Баттута отправился туда в 1341 г., во главе огромного каравана, нагруженного дорогим скарбом: золото, парча, мечи, жемчуг. Его сопровождала тысяча вооруженных всадников. Впрочем, они не сумели защитить караван от нападения разбойников. Ограбленный, лишившийся одежды и меча, Баттута едва не погиб в безлюдной местности, но был спасен султанскими воинами.

Оправившись от пережитого, он собрал свой отряд, разместил его на четырех парусниках-доу, вышел из Камбейского залива и поплыл вдоль Малабарского побережья в Каликут. Здесь он нанял три китайские джонки для плавания на восток. В день отплытия Ибн Баттута задержался на берегу, чтобы совершить пятничную молитву. Неожиданно разразилась буря. Шторм заставил весь флот войти в мелководную гавань, где неповоротливые джонки сели на мель и были разбиты в щепки. Сокровища, рабы, лошади – все пошло ко дну. Султанский посол остался на берегу один с десятью динарами в кармане...

Боясь гнева султана, Ибн Баттута решил не возвращаться в Дели, а в одиночестве продолжать путь в Китай. Вначале он отправился на Мальдивские острова. Хадижа, королева Мальдив, узнала о его учености и с помощью золота и чар девушек-рабынь сумела заставить Ибн Баттуту остаться здесь надолго. Путешественник, прошедший полмира, бросил якорь в этой райской стране. Он женился на дочери знатного вельможи, стал судьей в главном городе острова – Мале. Местные нравы его весьма удивляли: «Большинство женщин носят лишь набедренные повязки. В таком одеянии они прогуливаются по базарам. Как судья, я пытался приказывать женщинам ходить одетыми, но безрезультатно». Рыбу и пальмовые орехи Ибн Баттута считал главным источником «необычайной любвеобильности островитян». Он сам имел здесь «четыре жены, не считая любовниц и... проводил с каждой ночь по очереди».

Описание Ибн Баттутой Мальдивских островов можно отнести к лучшим образцам мировой географической литературы. Страницы, посвященные Мальдивам, стали первыми переведенными на европейские языки из всего написанного Ибн Баттутой. Но вот передышка закончилась – и впереди новые дороги...

На Цейлоне Ибн Баттута посетил Адамов пик – святыню многих религий. Здесь на вершине огромной горы сохранился отпечаток ноги первого человека Адама. Гостеприимный правитель острова снабдил Баттуту «паланкином, который несли рабы, и послал со мной четырех йогов, трех брахманов и еще пятнадцать человек, чтобы они несли провизию». Достигнув вершины, путешественник увидел «почитаемый отпечаток стопы нашего отца Адама, углубленный в камень на достаточную глубину, чтобы вызывать удивление... Когда мы поднялись наверх, то облака скрывали от нашего взора подножие горы».

После непродолжительной остановки на Цейлоне Ибн Баттута двинулся дальше. И тут на него опять свалились несчастья: одно судно, на котором он плыл, потерпело крушение, другое было ограблено пиратами. Наконец он бросил якорь в порту Самудра. От него и получил имя остров камфары, гвоздики и сандалового дерева – Суматра. Мусульманские купцы из Индии принесли сюда ислам лишь за полстолетия до Ибн Баттуты. Правитель Суматры, Малик Аль-Захир, оказался «смирненным человеком, который пешком отправлялся на молитву по пятницам. Он страстно отстаивал веру. И в округе подчинил себе всех неверных».

Ибн Баттута побывал и на Яве, в порту Тавалиси. Здесь он повстречал «принцессу амазонок», которая возглавляла армию девушек-рабынь, «сражавшихся, как мужчины». Добравшись в 1346 г. до Китая, первую остановку Ибн Баттута сделал в Цюаньчжоу, на берегу пролива, разделяющего Тайвань с материком. Это был конечный восточный пункт великого «Морского шелкового пути».

Китай поразил даже много повидавшего Ибн Баттуту. «Китай – одна из безопаснейших стран для путников, – писал он. – С большими деньгами человек может отправиться один в девятимесячное путешествие, ничего не опасаясь». Но, несмотря на все восторги, Китай задел его чувства правоверного мусульманина: «Китайцы – это гяуры, поклоняющиеся идолам и сжигающие своих мертвецов, как индусы. Они едят свинину и собак, продавая их на базарах». Здесь, как нигде, путешественник почувствовал, как далеко он от дома... Далее на восток лежал только Тихий океан. Он представлялся Баттуте бесконечным, а страна, куда он попал, – краем земли. Наступило время возвращаться домой.

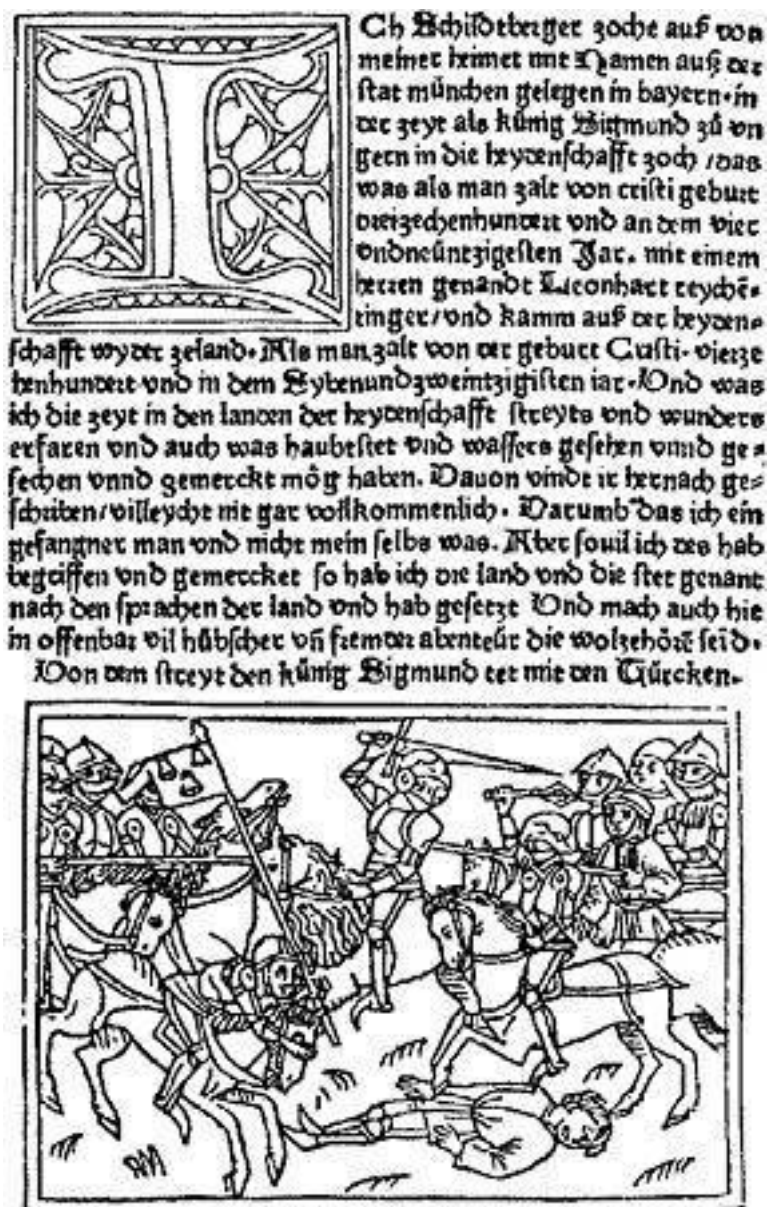
Три года добирался он до своей страны, которая, по его словам, «лучшая из всех, потому что в ней есть в изобилии фрукты, протекает много рек, а сытной пищи имеется в достатке». Слова эти явно продиктованы тоской по родине, не угасшей за долгие годы странствий. Уже в Марокко он узнал о смерти матери, случившейся всего лишь за несколько месяцев до его прибытия; отец умер еще 15 лет назад. «Когда приезжаешь из странствий, привези родным хотя бы камешек», – говорят арабы. Из дальних странствий Баттута приехал не с пустыми руками. Но главным его богатством стали записи, впечатления, познания, добытые в чужих краях.

Дома он был принят восторженно, как герой. «Среди тех, кто прибыл к высоким вратам Феса, был шейх, факир, путешественник надежный, проехавший земли, пронизавший климаты вдоль и вширь, Абу Абдуллах Мухаммед, известный как Ибн Баттута, славный в странах Востока как Шамс ад-дин («Солнце веры»), – пишет арабских хронист. – Он обошел землю, поучаясь, и прошел по городам, испытывая; он исследовал разделение народов и углублялся в деяния арабов и иноземцев. Затем он водрузил посох скитаний в этой высокой столице».

Но недолго пробыл Ибн Баттута в родных местах. Его неугомонная натура жаждала новых впечатлений – и вот он уже в Андалусии, с отрядом марокканских добровольцев, защищающих Гибралтар от испанцев. А еще через три года – изнурительный поход на верблюдах по Сахаре в «Землю негров» – 1800 км через пески. Наконец, Ибн Баттута осел в Фесе, работая над трудом о своих путешествиях. В последние годы прославленный путешественник служил судьей неподалеку от Феса и умер в 1369 г. в возрасте 64 лет. Где находится его могила – остается загадкой. Одно из предполагаемых мест его захоронения – Танжер, где сегодня установлено небольшое надгробие. Но достоверных сведений об этом нет. Вероятно, Ибн Баттута согласился бы со словами суфия, с которым познакомился в Турции: «Ищите наши могилы не на земле, а в сердцах людей».

Скитания Иоганна Шильтбергера

«В то самое время, когда король венгерский Зигмунд готовился к походу против язычников, я, Ганс Шильтбергер, покинул родину, а именно баварский город Мюнхен, вместе с моим господином Линхартом Рейхартингером. Это было в 1394 г. Возвратился же я из язычества в 1427 г. по Р. Х... Описание мое далеко не совершенное, потому что, будучи в неволе, я не мог делать всего того, что желал...»

Первая страница из записок Иоганна Шильтбергера

Баварец Иоганн Шильтбергер, уроженец Фрейзинга, был человеком неученым и бесхитростным. Проведя более 30 лет в далеких странах, обойдя полмира, он, вернувшись на родину, оставил своим потомкам свои записки – такие же бесхитростные, как и он сам, написанные простым лаконичным языком. Возможно, другой человек не постеснялся бы расцветить свое сочинение захватывающими подробностями, но язык Шильтбергера, похоже, был такой же негнувшийся, как и пальцы, задубевшие от рукояти меча, черенка лопаты, грубой

кожаной сбруи – от всего того, что приходилось ему держать во время своего долгих скитаний по Востоку...

Ганс Шильтбергер происходил из мелкого рыцарского рода. Он родился около 1380 г. и свою страдную воинскую жизнь начал еще подростком. В 1394 г., отправляясь на войну с турками, его сеньор Линхарт Рейхартингер взял 14-летнего Шильтбергера с собой в качестве оруженосца. Армию европейских рыцарей возглавил венгерский король Сигизмунд, который рассчитывал раз и навсегда покончить с турецкой угрозой. Увы, его намерениям не удалось осуществиться: 28 сентября 1396 г., в кровавой битве у Никополя (в современной Болгарии), турецкий султан Баязид наголову разгромил крестоносцев Сигизмунда. На поле боя остался лежать цвет европейского рыцарства. Погиб и Линхарт Рейхартингер. Его 14-летний оруженосец попал в плен. «Тот, кто пленил меня, привел и меня вместе с другими, связанными веревкою, к королю». Султан распорядился умертвить всех, взятых в плен: «Король приказал, чтобы каждый умертвил своих пленных, и вместо тех, которые не хотели с этим согласиться, назначил других для приведения его приговора в исполнение. Взяли тогда и моих товарищей и отсекали им головы». 10 тысяч человек было обезглавлено. Однако юный Шильтбергер чудом уцелел в этой резне.

«Когда же дошла очередь до меня, сын короля, заметив меня, приказал, чтобы меня не лишали жизни. Меня тогда повели к другим юношам, ибо не убивали тех, которые не имели еще 20 лет от роду, а мне не исполнилось и 16 лет». Султан Баязид распорядился отправить уцелевших пленников – около 300 человек – в Адрианополь, где они провели 15 дней. Затем их повели в Галлиполи. Здесь пленники провели еще два месяца, заточенные в башне, вповалку лежа на каменном полу. Наконец, у Баязида дошли руки и до них. Отобрав 60 юношей, он отправил их в подарок правителю Египта. Шильтбергер в их число не вошел: в битве он получил три раны, был слаб, и турки опасались, что подросток умрет в дороге. Баязид оставил его при своем дворе. Выздоровев, Шильтбергер служил у него скороходом, потом фореитором: «я должен был бежать перед ним в его походах вместе с другими, по тамошнему обычаю. За эти шесть лет я до того дослужился, что мне позволили ездить верхом в свите короля, у которого я, таким образом, провел 12 лет»

Султан Баязид мечтал овладеть Константинополем. Византийцы, с трудом сдерживавшие натиск турок, призвали на помощь «Железного Хромца» Тимура. Он выступил в поход с 800-тысячным войском и в битве при Ангоре (20 июля 1402 г.) разбил турок наголову. Как переменчиво военное счастье! Теперь уже султан Баязид попадает в плен. А вместе с ним – и его раб Ганс Шильтбергер. «Так я попал в плен к Тамерлану, которого проводил в его страну, где и состоял при нем...»

Пройдя тысячи верст, баварец оказался в столице Тимура – Самарканде. Отсюда Шильтбергер сопровождал своего господина в походе в Палестину. Он пережил Тимура и после его смерти достался сыну «Железного Хромца» Шахруху, и отправился в Герат. Отсюда Шильтбергера забрал внук Тимура – Абубекр, владевший Персией и Арменией. При его дворе жил беглый ордынский царевич Чекре, «королевский сын из Великой Татарии». Спустя четыре года всемогущий золотоордынский временщик Едигей позвал Чекре к себе и предложил занять освободившийся трон в Сарае. «С согласия Абубекра он отправился туда в сопровождении 600 всадников, в числе коих находился и я с четырьмя товарищами...»

Идя с отрядом Чекре, Шильтбергер прошел через Железные ворота и достиг Астрахани, разрушенной Тамерланом. В Сарае, столице Золотой Орды, тоже были видны повсюду следы разрушения, причиненного полчищами Тимура. Из Сарая дорога Чекре и Шильтбергера лежала на Яик, а затем через казахские степи в Ургенч. Едигеев улус в те годы находился в десяти днях езды от Хорезма.

Отряд Чекре нашел Едигея где-то «в полях». В это время он готовился «к походу в страну, именуемую Виссибур [Сибирь]». Чекре со своим отрядом присоединился к нему. Так Шильтбергер оказался сперва на Урале, а затем в Сибири...

«...Шли два месяца до прибытия в эту страну, где есть горы, простирающиеся на 32 дня ходьбы... В этой стране сеют только просо, а хлеба вовсе не едят». В своих записках Шильтбергер рассказывает, что в стране Сибирь есть «гора Арбус», протянулась она на тридцать два дня пути. За горой простирается пустыня. Она доходит до края света. Пустыня страшна зверями и гадами, и человек не может жить в ней. Ее еще никто не отважился пройти. В стране Сибирь есть большие, ростом с ослов, собаки. Их зимой запрягают в сани, а летом – в повозки. На горе Арбус обитают дикие волосатые люди, питающиеся листьями и травой. Владелец страны Сибирь подарил Едигею двух человек из волосатого племени – мужчину и женщину, пойманных на горе Арбус, а также двух диких коней. Лошади эти водились тоже на горе Арбус...

«Гора Арбус» – это, по-видимому, горный хребет Арбус-ула. Он простирается между Ордосом, окаймленным северной лукой Желтой реки, и пустыней Алашань. По поверью степных племен, вершина Арбус-ула служила вместо наковальни сказочному кузнецу, состоявшему при Чингисхане. За хребтом Арбус-ула действительно лежит безжизненная пустыня.

«По покорении Сибири Едигей и Чекре вступили в Булгарию (Волжскую. – *Примеч. авт.*), которая ими также была завоевана», – пишет далее Шильтбергер. Когда же Чекре погиб в борьбе с одним из сыновей Тохтамыша, баварец попал в руки Маншука, недавнего советника Чекре. Изгнанный с Волги Маншук пытался пробраться в Крым, где к тому времени старый Едигей успел основать отдельное ханство. Вместе с Маншуком Шильтбергер добрался до Кафы (ныне Феодосия). Но спустя всего пять месяцев ему вновь приходится отправляться в дальний путь: опасаясь бушевавших в Крыму междоусобиц, хозяин Шильтбергера бежит через Керченский пролив на Восток, в страну черкесов. Отсюда вдоль черноморского побережья, через «страну Абаса» (Абхазию) они добираются в Мингрелию. Здесь Шильтбергер и четверо его спутников-христиан решаются бежать...

«Пятеро из нас, христиан, сговорились во что бы то ни стало возвратиться из земли язычников каждому на свою родину, так как мы отделены были от Черного моря только трехдневным расстоянием. Когда настал удобный случай для осуществления нашего плана, мы все пятеро расстались с названным господином и прибыли в столицу сего края, по прозванию Батум, лежащую на Черном море. Тщетно просили мы там, чтобы нас перевезли оттуда на другую сторону, и потому вышли из города и следовали вдоль морского берега, пока не достигли гористого края, где на четвертый день верховой езды с одной горы заметили судно, стоявшее на якоре в восьми итальянских милях от берега. Мы остались до ночи на этой горе и развели там огонь. Это побудило капитана судна отправить людей на лодке, чтобы разведать, что за люди находились на горе возле огня. При их приближении мы пошли им навстречу и на их вопрос, кто мы такие, ответили, что были христианами, взятыми в плен в сражении под Никоподем, проигранном венгерским королем, что мы с Божьей помощью добрались до сего места и хотим пробраться далее через море, в надежде, что Бог поможет нам возвратиться домой к христианам. Они сначала не верили нашим словам и захотели услышать от нас “Отче наш” и “Верую”...»

Спустя несколько дней они уже в Константинополе, где беглецов удостоивает аудиенции сам византийский император, немало дивясь их рассказам. Через три месяца Шильтбергер и его товарищи морем отправляются в Валахию. «Император отправил нас в замок, именуемый Гили [Килия], близ устья Дуная. Там я расстался с товарищами и присоединился к купцам, с которым и прибыл в город, именовавшийся по-немецки Вейсшадт [Белгород] и лежавший в Валахии, затем – в город, по имени Аспазери и оттуда в Седшопф [Сучава] – главный город Малой Валахии, а потом в другой город, называемый по-немецки Лемберг [Львов]. Там я лежал больной три месяца и затем прибыл в Краков, главный город в Польше, а оттуда в Бреслау

[Вроцлав] – главный город Силезии. Наконец, через Эгер, Регенсбург и Ландсхут прибыл в Фрейзинг, где был уже у себя дома. Так я с Божьей помощью возвратился домой, в общество христиан, за что благодарю Бога и всех, кто мне помог. Проведя 32 года среди язычников, я уже не смел надеяться, что мне удастся когда-либо возвратиться к христианам. Но Бог внял, сколь искренно было мое желание возвратиться, дабы иметь счастье молиться Ему с христианами, пекся обо мне, чтобы тело и душа моя не пропали».

Скитания Шильтбергера воистину удивительны! Человек, видевший Тимура, живший в кочевьях Едигея, он познал мир от Сирии до Желтой реки, от Герата до Кукунора, от Египта до Сибири. Скитания Шильтбергера длились 32 года. Такие приключения могли выпасть на долю тысяч людей, но большинство из них погибло в чужих землях. А те немногие, кому было суждено вернуться на родину, не могли или не хотели написать о своих приключениях. Но Шильтбергер, хотя и был прежде всего солдатом, оставил воспоминания о своей наполненной приключениями жизни. От этой книги, не обремененной ученостью, веет свежим дыханием лично пережитых автором приключений.

О дальнейшей судьбе Шильтбергера до нас дошли очень скудные сведения. Кажется, он служил при дворе баварского герцога Альбрехта III Благочестивого (1438–1460), достиг довольно преклонного возраста и умер в Фобурге. Имя этого странника сохранилось только благодаря его книге и в XV в. приобрело широкую известность.

Жильбер де Ланнуа: полвека в дороге

Странствия по далеким землям, длившиеся целыми десятилетиями – иногда добровольные, иногда вынужденные, – в XIV–XV вв. не были чем-то из ряда вон выходящим. Беспокойный дух дальних путешествий – порождение эпохи крестовых походов, будоражил и заставлял отправляться за горизонт многих отважных искателей приключений. Не счесть, сколько из них сложило свои головы в дальних странах, но некоторым благополучно удавалось избежать всех опасностей. Одним из самых замечательных представителей этого племени был фламандец Жильбер де Ланнуа. Целых полвека скитался он по чужим странам...

Тракайский замок удостоился похвалы рыцаря Жильбера де Ланнуа

Рыцарь Жильбер де Ланнуа (1386 – ок. 1450), родился во Фландрии, где на реке Слёйсе стоял его родовой замок. Выходец из знатного дворянского рода, один из первых кавалеров ордена Золотого Руна, неутомимый путешественник, дипломат и искатель приключений, обураваемый, по его собственному признанию, желанием «изведать мир», он объездил, кажется, всю Европу и Ближний Восток. Его путевые записки несколько раз переиздавались в разных странах в XIX–XX вв.

Фландрия, родина де Ланнуа, в те времена принадлежала бургундским герцогам, и именно при их дворе юный рыцарь в возрасте 13 лет начал свою службу. Девиз «Для спасения души», начертанный в его гербе, не раз побуждал его отправляться в дальние паломнические поездки: в 1403–1404, 1422 и 1446 гг. – в Святую Землю, в 1416 и 1430 гг. – в Ирландию к св. Патрику, дважды в Сантьяго-де-Компостела, в 1450 г. – в Рим. В 1407–1410 гг. Жильбер де Ланнуа воевал вместе с испанскими христианами против мусульман Гранады. Своим мечом он служил графу Эно при подавлении мятежа жителей Льежа.

В 1413 г. де Ланнуа отправился в поисках новых подвигов в далекий путь к берегам Балтики. Добравшись до Мариенбурга, резиденции великого магистра Тевтонского ордена, он предложил свою помощь немецким рыцарям. Однако орден был связан по рукам и ногам мирным договором с поляками, боевые действия сводилась лишь к мелким стычкам на пограничье, и, убедившись, что большой войны не предвидится, разочарованный де Ланнуа отправился дальше – в Ригу. Здесь его воинственный пыл тоже был охлажден: «В Риге я нашел магистра Ливонского, государя Курляндии..., но не обнаружил там сборов в поход». В качестве утешения ливонские рыцари предложили де Ланнуа ограничиться ознакомительным (и, к слову сказать, весьма небезопасным в то время) путешествием в Новгород и Псков.

Зимой 1413 г. де Ланнуа двинулся в дорогу – от одного города к другому, минуя многочисленные замки, усадьбы и командорства. За Нарвой он вступил в пределы Новгородской земли. Путешествуя на санях «по причине великого снега и холода», рыцарь добрался до Новгорода.

«Новгород Великий – на диво большой город, расположенный на громадной равнине в окружении огромных лесов, в низине, среди вод и болот; и по середине этого города течет очень большая река, называемая Волхов. Город обнесен плохими стенами из плетня и земли, тогда как башни из камня. Это – вольный город, он имеет общинное управление. Есть здесь епископ, который является как бы их владыкой. И держатся они, а равно все другие русские на Руси, которая весьма велика, христианского закона по их вере, такой же, как у греков... В этом городе проживает много великих господ, именуемых ими боярами. И русские Великой Руси не имеют других господ, кроме этих, [выбираемых] в свой черед по воле общины. Деньги их представляют собой слитки серебра около шести унций весом, не имеющие клейма, ибо они вовсе не чеканят золотой монеты. В качестве мелкой монеты они используют головы белок и куниц. В их городе есть рынок, где они продают и покупают своих женщин, поступая по их закону... И обменивают своих женщин одну на другую за слиток или два серебра, как договарятся...»

Неясно, в каком качестве Ланнуа гостил в Новгороде, но встретили его с большим почетом: городские власти задали в его честь пир, «самый необычный и самый удивительный из когда-либо виденных» им, припасы ему доставлялись с епископского двора – так принимали только послов.

Проведя в Новгороде девять дней, рыцарь отправился в Псков. Стояли сильные морозы, от которых трескались деревья. «Если ночью случалось спать в безлюдном месте, то утром мы находили бороду, брови и веки заиндевелыми от человеческого дыхания и все в льдинках, так что, проснувшись, с трудом удавалось открыть свои глаза», – пишет де Ланнуа. Серебряные чаши, которыми он набирал воду из озера, примерзали к пальцам. За бескрайними лесами лежал Псков, окруженный каменными стенами и башнями. «И в то время, когда я там находился, их король находился в ссылке и изгнании в Новгороде Великом, где я его и видел. И русские этого города носят длинные волосы, ниспадающие на плечи, а женщины круглый венец за головой, как у святых».

Из Пскова путь Ланнуа лежал по льду реки Великой и Чудского озера. «Я ехал по этому озеру, не встретив ни селения, ни жилища, четыре дня и четыре ночи и прибыл в Ливонию, в один очень красивый городок, именуемый Дерпт, который находится в двадцати четырех милях от Пскова». Морозы свирепствовали по-прежнему. Проехали через занесенный снегом, замерзший Динабург. Отсюда дорога вела на Вильно, где располагался двор великого князя Литовского Витовта.

Город показался де Ланнуа длинным и узким, как бы сползающим с песчаной горы, на которой высился княжеский замок. Здесь его гостеприимно встретили сестры великой княгини Анны (дочери смоленского князя Святослава Ивановича). В Вильно де Ланнуа впервые уви-

дел татар: плененные Витовтом в далеких степях, они были поселены в окрестностях Вильно, занимались земледелием, жили в особых селах и совершали свои «сарацинские обряды».

Де Ланнуа встречал множество татар и в Троках – бывшей столице Литвы. Население этого города было разноплеменным: литовцы, немцы, татары, белорусы, евреи. Похвалы де Ланнуа удостоился Трокский замок, построенный «на французский манер». И очень понравился рыцарю княжеский зверинец, где он видел наряду с северными зверями диких лошадей, пойманных в азиатских степях.

Де Ланнуа искал великого князя Витовта, к которому имел рекомендательные письма. Однако князь уехал в свой охотничий замок Меречь, и рыцарю ничего не оставалось делать, как последовать за ним. В замке над Неманом де Ланнуа познакомился не только с Витовтом и княгиней Анной, но и с великой княгиней Софьей Витовтовной, супругой московского князя Василия I, которая в эти дни гостила у своего отца в Литве. Дни, проведенные у гостеприимных литовцев, вероятно, не раз вспоминались де Ланнуа, когда его конь осенью 1415 г. месил грязь на разбитой дороге на Кале...

Вернувшись из далекой «Сарматии», рыцарь сразу попал в пекло войны. 50-тысячная французская армия во главе с герцогом Алансонским преследовала 15-тысячное войско английского короля Генриха V, отступавшее к портовому городу Кале. 25 октября 1415 г. у селения Азенкур французы преградили дорогу англичанам. Исход боя, казалось, был предрешен: на каждого англичанина приходилось трое французов! Однако французские рыцари увязли в размытой дождями пашне и превратились в беспомощные мишени для английских лучников...

Поражение было сокрушительным. Попал в плен герцог Алансонский, попал в плен и де Ланнуа. Ему лишь чудом удалось избежать кровавой расправы: узкие улочки села Мезонсель были залиты кровью нескольких тысяч французских пленных, перебитых британцами. Пленного рыцаря ждала дальняя дорога в Корнуолл...

Спустя год его выкупили из плена – за 1200 золотых дукатов и боевого коня. В благодарность за избавление де Ланнуа поспешил отправиться в Ирландию, на поклонение мощам святого Патрика, после чего вернулся домой. Бургундский герцог Филипп Добрый назначил его наместником пограничной области Эклюз и камергером двора. А в 1421 г. вечный странник вновь собрался в далекий путь. Ему предстояло на этот раз объехать без малого полмира – Пруссию, Литву, Польшу, Молдавию, Крым, Константинополь, Египет, Сирию, Палестину – оповещая всех о мирном договоре между Францией и Англией. Кроме того, де Ланнуа поручалось выяснить перспективы нового крестового похода против турок-османов и восстановления христианского Иерусалимского королевства. На то, чтобы выполнить поручение, рыцарю потребовалось два года.

Из Пруссии де Ланнуа направился к королю Польши, которого нашел «в глубине польских пустынь, в бедном местечке, именуемом Озимины» (на западе Украины, между Самбором и Дорогобужем). «Он водил меня с собой на охоту, когда брали медведей живьем, и задал в мою честь два богатейших пира». Король вручил де Ланнуа письма, адресованные турецкому султану – «они должны были служить охранным свидетельством в стране турок». Из Стамбула приходили тревожные вести: султан Мехмед I умер, его сыновья Амурат и Хелеби Мустафа, а также его младший брат Мустафа начали грызню из-за престола, вся Турция охвачена войной и ехать по ней сухим путем нельзя...

Король отправил де Ланнуа во Львов (Лемберг), где его гостеприимно встретили горожане. Из Львова рыцарь ездил за пятьдесят миль в Кременец, названный у него «Каменцом на Волини», где в это время находился со своим двором великий князь литовский Витовт. Он радостно приветствовал старого знакомого. Де Ланнуа видел при его дворе «сарацинского князя Татарии», вероятнее всего – царевича Бетсабула, и присутствовал при приеме послов из Новгорода и Пскова, привезших литовскому князю богатые дары. И – снова в путь...

Витовт отрядил с де Ланнуа конвой из русинов, волохов и татар. Дорога лежала через приветливое Подолье. Каменец-Подольская твердыня произвела на рыцаря неизгладимое впечатление. Переправившись через Днестр, де Ланнуа вошел в пределы Молдавского княжества, и спустя несколько дней уже был в гостях у господаря Александра Доброго. Молдавский князь подтвердил сведения о смерти турецкого султана и о большой войне, которая шла по всей стране. О пути по суше нечего было и думать! Оставалось одно средство: попытаться обогнуть Великое (Черное) море...

Жители города Монкастро (Аккерман, ныне Белгород-Днестровский), мирно спали, когда путешественник поздней ночью подъезжал к его стенам. У самых ворот на де Ланнуа напали разбойники. Они сорвали с рыцаря доспехи, камзол, пояс и скрылись в ночной темноте. До рассвета посол оставался привязанным к дереву, пока его не освободила городская стража. Утром де Ланнуа уже осматривал город, стоявший на высоком берегу Овидиева озера. Зеркало Днестровского лимана разрезали галуэзские галеры. Дома из белого известняка окружал высокий земляной вал – крепости в Белгороде тогда еще не было, ее начали строить лишь спустя пятнадцать лет после приезда бургундского рыцаря.

Де Ланнуа двинулся дальше. Восемнадцать дней ехал он через степи Татарии. В проводниках у рыцаря был какой-то «татарин Грзоилос». Через Днепр переправлялись на лодках-однодеревках. И вскоре де Ланнуа уже шагал по улицам богатого города Солката (Старый Крым). Он был так обширен, что всадник на хорошем коне едва мог объехать его улицы в течение половины дня. Путешествовать по суше берегом Черного моря рыцаря отговорили: долго, хлопотно, опасно. Лучше по морю...

Судьба сберегла и на этот раз. Де Ланнуа прошел через разоренный турецкий муравейник и благополучно добрался до Ливана. Эта земля еще хранила следы эпохи крестовых походов, но арабские и османские правители беспощадно стирали их, опасаясь возвращения европейцев. Все побережье Ливана и Палестины было утыкано крепостями. Одну такую крепость де Ланнуа видел в Бейруте – над скалой, встающей прямо из воды, грозно нависали стены и башни, узкие бойницы незряче пялились в море... Нет, у Европы уже нет сил возвращаться сюда. Ее раздирают усобицы, турки неудержимо рвутся на запад и север. Все мечты о новом крестовом походе – утопия...

Он побывал на Святой Земле, потом через пески Синайского полуострова отправился в Египет. На склоне священной горы Синай до наших дней сохранился «автограф» де Ланнуа – «Здесь был...». Уж сколько раз ругали этих «подписантов», но иногда, оказывается, это полезно: эта надпись – лишнее подтверждение достоверности рассказов де Ланнуа. И вот, наконец, Египет, Александрия – огромный восточный город, под улицами и домами которого сохранилась древняя система подземных акведуков и цистерн. Раз в год, в августе – сентябре, воды разливающегося Нила наполняли эти цистерны водой, и все остальные месяцы город жил исключительно за счет этих запасов. Их хватало даже для орошения садов!

Из Александрии в 1423 г. де Ланнуа отправляется на родину. Его миссия «посла мира» завершена. Но не завершены путешествия! В 1429 и 1442 гг. он вновь в Германии, в 1430 г. отправляется в Шотландию, спустя год уезжает на церковный собор в Базеле, в 1446 г. путешествует по странам Средиземного моря... «Via est vita» – «Дорога – это жизнь», говорили древние. Жизнь беспокойного рыцаря де Ланнуа действительно стала бесконечной дорогой...

«Хождение за три моря»

5 ноября 1472 г. на берегу Черного моря, в городе Кафа – ныне Феодосия – появился загадочный странник. Прибыл он издалека, называл себя – купец Ходжа Юсуф Хоросани, но по-русски говорил чисто, да и сам – вылитый русский, только смуглый от загара. Какие товары привез он, да и привез ли, мы не знаем. Только точно известно: самое дорогое, что было при нем, – это листки с таинственными записями, где русские слова идут вперемежку с арабскими и какими-то криптограммами, понятными лишь ему одному...

Отъезд Афанасия Никитина

Долгий путь предстоит еще страннику – прежде чем попасть в родную Тверь, надо Орду пройти, Литву, Московию. Больной, измученный тяготами и лишениями, добирается он до смоленских земель. Неожиданная смерть обрывает путь загадочного странника. А таинственные листки попадают в Москву, к дьяку Василию Мамыреву, ведавшему казной Московского княжества. Много позже монахи Троице-Сергиева монастыря включили их текст в состав

одной из летописей. В начале XIX в. историк Н.М. Карамзин обнаружил эти записи в древле-хранилище Троице-Сергиевого монастыря. Прочитал и был поражен:

«Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших описаний европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века... В то время, как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара...»

Благодаря Карамзину и трудам историков последующих лет «Хожение» Афанасия Никитина стало известно всему миру. Написанное живым, взволнованным, страстным языком, оно представляет собой документ во многом запутанный, странный, полный загадок. На каком языке написано «Хожение»? На русском? Но тут же, рядом с русскими словами, Афанасий Никитин пишет: «В Индее же как пачек-тур, а учюзе-дер; сикишь иларсень ики шитель; акечаны иля атырсень – атле жетель бер; булера достор; акулькараваш учюз; чар фуна хуб...» Как считают историки, местами это слова восточных языков (которыми Афанасий, по-видимому, владел) – персидского, арабского, татарского, староузбекского, местами – тайнопись, которой Никитин зашифровывает свои записи. Для чего?

Никитин прекрасно разбирается в христианском и мусульманском календаре. Он следит за звездным небом, словно опытный кормчий: «Во Индеи же бесерменьской, в великом Бедери, смотрил есми на Великую ночь на Великий же день – волосаны да кола в зорю вошьли, а лось головою стоит на восток». Волосаны и Кола – это Плеяды и Орион, а Лось – Большая Медведица. Причем, заметьте, что созвездия эти ему знакомы давно, до странствия по Индии. Он употребляет их северные, бытовавшие в Твери названия.

А с какой точностью отмечает он свой путь! «Каждый день встречалось по три города, а в другой и по четыре; от Чаула до Джунира 20 ковов (Афанасий в «кове» считает по десять верст), а от Джунира до Бидара 40 ковов, а от Бидара до Кулунгира 9 ковов...»

В дорогу он взял много книг и часто потом сожалел об их утрате. «Со мной нет ничего, никакой книги, а книги мы взяли с собой из Руси, но когда меня пограбили, то захватили и их».

Так вот какой странник отправился в путь! Образованный, знающий многие восточные языки. Но, может быть, средневековый купец, особенно – волжский купец, и должен был быть таким? Он же посредник между Востоком и Западом, причем является таковым в течение нескольких сот лет, еще задолго до владычества Орды, да и при нем – тоже! Когда-то, во времена расцвета Хазарии, по Волге ходили купцы – варяги-русы, которых видел и описал Ал-Гарнати. А после крушения Хазарии и Болгарии, со становлением на Волге Ростово-Суздальской Руси купца-варяга или варяжского руса постепенно вытеснил этакий «универсальный» тип купца, одинаково свободно чувствовавшего себя в любой языковой и религиозной среде.

Год 1466-й. «В те же лета некто именем Афонасий Никитин сын Тверитин ходил за море», – сообщает летопись. «Пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с грамотой великого князя, и отпустил меня свободно. Также свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород... Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай...» – пишет Никитин.

Что же происходит дальше с караваном?

А дальше – бедствия и лишения.

«Поехали мимо Астрахани... Царь нас увидел, а татары кричали нам: “Не бегите!” Судно наше малое остановилось... они взяли его и тотчас разграбили; а моя вся поклажа была на малом судне. Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги... Здесь они судно наше большое отобрали, а нас отпустили ограбленными». Просили купцы помощи у каспийских князей, били челом самому ширваншаху, чтобы он пожаловал чем дойти до Руси. «И он не дал нам ничего».

Что же решают ограбленные купцы?

«Заплакав, разошлись, кто куда: у кого было что на Руси, тот пошел на Русь; а кто был должен там, тот пошел, куда глаза глядят; другие же остались в Шемахе, а иные пошли работать в Баку».

Вот тут бы, казалось, Афанасий должен был поразмыслить, что ему делать дальше. Но нет! Для него нет дороги назад:

«А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, а из Баку пошел за море».

За море?! Один? Ограбленный до нитки?! Что делать за морем купцу, которому нечем торговать?!

Весной 1468 г. Афанасий Никитин пришел в Персидскую землю: «Из Рея пошел в Кашану и тут был месяц. А из Кашана к Найину, потом к Йезду и тут жил месяц».

Красивы и богаты персидские города. Все здесь есть – китайские шелка, индийские шали, дорогое оружие, украшенное камнями, золото и серебро. Со всего света съезжаются сюда купцы – продавать и покупать. Но для Афанасия Никитина персидские земли, по-видимому, не представляли особого интереса. Еще целый год странствий – и всего три строчки в листках: «А из Йезда пошел к Сирджану, а из Сирджана к Таруму, где финиками кормят домашний скот...» Ну, что торговать нечем – это понятно, ограблен купец в начале пути. Но что тогда он делал в Персии целых два года? Может быть, бродя из города в город, искал знакомых купцов? Или он, как считают многие исследователи, принял в Персии ислам и пошел дальше по белу свету уже не русский купец Афанасий Никитин, а Ходжа Юсуф Хоросани – купец из Хоросана? В записях Никитина нет никаких сведений о Хоросане и о том, каким образом он стал Ходжой Юсуфом – только перечисления городов, где он побывал. И лишь «в стране Индейской» начинается описательная часть: по-видимому, он у цели. «И привез я, грешный, жеребца в Индийскую землю; дошел же до Джунира благодаря Бога здоровым, – стоило мне это сто рублей».

Откуда взялся у ограбленного до нитки Афанасия жеребец, стоявший на Востоке бешеные деньги, и сто рублей? Откуда деньги на переезды, жилье, пищу, покупки? Ведь не нищим ходит по Индии Никитин! Только на жеребца «извел 68 футунов, кормил его год», пока не продал в Бидаре. Футун – золотая монета, а 68 футунов – целое состояние. Может быть, «ода-рили» тверского купца хоросанские купцы-мусульмане? Во всяком случае, «чудо господне», которое случилось с ним в Индии, в городе Джунире, произошло тоже благодаря заступничеству мусульман:

«Хан взял у меня жеребца. Когда же он узнал, что я не басурманин, а русский, то сказал: “И жеребца отдам и тысячу золотых дам, только прими нашу веру...”»

Нет, похоже, в Персии Никитин все-таки не принимал ислам, хотя внутренне готов был к этому: «Кто по многим землям много плавает, тот во многие грехи впадает и лишает себя веры христианской...» Однако из текста «Хожения», несомненно, следует, что по крайней мере к концу путешествия Никитин уже придерживался какой-то совершенно непонятной веры, хотя родился и жил в Твери, то бишь в православной Руси. Имеется в виду молитва, которой оканчивается его книга. По-русски в ней звучит только первая фраза: «Милостию божию придох ж три моря...», дальше идут написанные кириллицей аяты (стихи) из разных сур Корана, а перед ними – такой арабский текст: «Нет бога кроме Аллаха, Милостивого и Милосердного, а Иисус – Дух Аллахов...» Он тоже, как и суры, записан кириллицей. Ясно, что это молитва, более того – символ веры. Но чей? Мусульманина? Христианина? Непонятно! Впрочем, Никитин честно предупреждает своих читателей: «Братья русские, если кто хочет пойти в Индейскую землю – оставь веру свою на Руси, и прославляй Махмета (пророка Мухаммеда. – *Примеч. авт.*)... А правую веру Бог ведает, правая вера – единого Бога знать, имя его призывать на всяком месте». Какая необычная для Средних веков широта взгляда!

С какой же целью все-таки ходил в Индию Афанасий Никитин?

Русь знала об Индии и до путешествия Никитина. Читали тогда и «Александрию», рассказывающую о походе Александра Македонского на Восток, переписывались и пересказывались «Сказания об Индейском царстве». Ценилась на Руси и «Христианская топография» византийского путешественника VI в. Космы Индикоплова. Индия слыла страной несметных сокровищ, охраняемых сказочными существами. «Есть тут люди псоглавые, у всякого шесть рук и шесть ног...» «Единорожец, копая землю, гром производит...» «В Океан-море чудовища людей подстерегают, нападают на корабли». И в эту таинственную, полусказочную страну отправился от берегов Персии на таве – небольшом торговом судне – хоросанский торговец Ходжа Юсуф, он же тверской купец Афанасий Никитин... Все без исключения исследователи «Хожения за три моря» отмечают – «поразительную точность собираемых сведений, отличную от всех трудов европейских путешественников». Вот Индия, увиденная его глазами, глазами жителя Твери XV столетия:

«Люди ходят нагие, не покрывая ни головы, ни груди, волосы заплетают в одну косу. Князь их носит покрывало на голове и на бедрах; бояре ходят с фатой на плече, а другой на бедрах; слуги княжеские с фатой на бедрах, со щитом и мечом в руках, а иные с копьями, с ножами или с луками и стрелами. Женки не покрывают волос, ходят с голыми грудями, все голы, босы и черны...

...У них пашут и сеют пшеницу, рис, горох и все съестное. Вино же у них приготовляют в больших орехах кокосовой пальмы. Коней кормят горохом. В Индейской земле кони не рождаются; здесь рождаются волы и буйволы. На них ездят и товар иногда возят – все делают...»

Но вот и странная запись:

«Меня обманули псы-бусурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли».

Какой товар для своей земли он ищет? Что нужно ему в богатой Индии? Есть здесь и ткани, есть и перец и краска. Вот Ормуз – великая торговая гавань. Люди со всего света бывают здесь. Все, что на свете родится, в Ормузе есть. Вот «Камбай – пристань всему Индейскому океану», и товар в нем любой – и грубая шерстяная ткань, и краска индиго, и лакх, и сердолик, и гвоздика. «А в Каликуте – пройти его не дай Бог никакому судну! А родится в нем перец, имбирь, цвет мускат, цинамон, корица, гвоздика, пряное коренье. И все в нем дешево...»

Все дешево, все редкость – это ли не клад для купца?! А он твердит – обманули псы-бусурмане... Ему нужен «особый товар». Только с ним может вернуться Афанасий в Тверь. Или – другой вариант – не привозить этот товар, а все выведать про него, узнать пути к нему, способы доставки... Но нет нигде нужного «товара», и Афанасий в отчаянии решает возвращаться назад: «В пятый же день Пасхи надумал я идти на Русь».

Весной 1471 г., после пяти лет «хожения» и, очевидно, не найдя желаемого, отправляется Афанасий Никитин в обратный путь. Но возвращается он не знакомым уже путем, а вслед за войском Делийского султаната идет в соседнее княжество Виджаянагар, которое ведет войну против мусульман.

Царям Виджаянагара принадлежала большая часть полуострова Индостан, от Малабарского до Коромандельского берега. Здесь, в самом сердце Индии, неподалеку от Виджаянагара, в недоступных горах находились алмазные копи Голконды...

Вот она, эта запись в листках Афанасия: «И пошел я в Коилконду, где базар весьма большой».

Голконда – неприступная крепость, окруженная 11-километровой стеной, была построена еще в начале XII в., когда здесь правила воинственная династия Какатиа. Спустя два века, после длительных войн, к власти пришла исламская династия Бахманидов. Тогда и появились в крепости мечети, минареты. Во времена странствия Афанасия Никитина она была уже столицей могучего княжества. Земли ее простирались от гор до океана, легенды об ее сокровищах разносились по всему свету.

«Нельзя описать царства сего и всех его чудес, – говорилось в “Сказании об Индийском царстве”. – Во дворце много золотых и серебряных палат, украшенных, как небо звездами, драгоценными камнями и жемчугом. И на каждом столпе – по драгоценному камню-карбункулу, господину всем камням, светящемуся в ночи. А родятся те камни в головах змей, слонов и гор...»

Все знаменитые алмазы Индии – «Кох-и-Нур», «Шах Акбар», «Тадж-э-Мах» – добыты в копиях Голконды. Алмазоносные районы располагались к востоку от плато Декан и на юге, близ реки Кистны. Сама же крепость Голконда была рынком, где продавались алмазы.

«Да около родятся драгоценные камни, рубины, кристаллы, агаты, смола, хрусталь, наждак... В Пегу же пристань немалая, и живут в нем все индийские дервиши. А родятся в нем драгоценные камни, рубин, яхонт. Продают эти камни дервиши... Мачин и Чин от Бидара четыре месяца идти морем. А делают там жемчуг высшего качества, и все дешево... В Райчуре же родится алмаз... Почку алмаза продают по пять рублей, а очень хорошего – по десять рублей; почка же нового алмаза только пять кеней (мелкая монета), черноватого цвета – от четырех до шести кеней, а белый алмаз – одна деньга. Родится алмаз в каменной горе; и продают ту каменную гору, если алмаз новой копи, то по две тысячи золотых фунтов, если же алмаз старой копи, то продают по десять тысяч золотых фунтов за локоть».

Алмазы! Может быть, именно это интересовало Афанасия Никитина в Индии?

«Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлин. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много...» Может быть, поэтому так точно отмечает все сухопутные расстояния от города до города, измеряет все дороги Афанасий Никитин, чтобы, пользуясь поддержкой хоросанских купцов, везти драгоценный товар сушей, через Персию?

Вез ли Афанасий в Тверь камни или не вез, но он, похоже, все выведал о них. Дальнейшие записи Никитина кратки: «В пятый же Великий день надумал я пойти на Русь». От Голконды он пошел к Гульбарге, потом к Сури, и так до самого моря, к Дабулу, пристани океана Индийского. Он прекрасно знает все дороги, которые ведут на Русь. Но он теперь и знает, что творится на этих дорогах: «На Хорасан пути нет, и на Чагатай пути нет, и на Бахрейн пути нет, и на Йезд пути нет. Везде происходит мятеж. Князей везде прогнали». Остается один путь: самый тяжелый, самый опасный – через Индийское море. На каждом шагу странника ожидают опасности. Жестокий шторм относит его к побережью Африки. Весной 1472 г., после шести лет странствий, Афанасий приходит в порт Ормуз, а к осени, к октябрю, без особых приключений добирается до Трапезунда на южном побережье Черного моря.

«Долго ветер встречал нас злой и долго не давал нам по морю идти... Божией милостью пришел я в Кафу». Все моря далекие, все страны неведомые остались позади.

Все, что мы знаем о дальнейшей судьбе странника, взято из скупых строк единственного источника – Софийской летописи:

«Сказывают, что-де – и Смоленска не дошед умер. А писание то своею рукою написал, иже его руки тетради и привезли гости Мамыреву Василью к дьяку великого князя в Москву», – записано в 1475 г.

Каким путем возвращался в родную Тверь Афанасий Никитин? Почему перестал вести записи? Вез ли он «товар»? Умер ли он своею смертью? Многие могли бы поведать «гости», принесшие в Посольский приказ тетради странника, но о них летописи молчат. А тут еще выяснилось, что даты «хождения» Афанасия Никитина по неведомым землям отмечались им по мусульманским праздникам. И все даты были неправильны, а нужно было считать пути по лунному календарю!

Своей точной и разносторонней наблюдательностью записки Афанасия Никитина выделяются среди других европейских географических сочинений XV–XVI вв. Выдающийся востоковед И.П. Минаев, рассматривая труд Никитина, находит в нем «не один драгоценный факт,

важный для понимания староиндийской жизни и просмотренный его современниками, захватившими в Индию». А сколько еще загадок таит текст знаменитого «Хожения»...

Где ты, Эльдорадо?

Более четырехсот лет легенда о стране Эльдорадо будоражила воображение золотоискателей. Никто из них, разумеется, не отыскал ни озера с золотым дном, ни города с золотыми мостовыми. Максимум, что они находили, – это причудливые золотые украшения индейцев, не отвечавшие европейским понятиям о тонкости вкуса. Поэтому большую часть этих изделий попросту переплавляли, а слитки отправляли в Европу. То немногое, что удалось сохранить в первозданном виде, сейчас хранится в музеях.

Инкский император Атауальпа

Себастьян де Белалькасар, уроженец испанской провинции Эстремадура, рано покинул отчий дом. Оказавшись в Севилье, откуда отплывали экспедиции в «Индию», он сел на корабль

и в 1507 г. прибыл в Санто-Доминго, откуда вскоре перебрался в Панаму. Он служил под началом прославленных конкистадоров Алонсо де Охеда и Васко Нуньеса де Бальбоа и показал себя смелым воином. В одной из экспедиций Белалькасар познакомился с Франсиско Писарро и Диего де Альмагро. Вместе с Писарро он сражался с инками, участвовал в захвате Кахамарки и пленении инкского императора Атауальпы. Позже Белалькасаром овладело желание организовать свою собственную экспедицию – на север, где, по слухам, Атауальпа хранил большую часть своих сокровищ.

Конкистадор Хуан Фернандес, участвовавший вместе с Белалькасаром в захвате Кахамарки, возвратившись в Центральную Америку, рассказал губернатору Гватемалы Педро де Альварадо о том, что к северу от Кахамарки лежит богатейшая страна – «королевство Киту». Альварадо был человеком не только жадным, но и крайне тщеславным. Услышав рассказ Фернандеса, он решил сам направиться в Киту. В его экспедиции было 10 кораблей, 500 солдат, 2 тысячи индейцев-носильщиков. Как только известие об этом дошло до Белалькасара, он затопился. В начале 1534 г. во главе отряда из 120 пеших солдат и 80 всадников Белалькасар вышел из Сан-Мигеля и направился на северо-восток. Силы его были ничтожно малы, но дерзость и отвага безмерно велики.

Спустя полгода Белалькасар сумел достичь долины Риобамбы. Индейский вождь Руминьяуи готовился дать отпор завоевателям. Он собрал около 12 тысяч воинов. Чтобы отрезать испанцам пути к отступлению, Руминьяуи перекрыл все дороги, приказав вырыть огромные ямы и установить в них заостренные колья. В долине Тиокахас произошло решающее сражение, продолжавшееся целый день. Индейцы сражались отважно, и в какой-то момент испанцы дрогнули. Но наступила спасительная темнота, а ночью один из индейцев, противников Руминьяуи, предупредил Белалькасара о готовившемся нападении, и испанцам удалось уйти из-под удара. И тут произошло самое неожиданное – началось извержение вулкана Котопахи. Индейские воины, увидев в этом знак свыше, предвещавший всеобщую гибель, разбежались.

Руминьяуи вынужден был отступить. По пути он сжигал селения и мосты, оставляя после себя мертвую пустыню. Так же поступил он и со своей столицей Киту (ныне Кито, столица Эквадора). Когда через несколько дней после его ухода сюда вошли конкистадоры, им достались лишь дымившиеся развалины. В лихорадочных поисках «золота Атауальпы» испанцы шарили всюду: в храмах, домах, на кладбищах. Но тщетно...

За этим занятием Белалькасара и застал гонец от Диего де Альмагро, которого Писарро послал выяснить, почему Белалькасар самовольно отправился на север. Результат встречи Альмагро и Белалькасара был неожиданным: Альмагро не только простил слушника, но и сам включился в поиски «золота Атауальпы».

15 августа 1534 г. два конкистадора основали близ озера Кольта город, назвав его Сантьяго-де-Кито. Этот шаг был очень своевременным: пять дней спустя они оказались лицом к лицу с воинством Педро де Альварадо, которое, как и они, жаждало захватить «сокровища Киту». Свой поход Альварадо начал из бухты Каракес. В отличие от Белалькасара он не располагал ни достаточной информацией, ни проводниками. Достигнув верховьев реки Дауле, Альварадо направился на восток, но заблудился в сельве. Когда он наконец достиг Кито, то недосчитался 85 испанцев и более тысячи индейцев-пилыщиков. Оставшиеся в живых солдаты походили на призраков – так они были истощены. И тут Альварадо ожидал главный удар: территорию «королевства Киту» уже заняли солдаты Белалькасара...

При иных обстоятельствах между конкистадорами, возможно, произошла бы стычка. Но тут сработал инстинкт самосохранения: одни были слабы, другие – окружены враждебно настроенными индейцами, и ни тем, ни другим не хотелось выяснять отношения между собой. 25 августа 1534 г. Белалькасар и Альварадо подписали мирное соглашение, после чего Альварадо отправился восвояси, а Белалькасар – на север. Им владело неодолимое желание отыскать легендарную Эльдorado – «страну золотого короля».

Эта страна лежала в самом сердце Колумбии, на высоте 2600 м над уровнем моря, в бассейне двух восточных притоков Магдалены – рек Богота и Согамосо. Ее стерегла «достигавшая небес» стена, воздвигнутая самой природой, – Анды. С севера на юг плато простиралось на 270 км, расстояние между восточными и западными гребнями Кордильер – 150 км. Всю эту страну и ее обитателей испанцы ошибочно называли Богота (видимо, потому, что так назывались одна из рек, протекавших в этой области, и важнейший из 42 индейских городов, существовавших здесь ко времени появления первых конкистадоров). И столица современной Колумбии сохранила это название до сих пор.

С торжественной коронацией правителя одного из здешних княжеств была связана столь притягательная для конкистадоров легенда о «золотом короле». На территории этой области находилось «священное озеро» индейцев-муисков Гуатавита. Новый правитель, которому предстояло принять в свои руки бразды правления, на золотых носилках во главе торжественной процессии прибывал к этому озеру. На берегу озера он выходил из носилок и раздевался. Жрецы натирали его тело благовонными смолами, а затем покрывали золотым порошком. После этого «золотой король» вместе со жрецами вступал на плот. Плот, легко покачиваясь на волнах, останавливался посреди озера, и правитель вместе с другими участниками обряда бросал в «священное озеро» всевозможные драгоценности – диадемы, ожерелья, золотые перстни... По одной из версий легенды, этими золотыми приношениями новый властитель замаливал грех, страшное преступление, содеянное каким-то его предком. Когда ритуал был совершен, правитель по специальным сходням спускался с плота в озеро, а затем, очищенный, избавленный от своего золотого одеяния, возвращался к народу. Так заканчивался этот обряд, и правитель обретал законную власть над подданными.

...Отряд Белалькасара продвигался очень медленно. По опыту зная, что такое голод, экспедиция вела с собой целое стадо из 300 свиней. Эти «живые консервы» были незнакомы с дисциплиной и весьма задерживали продвижение. И когда Белалькасар добрался наконец до Боготы, то увидел... лагерь испанских солдат! Белалькасар опоздал. Сколько раз он проклинал потом этих свиней, лишивших его сокровищ...

Неожиданные соперники пришли с севера. За два года до этого небольшой отряд под командованием Гонсало Хименеса де Кесада вышел из прибрежной колонии Санта-Марта. Одиннадцать месяцев испанцы терпели невероятные лишения, прорубая себе путь сквозь непроходимые заросли, преодолевая топи, бредя по пояс в воде по местности, кишевшей ядовитыми змеями, аллигаторами и ягуарами. Туземцы, прячась в зарослях, осыпали их дождем отравленных стрел. Испанцы голодали, страдали от лихорадки, умирали один за другим... Наконец, Хименес де Кесада принял решение повернуть назад.

Неожиданно его отряд вышел на плато Кундинамарка. Перед ошеломленными испанцами лежали ухоженные кукурузные и картофельные поля и аккуратные хижины богатых, судя по всему, деревень. Доносился мелодичный перезвон колеблемых ветром тонких золотых пластин, висевших над дверьми. Конкистадорам, по их собственному признанию, еще никогда не доводилось слышать столь сладостной музыки. После долгих мытарств они, наконец, достигли заветной цели!

Это была земля индейцев чибча. Испугавшись чужаков, и в особенности их лошадей, которые в Новом Свете были неизвестны, многие туземцы предпочли уклониться от знакомства с пришельцами и покинули свои селения. Но оставшиеся приветствовали европейцев как сошедших с неба богов. Они предложили им пищу, женщин, а главное – столь желанное конкистадорами золото. Этот металл не считался у чибча какой-то особой ценностью. Они выменивали его у соседних племен на изумруды и соль. О стоимости золота туземцы не имели ни малейшего понятия, но ценили его за блеск и плавкость, позволявшую индейским мастерам делать тонкие украшения, утварь и культовые предметы.

Солдаты не могли надивиться. Они увидели рудники, где индейцы на их глазах извлекали из земли крупные изумруды. Дворцы Боготы привели их в неописуемый восторг. Здесь не было ни одного дома или святилища, где бы испанцы не находили золота или изумрудов. При приближении отряда Кесада правитель Боготы бежал из города и укрылся со всеми своими сокровищами в какой-то крепости, в глубине лесов. Испанцы отправились на его поиски. Правитель пал в бою с конкистадорами, но его сокровища так и не были найдены.

Спустя несколько месяцев Хименес де Кесада подчинил себе весь край, потеряв при этом всего одного солдата. Но испанцам не сразу удалось узнать, откуда чибча получают золото. Прошло немало времени, прежде чем один старый индеец поведал им тайну Эльдорадо. Чтобы добыть несметные сокровища, говорил он, надо идти на восток, к горным твердыням, за которыми притаилось озеро Гуатавита. Именно там один из вождей ежегодно передает богам подношения индейцев, опуская в воды озера золото и изумруды, а потом, покрыв свое тело золотым песком, ныряет в озеро сам, чтобы присовокупить свой дар к жертвованиям соплеменников...

Правда? Легенда? Уловка, призванная отвлечь захватчиков от разграбления родной страны? Как бы то ни было, эта история произвела на европейцев огромное впечатление. «Золотой человек» – Эльдорадо – вошел в историю конкисты и вскоре превратился в целую страну Эльдорадо, предмет вожеления сонма золотоискателей.

В феврале 1539 г. к Боготе подошла новая экспедиция. Ее возглавлял немец по имени Николас Федерманн. В поисках еще «свободного» туземного царства Федерманн выступил из прибрежного поселения Коро спустя несколько месяцев после того, как экспедиция Хименеса де Кесада покинула Санта-Марту. Немцу не повезло: два с лишним года он искал проход через горный хребет на плато Кундинамарка, и когда его отряд выбрался к Боготе, он насчитывал лишь 160 изможденных, полумертвых от голода и почти голых людей.

Кесада встретил неожиданных конкурентов настороженно, но предложил им еду и одежду, потому что надеялся на их помощь во время вторжения в Эльдорадо. Пока он ломал голову, как лучше использовать немцев, пришла весть о приближении с юго-запада отряда Себастьяна де Белальказара. По невероятному совпадению, в каждом из трех отрядов было по 166 человек. Между их предводителями начался спор о преимущественном праве на предстоящие завоевания. Не достигнув соглашения, все трое отправились в Испанию, чтобы изложить свои претензии королю. Экспедиция в Эльдорадо была отложена на неопределенный срок...

Первым, кто предпринял попытку достать со дна озера Гуатавита лежащие там сокровища, был Эрнан Перес де Кесада, брат завоевателя Боготы. В сухой сезон 1540 г. он велел своим людям сделать из тыкв ковши и вычерпать из озера всю воду. За три месяца трудов ему удалось понизить уровень воды приблизительно на 3,5 м и извлечь на свет более трех тысяч мелких золотых изделий, но добраться до середины озера, где предположительно лежала львиная доля сокровищ, испанцы не сумели.

Сорок лет спустя была предпринята еще более дерзкая попытка осушить озеро. Некий купец из Боготы нанял несколько тысяч туземцев, чтобы прорыть отводной канал в толще одного из холмов. Когда работа была сделана, уровень воды понизился на 20 м. На обнажившемся участке дна был найден изумруд размером с яйцо и множество золотых безделушек, но этой добычи не хватило даже на оплату издержек. Позже один искатель сокровищ тоже попытался прорыть туннель, но был вынужден отказаться от этой затеи, когда свод обвалился и почти все его рабочие погибли.

Однако легенда об Эльдорадо оказалась живучей и даже привлекла внимание немецкого естествоиспытателя Александра фон Гумбольдта, посетившего Колумбию в составе научной экспедиции в начале XIX в. Хотя его интерес к сокровищам был чисто теоретическим, Гумбольдт подсчитал, что воды озера Гуатавита, возможно, скрывают золото на сумму 300 миллионов долларов. Ученый исходил из предположения, что за сто лет в обряде приношения даров

приняли участие 100 тысяч человек, и каждый из них бросил в озеро хотя бы пять золотых предметов.

Последняя попытка осушить озеро была предпринята в 1912 г., когда британские кладовщики привезли на его берег громадные насосы. Им удалось откачать почти всю воду, но мягкий ил на дне озера тотчас засасывал всякого, кто отважился спуститься в котловину. На другой день ил высох и сделался твердым, как бетон. Затратив на предприятие 160 тысяч долларов, британцы извлекли из озера золотые украшения на сумму лишь 10 тысяч. А в 1965 г. колумбийское правительство объявило озеро Гуатавита национальным историческим заповедником и положило конец всем попыткам добраться до его дна...

На поиски легендарной Сиволы

Эта легенда родилась в незапамятные времена. Говорили, что, когда мавры вторглись на Пиренейский полуостров, часть христиан – архиепископ, шесть епископов, множество священников и мирян, мужчин и женщин, в поисках спасения погрузились вместе со скотом, имуществом и домашним скарбом на корабль и вышли из гавани Порту (в Португалии) в море. Ветер погнал беглецов на запад. После долгих скитаний они достигли земли под названием Антилия, и поселились там, основав семь новых городов. Будто бы эту землю потом даже видели и посещали какие-то испанские и португальские моряки...

Гавань Порту

По мере того как расширялись горизонты знания европейских моряков и картографов, страну Семи городов помещали сперва на острове посреди Атлантического океана, потом – на Атлантическом побережье Америки, потом она начала уходить все дальше и дальше на запад... Вера в то, что где-то за океаном существует христианская колония, населенная беглецами с Пиренеев, не давала покоя многим искателям приключений. Испанские конкистадоры, покорившие Мексику, искали уже не остров Семи городов, а страну Семи городов, которая получила название Сивола. В 1530 г. испанец Нуньо Гусман слышал от раба-индейца, что тот своими глазами видел эту сказочную страну, где каждый город величиной с Мехико, где серебро добывают чуть ли не на поверхности и целые улицы заняты лавками ювелиров. Дорога туда идет через пустыню и занимает 40 дней...

Легендарную страну искали много лет. В марте 1539 г. на поиски Сиволы отправился монах Марко де Ниса в сопровождении индейских проводников. Вернувшись, де Ниса рассказал, что видел таинственный город своими глазами, но войти не решился, так как боялся найти

там свою смерть. По его описанию, этот город был больше и величественнее Мехико. На следующий год вице-король Новой Испании отправил на поиски Сиволы военную экспедицию во главе с Франсиско Васкесом де Коронадо.

В конце февраля 1540 г. из поселка Компостела (Западная Мексика) выступил огромный отряд: 300 испанцев, 700 индейцев, сотни вьючных лошадей и мулов, целые гурты крупного и мелкого рогатого скота и свиней. Экспедиция шла вдоль побережья, а с моря ее обеспечивал вспомогательный флот под командованием Эрнана Аларкона. Проводником при Коронадо состоял монах Марко де Ниса, тот самый, что уже видел легендарную страну...

В долине реки Сан-Педро отряд расстался с сопровождавшими его кораблями и двинулся в глубь материка. С востока обогнули пустыню Хила и вышли к одноименной реке, через которую переправились на плотах. Пройдя затем в северо-восточном направлении через южные уступы плато Колорадо, отряд, наконец, достиг того полупустынного района, где, по уверениям проводника, стояли Семь городов.

Когда после долгого и тяжелого пути конкистадоры увидели первый «город», разочарованию их не было предела: стоящее на скале селение было такой величины и вида, что солдаты с насмешкой говорили, что иной хутор в Новой Испании производит более солидное впечатление. Город был построен на уступах скалы так, что плоские крыши нижних домов находились на одном уровне с полом верхних. Здесь жило не более 200 семей, и испанцам не стоило большого труда овладеть поселком. Судя по внешнему виду его обитателей, одетых в хлопчатобумажные накидки и звериные шкуры, никаких сокровищ здесь ожидать не приходилось. Другие «прекрасные города», окружавшие это поселение, оказались еще меньше...

Только духовный сан защитил незадачливого проводника Марко де Ниса от расправы, но он не мог защитить его от презрения и насмешек. Однако легендарная Сивола, богатая серебром, возможно, все же лежала где-то рядом. Коронадо приказал главным силам двинуться в глубь материка вверх по долине реки Соноры. На побережье Калифорнийского залива был отряжен небольшой отряд под командованием Мельчора Диаса: он должен был разыскать корабли и передать их командиру Эрнану Аларкону дальнейшие инструкции.

Выполняя поручение, Диас добрался до моря. Горизонт был абсолютно чист: ни паруса, ни вымпела. Диас двинулся дальше вдоль побережья залива. Его внимание привлекло одинокое могучее дерево. На его коре была вырезана свежая надпись, из которой следовало, что под корнями этого дерева зарыто письмо.

В письме сообщалось следующее: Эрнан Аларкон достиг северного угла Калифорнийского залива и открыл устье большой реки. Поднявшись вверх по ее течению на лодке, он не нашел никаких Семи городов и вернулся к устью реки. Не теряя надежды на то, что эта река сможет довести испанцев до Сиволы, Аларкон назвал ее Буэно-Гиа («Добрый Вожатый»); ныне она носит другое имя – Колорадо. В устье Колорадо Аларкон напрасно прождал Коронадо в течение нескольких дней и вынужден был вернуться обратно.

Между тем Коронадо оставался в первом завоеванном испанцами селении, которое конкистадоры окрестили Сиволой – в знак того, что надежды найти легендарную страну не потеряны. Отсюда во все стороны рассылались отряды для исследования страны. В одном индейском селении испанцы услышали о большой реке на севере. На поиски этой реки Коронадо отправил разведывательный отряд во главе с Гарсией Карденасом. Преодолев суровое горное плато, отряд Карденаса в изумлении остановился перед внезапно разверзшейся, повергающей в трепет бездной. Над красными скальными отвесами бесшумно парили орлы. Широкое ущелье глубиной почти в целую милю, выглядело как видение из доисторического прошлого: беспорядочное нагромождение пластов земной коры красно-бурого, зеленого и бледно-желтого цвета. По дну ущелья мчала свои бурные воды река Колорадо... Так был открыт ныне всемирно известный Большой Каньон – одно из чудес Америки.

Второй разведывательный отряд двинулся из Сиволы на восток и обнаружил множество индейских поселков, построенных на склонах гор так же, как Сивола. Один из таких поселков стоял близ реки, которая текла на юго-восток и впадала, как оказалось, в большую реку, текущую на юг; до этого все встреченные испанцами реки текли в западном направлении. Оказалось, что отряд вышел к водоразделу между системами двух великих рек: Колорадо, впадающей в Калифорнийский залив, и Рио-Гранде, несущей свои воды в Мексиканский залив.

Главные силы отряда Коронадо выступили на восток и, дойдя до большой реки Пекос (левый приток Рио-Гранде), остановились на зимовку. Здесь испанцы впервые услышали о «золотой стране» под названием Кивира...

Эту тайну конкистадорам открыл индеец-раб родом из Флориды, которого испанцы встретили в одном приречном селении. Однажды попав в плен, он несколько раз переходил от одного племени к другому, пока, наконец, не оказался в тысячах километров от своей родины. Флоридец оказался толковым и надежным проводником и быстро завоевал доверие испанцев. Он рассказал, что на востоке течет огромная река шириной в целых две мили; в ней водятся рыбы величиной с доброго коня. Берега реки густо населены, по ней плавают большие челны, вмещающие по сорок гребцов... Так испанцы впервые узнали о Миссисипи.

Вторая часть рассказа оказалась еще интересней. На берегах этой великой реки, рассказывал флоридец, лежит богатая страна Кивира. Ее жители пользуются только золотой и серебряной посудой, носы их челнов украшают золотые орлы, а их вождь проводит свой полуденный отдых под ветвями огромного дерева, увешанного золотыми колокольчиками, и дремлет под их тихий перезвон...

Весной 1541 г. Коронадо отправился на поиски Кивира. По сохранившимся документам можно лишь предположительно установить его путь. По одной версии, Коронадо, перейдя реку Пекос, двигался в северо-восточном направлении. По другой версии, он шел по течению реки Пекос, обогнул с юга плато Льяно-Эстакадо, достиг верховьев реки Брасос, впадающей в Мексиканский залив, и повернул прямо на север.

Уже в начале своего пути на север отряд Коронадо вступил в безбрежные прерии. Здесь испанцы впервые увидели огромные стада бизонов. Через 10 дней после того, как они перешли реку Пекос, «они наткнулись на поселения людей, живших наподобие арабов». Здешней индейцы жили в палатках, сделанных из дубленой кожи «коров» (бизонов), и все время кочевали вслед за стадами этих животных, а когда нуждались в пище, забивали их.

29 июня 1541 г., в день святых Петра и Павла, испанцы достигли большой реки, которую называли «Сан-Педро и Сан-Пабло». По-видимому, это был Арканзас (правый приток Миссисипи). Переправившись через нее, они оказались в стране Кивире. Это был благословенный край, покрытый невысокими холмами, изрезанный полноводными реками, свежая, зеленая, роскошная страна, «лучше которой не найти ни в Испании, ни во Франции, ни в Италии». Однако местные индейцы не имели никаких ценных вещей, даже их вожди носили только медные украшения. Приближалась осень, и Коронадо, опасаясь холодной зимы, повернул назад. Обратный путь к реке Пекос занял сорок дней.

Коронадо упрямо верил в существование «страны золота». Весной 1542 г. он намеревался повторить поход, но болезнь заставила его отказаться от дальнейших поисков. Он вернулся в Мексику, где по одной версии, умер через несколько дней после возвращения; по другой, впал в немилость и был отрешен от должности. В погоне за миражом экспедиция Коронадо прошла несколько тысяч километров, открыв множество совершенно неизвестных ранее земель. По географическим результатам этот поход можно без всяких оговорок причислить к величайшим сухопутным экспедициям в истории открытия внутренних областей Северной Америки.

«Бедный белый человек...»

В начале 1790-х гг. лондонское Африканское общество подыскивало кандидата, желающего отправиться на поиски истоков Нигера. Предприятие обещало быть опасным – в Лондон только что пришли сведения о том, что путешествовавший с этой целью по Африке майор Хаутон был убит дикими племенами где-то в глубине континента. И тогда сэр Джозеф Бэнкс без колебаний высказался за то, чтобы принять предложение молодого шотландского врача Мунго Парка, сообщившего о своем желании отправиться в Африку...

Мунго Парк

22 мая 1795 г. Парк отплыл из Портсмута к берегам Африки. 21 июня судно бросило якорь у побережья Гамбии. Ожидая окончания сезона дождей, Парк провел несколько месяцев в Пизании. За это время он изучал язык мандинго, наиболее распространенный в этих районах Западной Африки, собирал сведения о глубинных областях бассейна Гамбии и Нигера. Полученная им информация была крайне противоречивой. «Это обстоятельство еще более усилило мое желание самому установить истину», – писал впоследствии Парк.

2 декабря 1795 г. Парк отправился в свою первую экспедицию. Его сопровождали переводчик Джонсон – местный уроженец, хорошо говоривший по-английски, и мальчик-слуга Демба. Путники шли вдоль берегов Гамбии на восток, по направлению к городу Сегу.

18 февраля экспедиция достигла Симбинга, деревни, лежавшей в глубоком ущелье, сдавленном со всех сторон скалами. Отсюда покойный майор Хаутон отправил свое последнее письмо. Местные жители рассказали Парку подробности гибели путешественника, обманутого и брошенного в пустыне без денег и пищи торговцами солью. Печальные мысли навевала вся эта история. Однако поворачивать назад было уже поздно – весь край был охвачен войной и мятежом. Положение Парка было отчаянным. Но он твердо придерживался избранного маршрута – собственно, другого выбора у него и не было, дорога назад была отрезана.

Из Симбинга Парк отправился в Дьяру, город, находившийся в зависимости от правителя мавров Али. Он просил Али разрешить проехать через его владения. Спустя две недели был получен положительный ответ, и 27 февраля, в самый разгар военных действий, Парк отправился в путь. С ним шел один мальчик Демба – переводчик Джонсон отказался сопровождать шотландца в страну «фанатичных мусульман». Злоключения начались практически сразу – в деревню, где путники остановились на ночлег, ворвались вооруженные мавры... Так Парк оказался в плену.

Об этом он впоследствии вспоминал с ужасом и говорил, что «никогда не переживал в своей жизни более тяжелых дней». Отмечая по контрасту доброту, гостеприимство, веселый нрав негров-малинке, путешественник писал, что мавры, наоборот, «склонны к жестокости и коварству». Несомненно, эта неприязнь к европейцам усугублялась и религиозными мотивами.

Военный лагерь Беноум, куда привели Парка, располагался на южной границе Сахары. По песчаной равнине были беспорядочно разбросаны палатки, между которыми паслись стада верблюдов. Одну из палаток, отличавшуюся от прочих размерами, занимал правитель мавров Али. Это был старый человек угрюмого вида, с длинной седой бородой. Он осведомился у Парка, не говорит ли тот по-арабски. Услышав отрицательный ответ, изумился и замолчал. Затем начались издевательства. Все вещи, в том числе одежда и компас, были у путешественника отобраны. Вместо еды путнику предложили убить дикую свинью и приготовить себе ужин из свинины, никогда не употребляемой в пищу мусульманами. Возле хижины, куда Парка отвели на ночлег, постоянно толпились взрослые, глумившиеся над «неверным», и дети, дразнившие его.

День проходил за днем, а Парк ничего не знал о своей дальнейшей судьбе. До него доходили слухи, что его хотят убить или выколоть ему глаза, «похожие на кошачьи». Чтобы пленник не зря ел хлеб, его – дипломированного хирурга – попытались приспособить в брандмейстера. Однако Парк порезал первого же своего клиента, и эта затея была оставлена. Решив, что христианин ни на что не способен, мавры стали обращаться с ним еще хуже. Над «неверным» постоянно глумились, срывали с него одежду, требовали, чтобы он читал мусульманские молитвы. Время тянулось медленно. Чтобы как-то скоротать его, Парк принялся изучать местный диалект арабского языка. Отношение к пленнику после этого несколько улучшилось. Кормили его, правда, по-прежнему плохо. Парк очень ослабел от голода и лихорадки, которой заболел с наступлением сезона дождей.

Между тем война продолжалась и уже вплотную приблизилась к границам владений мавров. Не желая испытывать судьбу, Али свернул лагерь и двинулся на север. Это ухудшило и без того тяжелое положение пленника. Кругом простиралась песчаная пустыня. Стояла жара, убившая всю растительность и высушившая водоемы. К попадавшимся изредка колодцам Парка не подпускали, боясь, как бы «христианин не осквернил воду источников, вырытых верными учениками пророка». Если бы не невольники-негры – сами обездоленные, они тем не менее давали Парку немного воды и пищи – путешественник вряд ли остался бы в живых.

Парка спасло лишь покровительство Фатимы – любимой жены Али. Путешественник, интересно рассказывавший о европейских странах и обычаях, понравился ей. Прошел, однако, еще месяц, прежде чем, используя эту неожиданную защиту, Парку удалось освободиться.

Помог случай. Али отправился на переговоры с одним из союзных африканских вождей, и, по просьбе Фатимы (а та, в свою очередь, действовала по просьбе Парка) взял Парка с собой. Путешественник не без основания полагал, что там, на юге, ему будет легче бежать.

27 июня, когда их путь уже был близок к завершению, пришло известие о том, что союзники Али разгромлены и противник уже где-то рядом. Воспользовавшись начавшейся паникой, Парк бежал. Смешавшись с толпой беженцев, он укрылся в лесу, затем по компасу (возвращенному ему по приказанию Фатимы) взял направление на юго-восток. Когда Парк понял, что избавился наконец от плена, безмерная радость охватила его. «Я был как человек, оправившийся от тяжелой болезни, – рассказывал он впоследствии, – вздохнул всей грудью и почувствовал необыкновенную легкость во всем теле, даже пустыня показалась мне симпатичной».

Однако, когда эйфория прошла, Парк увидел, что положение его весьма плачевно. У него не было ни пищи, ни воды, ни денег – лишь конь, которого, однако, тоже надо поить и кормить. В полдень, когда солнечные лучи с удвоенной силой отражаются от раскаленного песка, а в нагретом воздухе возникают миражи, последние силы покинули путника. Умирая от жажды, он упал в полуобморочном состоянии на песок...

Его спас неожиданно хлынувший ливень, продолжавшийся более часа. Парк расстелил на земле всю свою одежду, чтобы собрать в нее воду. Наконец-то он смог утолить жажду. Продолжая путь при свете молний, он вскоре вышел к какой-то деревеньке, и с ужасом узнал, что она... принадлежит правителю мавров Али!

Но выбора не было: и сам путник, и его конь еле волокли ноги. Парк поехал вдоль улицы. На пороге одной из хижин сидела старая женщина и пряла хлопок. «Я показал ей знаками, что голоден, – рассказывал Парк, – и спросил, нет ли у нее в хижине чего-нибудь съестного. Она немедленно отложила свою прялку и обратилась ко мне по-арабски, приглашая войти. Когда я опустился на пол, она поставила передо мной целое блюдо с кускусом».

На следующее утро – снова в путь. На этот раз Парку удалось найти верную дорогу. 5 июля он вступил в небольшое селение Вавру. Али со своими маврами остался позади.

Местные жители отнеслись к путнику с большим любопытством, проявляя при этом неизменное радушие. Глядя на изношенную, пришедшую в полную негодность одежду Парка и его изнуренный вид, они решили, что перед ними – самый бедный человек на свете. Жалея несчастного, африканцы везде предоставляли ему кров, давали хлеб, нередко и кружку молока.

За всеми этими бурными событиями Парк не забывал о главной цели своего путешествия – Нигере. Он знал, что река уже недалеко: спутники Парка сообщили ему, что через несколько дней он увидит долгожданную Джолибу – «Великую реку», как называли Нигер африканцы, и что они придут в большой торговый город, расположенный на его берегах. Наконец-то, после семи с половиной месяцев скитаний, Парк оказался так близко к цели путешествия.

Дороги уже были буквально забиты пешеходами, спешившими со своими товарами на рынок в город Сегу – столицу страны Бамбара. Приближаясь к городу, Парк озирался во все стороны, ища взором реку. Вдруг кто-то воскликнул: «Смотри, вода!»

«Взглянув вперед, я, безгранично обрадованный, увидел наконец основную цель моей миссии, долгожданный величественный Нигер, который, блестя под утренними лучами солнца, широкий, как Темза у Вестминстера, медленно катил свои воды к востоку».

То, что река течет на восток, не удивило путешественника. Хотя, отправляясь из Европы, он не был в этом уверен, и, как большинство английских ученых-географов, даже был склонен придерживаться прямо противоположного мнения. Однако во время странствий по Африке у него сложилось ясное понимание того, что река все-таки течет на восток. Местные жители неизменно говорили, что Нигер «течет к восходящему солнцу». «Особенно уверился я в этом, когда узнал, – пишет Парк, – что майор Хаутон собрал подобную же информацию». Так, благодаря мужеству, терпению и воле шотландского путешественника была решена загадка великой западноафриканской реки.

Парк выяснил не только это. Он убедился также в том, что ни Сенегал, ни Гамбия не соединяются с Нигером и что, следовательно, не в этих районах надо искать его истоки.

Резиденция мансы – правителя страны Бамбара располагалась на противоположном берегу реки. Манса не спешил принять неизвестно откуда взявшегося чужестранца, и путешественника приютила одна старая женщина. Возвращаясь с поля, она заметила оборванного путника, пожелала узнать его историю и, сжалившись, пригласила к себе в дом. У этой женщины часто собирались родственницы и соседки; они пряли хлопок и пели. Парк, быстро освоивший местный диалект языка мандинго, с удивлением услышал в одной из песен рассказ о себе самом:

Ветры дули, дожди лили,
Бедный белый человек,
Слабый и изможденный,
Пришел и сел под наше дерево.
У него нет матери, которая принесла бы ему молока,
Нет жены, которая смолола бы зерна.

– Давайте пожалеем белого человека, – подхватил хор.

– Давайте пожалеем белого человека, у которого нет матери, которая принесла бы ему молока!

Между тем аудиенция у мансы все откладывалась. 23 июля к Парку явился чиновник, который осведомился о цели его путешествия. Услышав, что столь опасный и долгий путь проделан единственно для того, чтобы увидеть Джолибу, африканец с удивлением спросил: «Неужели в твоей стране нет никаких рек? И разве все реки не похожи одна на другую?»

Странное желание европейского путешественника увидеть Нигер вызывало подозрения. В окружении мансы были убеждены, что Парк послан британским правительством для сбора информации, которая позволит англичанам забрать в свои руки всю торговлю в Западном Судане. В результате аудиенция так и не состоялась. Однако Парку было позволено продолжать путешествие.

Парк решает идти на восток: Нигера он достиг, но еще не побывал в Тимбукту и Хауса. Он запасся продовольствием, которого должно было хватить на пятьдесят дней, и двинулся в путь.

В лесах, покрывавших берега Нигера, водилось множество львов. Парк испытывал постоянный страх быть растерзанным хищниками. К тому же ему очень сильно докучали москиты. Изнемогшему путнику пришлось расстаться и с истощенной до крайности лошадей. У местного жителя он достал лодку и еще в течение восьми дней плыл на восток, голодный и больной. Между тем наступил разгар сезона дождей, река вздулась и затопила низкие берега. Лихорадка у Парка не прекращалась. 30 июля 1796 г. путешественник решил повернуть обратно. До Тимбукту – легендарного города, к которому на протяжении многих веков стремились европейские путешественники и купцы, – он не дошел двухсот миль.

23 августа Парк прибыл к Бамако – ныне это столица Республики Мали, а в ту пору – «город среднего значения». Здесь Парку повезло: отсюда в Гамбию уходил невольничий караван работоторговца Карфа Таура, и тот согласился взять Парка с условием, что он расплатится с ним в Пизании. 19 апреля 1797 г. караван вышел в путь и наконец, после двухлетнего отсутствия, Парк прибыл в Пизанию и был радостно встречен друзьями: о судьбе путешественника здесь ходили самые противоречивые слухи. Говорили, что Парк убит маврами.

Значение первого путешествия Мунго Парка трудно переоценить. Один, без помощников, практически без средств, Парк проник в глубь Западной Африки на 1100 миль и побывал в местах, куда еще не ступал и уж во всяком случае откуда не возвращался до него ни один

европеец. Невозможно не воздать должное его упорству в стремлении к достижению цели, мужеству, с которым он встречал всевозможные опасности, его настойчивости в преодолении препятствий. Парку не удалось достичь Тимбукту и Хауса. Однако он побывал на Нигере, установил направление его течения и обследовал берега реки на протяжении 1090 миль.

В мае 1798 г. Парк выступил в Африканском обществе с докладом о своих открытиях. Впервые британский путешественник проник в сердце Африки и решил одну из ее великих загадок! Он доказал, что Нигер – отдельная река, несущая свои воды с запада на восток, как утверждали древние географы, а не с востока на запад, как считал ал-Идриси. Это было крупное географическое открытие. Однако Парк, доказав, что река течет на восток, не ответил на другой вопрос: куда она впадает? Открытие Парка будто бы воскрешало утверждения географов древности о слиянии Нигера и Нила. Действительно, если воды Нигера текут с запада на восток, почему они не могут где-то в не исследованных еще центральных областях Африки сливаться с водами Нила?

Об истоках Нила в ту пору наука имела весьма туманные представления. А когда европейские путешественники расспрашивали о них египтян, то получали туманные ответы, что в Нил где-то далеко на юге вливается большая река с запада. Может быть, речь идет о Нигере? Открытие Парка вызвало оживленные дискуссии в научном мире.

Спустя некоторое время Парк обратился к Африканскому обществу с предложением продолжить исследование великой западноафриканской реки. Успех первого путешествия послужил Парку прочной гарантией благосклонного отношения к нему членов Африканского общества. Его предложение было принято без малейших колебаний. Эта вторая экспедиция стоила отважному путешественнику жизни: в ноябре 1806 г. он трагически погиб.

В ходе двух своих путешествий Мунго Парк сделал больше практических открытий, чем кто-либо другой за предшествовавшие полтора века. Колоритная фигура первопроходца, его короткая, но яркая жизнь и трагическая гибель неоднократно привлекали внимание историков. О Парке написано больше, чем о многих других путешественниках по Африке, в том числе и тех, реальный вклад которых в изучение этого континента был более весом.

Шейх Иоганн

«Я знаю, что исполняю свой долг, и радостно взираю в будущее, – писал Буркхардт матери за три месяца до смерти. – Я готов и к хорошему и к плохому, что бы оно ни принесло мне, но во всех случаях надеюсь достигнуть одной цели – увидеть тебя в этой или иной жизни. Поверь мне, дорогая мама, что желание увидеть тебя неизмеримо больше, чем стремление к славе, почету и признанию, а твоя похвала много дороже, чем похвала толпы. Слава, если она когда-нибудь приходит, это пустое чувство, но беззаветная любовь к матери и верность своему долгу в самых тяжелых жизненных ситуациях – это чувство, которое возвышает душу».

Цитадель в Алеппо

Страсть к путешествиям – это бацилла, нередко приводящая к неизлечимой болезни. В Иоганне Людвиге Буркхардте эта бацилла поселилась еще в детстве. Единственное, чего он боялся, – это что родители узнают о его намерениях и что это причинит им огорчения. «Разве солдат рискует не больше? – писал он родителям. – А если бы я был военным и оказался на поле боя, разве я не смотрел бы каждый день смерти в глаза? А какие опасности могут ожидать путешественника? Климат или люди. Что касается климата, то я, как вы знаете, от рождения отличаюсь силой и отменным здоровьем... У меня, правда, нет еще жизненного опыта, но я его получу. Я ничего не боюсь, даже смерти».

Буркхардта неудержимо манили таинственные страны арабского Востока, о которых в начале XIX в. в Европе рассказывали небылицы, в которых вымысла было больше, чем правды. Однако, когда в 1809 г. Буркхардт отправился на Восток, перед ним сразу встала проблема: кем он должен выглядеть в глазах местного населения? Выдать себя за араба? Остаться европейцем? И то и другое рискованно. И тогда он придумывает себе имя и биографию: отныне он

– Ибрагим ибн Абдалла, индийский купец, мусульманин... Правда, для этого следовало еще знать и Индию, но ведь не зря же Буркхардт столько лет учился – и в родной Швейцарии, и в Лейпциге, и в Геттингене, и в Кембридже! И вот купец Ибрагим ибн Абдалла уже рассказывает своим новым сирийским знакомым в Алеппо о том, какой прекрасный жемчуг добывается в океане недалеко от Бомбея и как тысячи пилигримов стекаются к священной реке Ганг... Случались и курьезы. Однажды его попросили что-нибудь прочесть на языке хинди, о котором Буркхардт не имел ни малейшего представления. Но он не растерялся: швейцарский диалект немецкого языка изобилует такими гортанными звуками, что для непосвященного вполне может сойти за хинди! В другой раз какой-то торговец, заподозрив в нем европейца, дернул его за бороду, желая убедиться, что она не приклеена. Буркхардт знал, что для истинного мусульманина прикосновение к бороде – страшная обида, и одним ударом сбил обидчика с ног.

Он осваивает разговорный арабский язык и его диалекты. Одновременно изучает турецкий язык. Много месяцев отнимает у него доскональное изучение Корана и комментариев к нему, составленных крупнейшими мусульманскими богословами. Он старается узнать обряды, быт и нравы арабов.

В сентябре 1810 г. Буркхардт покидает Алеппо, и в одиночку отправляется в далекое путешествие. С вершин Ливана он спустился к истокам Иордана, побывал в Сирии и Палестине, посетил развалины античных городов Пальмиры, Ларисы и Апамеи. Однажды на него напали грабители. Поскольку отнимать у путника, кроме еды, было нечего – денег он с собой не брал, – его попросту раздели, оставив в одних штанах. Пришлось возвращаться в Алеппо – два дня под дождем, почти голым и без крошки провианта.

Порой ему удавалось пристроиться к попутному каравану, и тогда Буркхардт становился частью большого неведомого мира, растворялся в нем и с радостью перенимал чуждые обычаи и манеры. Восход солнца караван встречал молитвой, пением и пронзительными криками, и Буркхардт громко кричал вместе со всеми. Когда солнце близилось к полудню, предводитель каравана делал знак, и все верблюды опускались на колени, а люди располагались на отдых в их тени. Прикрывшись накидкой, Буркхардт пытался в эти минуты незаметно делать записи. Вовремя не запишешь – быстро выветрится из памяти, и можно считать, что день прожит напрасно. Ночью, на привале, повсюду горели костры из сухих веток и верблюжьего помета, звучало приглушенное пение, шел тихий разговор. Из муки, масла и лука готовили ужин.

...Все началось с того, что неподалеку от селения Эль-Карак Буркхардт нашел несколько медных монет. На них по-гречески было написано «Петра». Буркхардту было известно, что знаменитая Петра, легендарный скальный город, располагалась в горном районе, среди высоких скал, до которых трудно добраться. Древние географы – Диодор, Эратосфен, Страбон, Плиний, Птолемей – достаточно точно описывали местоположение города. И Буркхардт решил как можно более тщательно исследовать окрестные места – каждое поселение, каждую долину. Огромный город не мог бесследно исчезнуть с лица земли!

Поиски, сопряженные с немалыми трудностями и риском, привели Буркхардта в долину Вади-Муса. Еще в Сирии ему говорили, что в этой долине якобы таятся несметные богатства. Путешественника сопровождал проводник-бедуин. Верхом они пробирались через абсолютно пустынную местность, минуя заброшенные арабские деревни. В одной из них Буркхардт увидел несколько глыб мрамора, лежащих на дороге. Откуда они здесь?

Всадники вступили на тропу, с обеих сторон стиснутую отвесными скалами. Ущелье становилось все уже и уже. Наконец, расстояние между высокими, более чем стометровой высоты, отвесными скалами из красного песчаника сузилось до двух метров. Голубое небо виднеется лишь через узкий просвет. Луч солнца не заглядывал сюда. Ни кустика, ни травинки меж камней.

Примерно через триста шагов ущелье расширилось и вышло к глубокому оврагу, отделившему тропу от отвесного склона горы. На дне его струился мелководный ручей Вади-Муса.

На берегах ручья Буркхардт заметил остатки облицовки. А еще дальше – акведук, перекинутый между скалами, развалины, ниши, выдолбленные в скалах... В некоторых нишах сохранились постаменты для статуй.

Просвет между скалами увеличивался. Ошеломленный Буркхардт шел, не в силах оторваться от невероятного зрелища, которое разворачивалось перед ним: отвесные скалы все гуще и гуще покрывались рельефными украшениями, карнизами, низкими дверными проемами, и все это связывалось воедино, образуя огромный и таинственный ансамбль...

Неожиданно ущелье распахнулось. От яркого света Буркхардт на секунду зажмурился, а когда открыл глаза, то у него перехватило дыхание... Прямо перед ним на фоне скалы возвышался древний храм. Огромный, изумительно стройный, таинственно мерцающий розовато-красным светом. Гармония и изящество пропорций, розовый цвет песчаника, из которого храм был сделан, и, наконец, его прекрасная сохранность – все было поразительно. Никому бы и в голову не пришло, что в этом Богом и людьми забытом месте скрывается великое творение великих мастеров!

«Что это?» – спросил изумленный Буркхардт проводника. – «Это дворец фараона, который здесь жил когда-то. А потом все поумирали, и дворец превратили в гробницу в память о нем».

Выйдя из храма, они прошли еще шагов двести. Среди утесов появлялись все новые и новые высеченные в скалах храмы, дворцы и гробницы. Иногда было трудно понять, где же кончалась скала и начинался храм или дом. Но вот скалы расступились, освобождая место для большого амфитеатра. Все его сиденья – а их не менее трех тысяч – были тоже высечены в скале. Арена посыпана гравием, и, если бы ветер не разметал его в разные стороны, можно было подумать, что лишь вчера на ней состоялось очередное представление. Судя по размерам, театр мог вмещать до 4000 зрителей.

Далее простиралась долина, густо усеянная развалинами домов, храмов, мавзолеев, грудами камней, обломками колонн. Одних только гробниц Буркхардт насчитал не менее двухсот пятидесяти. И все они, судя по архитектуре, относились к различным историческим периодам...

Иоганн Буркхардт первым из европейцев увидел Петру. Много лет спустя археологи выяснили историю этого древнего города, открыли замечательные памятники – храмы, дворцы. В наше время тысячи туристов с красочными путеводителями в руках приезжают сюда на автобусах и автомобилях. Они спешат увидеть сказочный город, вырубленный в розовых скалах, и мало кто знает, что открыл его для всех нас швейцарский путешественник Иоганн Людвиг Буркхардт...

В марте 1813 г. Буркхардт отправляется к верховьям Нила. В Фивах, где сосредоточено наибольшее количество памятников древнеегипетского искусства – скульптуры и архитектуры, в то время еще раскопки не велись, и в Европе о богатстве этого района было мало что известно. Буркхардт обнаружил здесь остатки храмов, засыпанных землей и песком, огромную гранитную голову, торчащую среди руин. Он назвал ее головой Мемнона – легендарного сына богини утренней зари Эос и нубийского царя.

Следующее открытие необыкновенной важности было сделано им у самой границы Судана. От случайного попутчика он услышал однажды странное название Ибсамбал: так арабы именовали загадочный древний храм с фигурами богов. Вместе со слугой Буркхардт отправился в указанное ему место. Изучая западный берег Нила, он вдруг увидел словно выросшие из-под земли огромные пилоны, между которыми возвышались огромные статуи. Позади – странное сооружение вроде украшенного нишами фасада, прилепленное к скале, а может быть, как и в Петре, высеченное в ней. Вокруг – пустыня. И фигуры, и скала, и вход в нее – все засыпано толстым слоем песка.

Они пробрались внутрь. Слуга разжег огонь, и Буркхардт увидел барельефы на стенах, колонны с капителями в виде женской головы с коровьими ушами, остатки лепки... Когда они спустились к берегу и оглянулись, Буркхардта поразило фантастическое видение: на фоне скал он увидел непостижимых размеров лицо, потом еще одно, другое, третье... Безмолвные стражи Нила были увенчаны коронами фараонов. Горы песка возвышались над ними, угрожая вскоре совсем скрыть их от человеческого глаза. «Вот и еще один завет будущим исследователям», – подумал Буркхардт.

Пройдет немного времени – и его завет будет выполнен. Буркхардт точно опишет местоположение загадочных голов, и здесь начнет работать экспедиция итальянского египтолога Джованни Бельцони. Археологи раскроют тайны этого величественного сооружения. Сейчас невозможно представить себе историю Египта без открытого Буркхардтом всемирно известного храмового комплекса Абу-Симбел.

Весной 1814 г. Буркхардт отправляется в Нубийскую пустыню, расположенную между Нилом и Красным морем. В пути на него напали мамлюки, и тогда в селении Дарау он пристроился к торговому каравану, следовавшему на невольничий рынок. Купцы приняли его за турка, и, боясь, что он составит им конкуренцию, изгнали его из каравана. Пришлось продолжать путь одному, верхом на осле. К общению с жителями пустыни Буркхардт привык быстро и не испытывал никакого страха.

До Красного моря Буркхардт дошел с караваном, который вез в порт Суакин табак, ткани и рабов. Какой-то торговец, желая угодить властям, донес, что с караваном идет белый. Буркхардта уже собрались заковать в цепи, но он успел выхватить из-за пазухи паспорт и охранную грамоту, которые получил от правителя Египта Мухаммеда Али. О том, что он европеец, в грамоте не говорилось ни слова, зато всем чинам предписывалось оказывать подателю сего помощь и поддержку. С молниеносной быстротой Буркхардт был освобожден.

После десятидневного плавания по Красному морю он высадился в Джидде. Отсюда Буркхардт рассчитывал отправиться в священный город мусульман Мекку, однако ему опять пришлось отбиваться от подозрений: «индийского купца», якобы отправившегося в далекое путешествие по заданию британской Ост-Индской компании, приняли за английского шпиона. Ученый кади Садык-эфенди устроил Буркхардту настоящий экзамен по исламской теологии. Буркхардту пришлось извлечь из своей памяти не только все суры Корана, большинство которых знал наизусть, но и комментарии различных мусульманских богословов к Корану, историю ислама и все священные предания – хадисы – о жизни пророка Мухаммеда. После повторного «экзамена» в присутствии еще одного ученого богослова Садык-эфенди объявил, что Буркхардт лучший знаток Корана и шариата, какого он когда-либо встречал – настоящий шейх!

7 сентября Буркхардт, погрузив вещи на осла, отправился в Мекку. Все обряды и церемонии, связанные с хаджем, он знал прекрасно. Выполнил все ритуалы: совершил таваф вокруг Каабы, поцеловал Черный камень, испил воды Земзема и пробежал семь раз между Сафой и Марвой.

Буркхардт поселился на окраине Мекки. Он вел себя свободно, как прирожденный мусульманин. Едва ли кто-нибудь из европейцев осматривал Мекку столь же тщательно, как Буркхардт. Он изучил все улицы и переулки, обошел все кварталы, вычертил подробный план города. Его переполняли впечатления. Позднее все они войдут в его книгу «Путешествия по Аравии», которая выйдет в свет в 1830 г. К этой книге – 704 страницы! – приложены планы, карты, рисунки, ноты арабских песен. Никогда ни до Буркхардта, ни после него Европа не получала столь подробных сведений о священной земле ислама.

24 июня 1815 г. путешественник вернулся в Каир. Трудности, лишения, болезни подорвали его здоровье, опустошили физически и духовно. «Я перевидел много всякой всячины, узнал разных людей, но я постарел так, что мои здешние знакомые и даже зеркала считают, будто мое загорелое и исхудавшее лицо и густая борода принадлежат сорокалетнему, а вовсе

не тридцатилетнему человеку», – писал Буркхардт сестре. А в апреле 1816 г. он снова отправляется в путь – на этот раз в пески Синайского полуострова, к племенам бедуинов.

Для европейцев той поры образ бедуина олицетворял собой жестокую, разрушительную силу. Говорили, что бедуин в любую минуту готов ограбить и даже лишить жизни. Но Буркхардт в своих странствиях по Сирии и Аравии не раз находил приют в бедуинских шатрах. Он быстро сумел приспособиться к жизни бедуинов, разве только грабить с ними не ходил. Он уже знал, с кем и о чем разговаривать, соблюдал все обряды и ритуалы, связанные с повседневной жизнью бедуинов. Эти люди – прежде всего пастухи. У богатых племен на пастбище пасется до двухсот верблюдов. У самых бедных их вовсе нет. Однако бедные и богатые одеваются и питаются одинаково. Грабеж – также одна из основ бедуинской жизни. Угон скота у соседнего племени – это геройство, доблесть, занятие, достойное настоящего мужчины. Без разбоя бедуины не существуют. У случайного встречного они отнимают одежду, табак, оружие – это Буркхардт не раз испытал на себе. Но бедуин никогда не поднимет руки на человека, это вопрос чести. Единственная причина намеренного убийства – кровная месть.

Буркхардт вернулся в Каир в июне 1816 г. Ему предстояло перенести на бумагу все, чему он был свидетелем. Он подробно описал бедуинов Аравии, их жилье, занятия, привычки, одежду, оружие. В Европе Буркхардт уже превратился в человека-легенду: одни расточали ему льстивые похвалы, другие рисовали страшные картины того, как бедуины держали его в плену, грабили, едва не казнили... «Ты думаешь, я очень изменился, – пишет Буркхардт матери. – У меня только кожа потемнела, появились морщины да борода стала длиннее. Но я надеюсь, что когда сбрую бороду и сниму турецкий наряд, то буду выглядеть еще весьма презентабельно».

Прежде чем расстаться с восточным нарядом, ему предстояло путешествие на юг, в глубь Сахары, к Нигеру и Тимбукту. Однако оно задерживалось из-за отсутствия попутного каравана. В октябре 1817 г., так и не дождавшись каравана, Буркхардт свалился с тяжелой формой дизентерии. Болезнь длилась всего пять дней...

Тело Иоганна Буркхардта было погребено на мусульманском кладбище в северо-восточной части Каира, со всеми почестями, положенными шейху и хаджи. Над его могилой воздвигнут мраморный обелиск, на котором высечена арабская надпись: «Все смертны в этом мире. Здесь покоится прах досточтимого, милостью Аллаха призванного шейха Ибрагима, сына Абдаллаха Буркхардта из Лозанны. Рожден 10 мухаррама 1199 года. Окончил свои дни в Каире 6 зу-ль-хиджжа 1232 года. Год 1288. Велик Аллах милостивый и милосердный». Он прожил всего 33 года.

При жизни Буркхардта ничего из написанного им опубликовано не было. Лишь с 1819 г. начали выходить его обширные труды «Путешествие в Нубию», «Путешествие в Аравию», «Путешествие по Сирии и Палестине», «О бедуинах и ваххабитах», «Арабские пословицы и поговорки»... «Мало кто из путешественников был наделен такой тонкой наблюдательностью, – писал о Буркхардте один из современников. – Он обладал особым чутьем, помогавшим ему распознавать истину даже в тех случаях, когда он не мог руководствоваться личными наблюдениями... Его всегда трезвые рассказы насыщены фактами, и тем не менее они читаются с бесконечным наслаждением. Он заставляет в них любить себя и как человека, и как ученого, и как превосходного наблюдателя».

Тимбукту – таинственный город в песках

Затерянный в песках Сахары город Тимбукту (Томбукту) известен во всем мире как один из крупнейших культурно-исторических центров Африки. Его называют «городом трехсот тридцати трех святых», «жемчужиной Мали», «королевой пустыни», «Багдадом Черного континента». Средневековый арабский географ Ибн-Халдун именовал Тимбукту «гаванью в пустыне», европейские купцы – «городом золота».

Тимбукту

Первоначально Тимбукту (на языке туарегов это название означает «колодец стражницы Букту»), вероятно, был просто местом отдыха пастухов, перегонявших стада в долине Нигера. Возвышение города, основанного на пересечении пяти караванных путей, что вели через Сахару от побережья Северной Африки, началось около тысячи лет назад, на рубеже XI – XII вв. В XII в. Тимбукту вошел в состав могущественной империи Мали, основанной народом малинке, входящим в группу племен мандинго. Ее воинственный правитель Сундиата (1230–1255) создал прекрасно организованное государство.

В 1375 г. в Тимбукту побывал знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута. В своей книге он описывал пышность, с которой проводилась аудиенция при дворе султана Мали. Царскому появлению, пишет путешественник, «предшествовали музыканты, которые несли золотые и серебряные гимбры (двухструнные гитары). Перед царем шли 300 вооруженных рабов». Одетый в «бархатистую красную тунику» император ступал по шелковому ковру, направляясь к платформе, защищенной от африканского солнца большим зонтом, «своеобразному павильону, сделанному из шелка и увенчанному золотой птицей, равной по размерам соколу».

В Средние века Тимбукту являлся узлом всей транссахарской торговли. Наивысшего расцвета эта торговля достигла к 1300 г. Из внутренних областей Африки сюда привозили золотой песок, слоновую кость, соль, кожи и рабов. Караваны купцов непрерывно тянулись в Тимбукту, ибо он, как писал португальский географ начала XVI в. Валентин Фернандиш, «есть складочный пункт всего золота, что обменивается на соль как в восточном, так и в западном направлениях». «Там величайшее изобилие зерна и скота», – вторит ему Лев Африканский (XVI в.). Выходец из Гранады Абу Хамид аль-Андалузи, совершивший несколько путешествий в Тимбукту, писал: «В песках этой страны есть золото – сокровище невыразимое. Торговцы продают за него соль, привозя эту соль на верблюдах из соляных копей». В 1426 г. итальянский географ Беккари сообщал о сахарском городе «Тумбетту», блиставшем своими мечетями с высокими башнями и украшенными золотом дворцами.

По различным оценкам, в средневековом Тимбукту, изобиловавшем лавками купцов, ремесленников и ткачей, проживало от 30 до 100 тысяч человек. Улицы были заполнены караванами, перевозившими самые экзотические товары. Шум оживленных портняжных мастерских и мастерских резчиков по сандаловому дереву смешивался с криками лодочников на Нигере и монотонным бормотанием учеников ста пятидесяти мусульманских школ-медресе; здесь сверкали на солнце минареты, украшенные листовым золотом, а над стенами дворца возвышались гигантские башни, похожие на голубятни.

Европейским купцам было хорошо известно, что ловкие берберские торговцы продают в Тимбукту большое количество европейских тканей; они с вожделием взирали на привозимые в порты Средиземноморья товары из Тимбукту. Увы, но этот «Багдад Африки» оставался для европейцев наглухо закрытым: арабские купцы из Андалусии и Магриба прочно держали в своих руках все нити караванной торговли через Сахару. Впрочем, по сообщению Раймунда Луллия (ок. 1283 г.), какой-то отважный испанец все-таки побывал в Тимбукту и от него в Италию и Испанию попали первые известия об этом таинственном и сказочно богатом городе в песках. Говорили также о некоем итальянском путешественнике, который в середине XIV столетия попал в Тимбукту из Туниса. Однако достоверно известно имя только одного европейца, побывавшего в Средние века в Тимбукту. Это был уроженец Флоренции Бенедетто Деи. В 1469 г. он посетил это «поселение в королевстве берберов, в самых жарких областях земли», где «много занимаются торговлей и продают грубое сукно, саржу и рубчатые материи, которые изготовляют в Ломбардии». Спустя четырнадцать лет, в 1483 г., в Тимбукту побывало посольство португальского короля Жуана II, причем семь из восьми его членов не выдержали здешнего нездорового климата и скончались. После этого на долгие четыре века над Тимбукту опустился «железный занавес» – ни один христианин не мог попасть в этот город.

Вплоть до XIX в. Тимбукту оставался тайной для европейцев. Того, кто откроет эту тайну, ждали премии в 3000 фунтов, или 10 000 франков, учрежденные географическими обществами Англии и Франции. Оставались неясными даже направление течения реки (Нигера), на которой стоит город, и ее название. Высказывались предположения, что такой рекой может быть либо Сенегал, либо Гамбия. Не исключалась возможность того, что эта таинственная река пересекает почти весь материк, начинаясь где-то недалеко от истоков Нила или

даже соединяясь с Нилом (по крайней мере, так было показано на карте мира средневекового арабского географа Идриси).

В 1825 г. на поиски Тимбукту отправился шотландец Александр Гордон Лэнг (1793–1826). Он уже обладал определенными знаниями об этих областях, поскольку служил офицером в Сьерра-Леоне и принимал участие в колониальной войне против народа ашанти на Золотом Берегу. Во время подготовки к путешествию в июле 1825 г. он женился в Триполи на дочери британского консула. Через два дня после этого события Лэнг отправился в путь через Сахару. Ему не удалось избежать ни лихорадки, ни разбойничьих нападений туарегов, но, миновав оазисы Гадамес, Туат и Тауденни, он все же добрался до Тимбукту.

Очевидно, он был первым европейцем, побывавшим в Тимбукту после Бенедетто Деи и португальцев. В отличие от следовавших за ним путешественников Лэнг открыто исповедовал свою христианскую веру и, не таясь, занимался исследовательской работой. Возможно, именно поэтому мы никогда не узнаем, что же он выяснил: в конце сентября 1826 г. этого честного и открытого человека задушили фанатичные мусульмане.

В 1827 г. за Лэнгом последовал француз Рене Кайе (1799–1838) – сын приговоренного к пожизненному заключению пекаря, человек без имущества, почти без образования, без покровителя в каком-либо ведомстве или научной организации. В шестнадцатилетнем возрасте он в качестве слуги впервые попал в Сенегал. Узнав о британской экспедиции, которая искала следы пропавшего без вести Мунго Парка, он последовал за ней. Это его предприятие окончилось неудачей, унижениями и полным физическим истощением, что, однако, ничуть не ослабило энергии Кайе. Страсть к путешествиям и непреклонная воля побудили его принять решение найти Тимбукту – город, воплотивший в себе все чудеса Африки. Кайе нашел службу в Сенегале, затем в Сьерра-Леоне и весной 1827 г., располагая значительной суммой денег, изучив арабский язык и мусульманский образ жизни, присоединился к каравану, следовавшему на восток.

Он ловко избегал всяческих недоразумений, выдавая себя за египтянина, захваченного в плен и увезенного во Францию, а теперь через Тимбукту якобы возвращавшегося на родину. Эта хитрость оградила его от враждебности местного населения, но не спасла от изнурительных переходов, лихорадки и цинги. Прошел целый год, прежде чем Кайе через плоскогорье Фута-Джаллон и области верхнего Нигера добрался до огромной реки, которую африканцы называли Джолиба. Это был Нигер. «Даже так близко от истоков Джолиба имела девятьсот футов в ширину, при скорости течения в две с половиной мили в час», – пишет Кайе.

Спустившись вниз по Нигеру на лодке, Кайе достиг своей цели. То, что он увидел 20 апреля 1828 г., стало настоящим потрясением: перед ним, окруженные бледно-желтым песком, до самого горизонта простирались глиняные дома и мечети таинственного Тимбукту. Над ними – бледно-розовое небо...

«Когда я вошел в загадочный город, – писал Рене Кайе, – предмет стремлений стольких европейских исследователей, меня охватило чувство невыразимого удовлетворения. Я никогда еще не испытывал таких ощущений, никогда так не радовался. Однако мне приходилось сдерживаться и скрывать свои переживания. Немного успокоившись, я понял, что открывшееся передо мной зрелище не соответствовало моим ожиданиям. Я совсем иначе представлял себе этот великолепный и богатый город. На первый взгляд Тимбукту – просто скопление плохо построенных глинобитных домов. В какую сторону ни взглянешь, только и видишь, что огромную равнину, покрытую сыпучими песками, желтовато-белую и совершенно бесплодную. Небо на горизонте светло-красное, в природе разлита печаль, царит тишина; не слышно птичьего пения. Но все-таки есть что-то внушительное в этом городе, возникшем среди песков, и невольно восхищаешься трудом тех, кто его основал. Когда-то река, по-видимому, проходила около Тимбукту. Теперь же она отстоит от него на восемь миль к югу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.